

ОСТРОВ ОТЛОЖЕННОЙ ГИБЕЛИ

«ДВИПАРАНУМ»

СЕРГЕЙ ВОЗНЫЙ

Еще вчера я был просто лузером средних лет, с избыточным весом и кучей долгов. Сегодня попал в суровый и жесткий мир, чтобы стать здесь... героем? Спасителем человечества? Императором всея Вселенной и Мегалюбовником, на худой конец?

Не угадали — для начала, просто выжить. Тем более, что проблемы у меня теперь вовсе убийственные. Копья и стрелы, чума, голодные твари с клыками и щупальцами... да много всего.

Это не сказка, ребята, это Двипамаранум!

Остров отложенной гибели.

Вместо пролога

Иногда приключения находят тебя сами. Падаешь в них посреди расслабленного июльского дня, погружаешься в темноту и холод, выныриваешь. Орешь от страха и полнейшего непонимания. Очень много соленой воды вокруг, а дна под ногами нет!

Открытое море, похоже!

Откуда?!

Успеваешь вдохнуть, потом накрывает тяжелой волной, и снова тонешь — без вариантов уже.

Вот ни фиги себе, день заканчивается!

Глава 1

Начиналось всё тоже не очень. С трескучей боли внутри черепной коробки и с гудящего мобильного.

— Алё... кх-кх...

— Саша, ты меня слышишь? Вадик пропал, — мамин голос в трубке прозвучал как всегда ровно. Железная леди, привыкшая сдерживать эмоции даже в пасти у тигра.

— Еще вчера ушел по каким-то делам, и больше суток не появляется.

— Кх-кхм! — ответил я горлом, сухим как слой пыли под моей кроватью. Оно и к лучшему, что слова не вылетают, иначе ляпнул бы всё, что думаю. Напомнил бы, что мой младший братишка — вполне уже совершеннолетний, а кое-кто никак не устанет вытирать ему сопли и баловать. В чем Вадик совсем даже не нуждается.

— Что у тебя с голосом?

— Кх... крмрн... Норм-кх-мально всё. Отдыхаю.

— Ты что там, спишь до сих пор? А как же работа?

— Выкх-ходной сегодня, — соврал я уже привычно. — Ты это... не волнуйся за Вадика, его и черти не возьмут. Загулял, поди, с пацанами.

— Он не пьет, — мамин голос остыл еще на пару градусов. — В отличие от тебя, извини за напоминание. Эти его прыжки по крышам, я ведь знала, что так и будет... что хорошим не кончится...

Она, вдруг, всхлипнула, и остатки моей сонливости улетучились. Вообще, не люблю женских слез! Материнских — тем более.

— Так, давай, это самое, без паники! — пробудился во мне говорливый менеджер, каковым я был всего-то три дня назад. — Давай конструктивно мыслить. Сейчас ты мне продиктуешь его друзей с подружками, я обзвоню, отыщу концы... или ты их не знаешь?

Реально, не знаешь?!

Похмельная боль в голове усилилась, трубка продолжила молчать и всхлипывать. Невероятно!

— Слушай, мам, ну он же с тобой жил... ладно, всё, проехали. Давай я сейчас отключусь и подумаю, о'кей? Клянусь, что к вечеру мы этого юного раздолбая найдем и всыплем ремня по заднице! Всё, до связи.

Нажал «отбой», зажмурился, чтобы свет по мозгам не бил. Вот какого, скажите, лешего мы вчера так ужрались?! Про повод не спрашиваю, повод был, хоть и очень своеобразный — обретение мною свободы через потерю должности. Победа над офисным рабством, сам себе хозяин и всё такое. Коллеги-«манагеры» безумно завидуют, даже Анжела, наверное, занявшая моё место. Тупая юная блондинка с четвертым размером груди и неизменно-алой помадой на рабочих губах. У меня фигура тоже выдается, но в области талии, возраст перевалил за тридцать, а рот я использую только для говорения. Слишком часто и не по делу. Дозвизделся, что называется.

Ладно, лежи-не лежи, а глаза открывать надо. Смотреть на загаженный с вечера стол, пустые бутылки и прочий хаос. Монитор отодвинут в сторону, на «клаве» кто-то из гостей оставил кучу мятых салфеток. Хорошо хоть «бычки» об экран не тушили! Ночевать, разумеется, не остались — им же всем на работу с утра, да и нет дураков помогать с уборкой. Черти, блин!

Во рту от разговора сделалось только суше. Еще башка принялась кружиться, будто решила стать вертолетным винтом, унести меня куда-нибудь. Крупнотоннажный груз, однако! С подъемом лучше повременю — или слетаю по маршруту «кухня-сортир» и закончу опять диваном, часика на два еще! Малолетнее хамло по имени Вадик никуда за это время не денется, а я приду, наконец, в себя...

Додумать не успел — кликнул как раз по «иконке» на телефонном экране, и «воцап» раскрыл для меня свежие сообщения. Три банальных, от коллег-собутыльников («как дела, как здоровье, мы трудимся, ты спишь, собака») и одно от Вадика. Того самого.

«Здравствуй брат. Нашел инфу про батю крутая хочу проверить но рисковно. Подстрахуй если что. Буду по адресу...».

Первая мысль — вот так, значит?! Не «Офисный тюлень» теперь и не «Бомба-в-пузе», а «брат»?! Неплохое начало!

Мысль вторая — с пунктуацией Вадик не дружит. Как и раньше. Это я в нашей славной неполной семье мыслитель, а он — человек дела. Паркурщик, боксер, парашютист и прочее «шило в заднице». Восемнадцать лет, семьдесят пять кило костей, обмотанных сухожилиями, смазливая мордаха и острый язык. Последнее, впрочем, у нас по наследству — батя тоже любил ободрать без напильника, а правильную маму от его речей кидало из бледности до красноты. В остальном мы разные. Вадим себе забрал и отцовский облик, и материнскую любовь, а я... стырил у соседа, наверное. Ничем другим мою внешность и характер не объяснить!

Ладно, не о том думаю. Сообщение отправлено вчера, в 19.40, а сейчас почти обед! На высшем уровне подстраховал братишку! Почему он, кстати, реально не обратился к друзьям-спортсменам? Побоялся, что засмеют?

Снова лишние мысли! Надо встать, наконец, закинуть в себя хоть что-то съедобное и

начать уже двигаться. Не до сна теперь! Ноги весят полтонны, сместил их на пол со всей осторожностью, приподнялся.

Хрусть! Ай!

Наступил на хрупкое, и оно сломалось, конечно, ткнуло мне в пятку острым краем! Футляр из-под диска с «AgeofEmpires», древней, но всё ещё актуальной для «олдов», вроде меня. Диск, слава всем богам, остался в системнике — вчера я, похоже, сам с собою рубился по «синей волне», а сейчас и не помню. Опять молодец!

Эта парочка появилась внезапно — как всегда, впрочем. Третий раз за последний месяц, но сегодня совсем уж не вовремя! Двое из ларца, одинаковых с лица: большие, плечистые, со скудной мимикой и чувством юмора на уровне неандертальцев. Один реально лысый, другой бреет голову для соответствия брутальному образу. Паша и Лёша, коллекторы. Выбрались из вишневого «паджеро», распрямились во весь рост, улыбнулись золотозубо и хищно. По их мнению. Лично мне напомнили динозавров — не из фильма про Юрский парк, а из аттракциона, где все чудовища механические и неповоротливые.

— Ну, здравствуй, дружище! Далеко ли собрался?

— Трудиться, вестимо! Про деньги помню, не прячусь, а сейчас извините, мужики!..

Хотел протиснуться мимо, но Паша выставил локоть, и я в него непроходимо уперся. Как в турникет метро, когда карта просрочена.

— А скажи мне, Сашуня, зачем ты людей обманываешь? — вступил в игру Лёша со своей обязательной репликой. Роли у этой пары расписаны раз и навсегда, отвлекать и убалтывать бесполезно, а все мои таланты в работе с «холодными» клиентами расшибаются о динозавров как стеклянная рюмка о стену. Пока программу не выговорят — разум отключен.

— Люди тебе кредит одобрили, как человеку, а ты по-козлячьи себя ведешь, — включился Паша и наступил мне на ногу кроссовкой размера сорок седьмого, не меньше. Слегка придавил, но ступню прострелило болью, да и в колене отозвалось. Может, врезать ему?! Я по юности слегка боксировал, и мешки пинал, и растяжка была, какая-никакая. В Вадиковом возрасте. Только у брата навыки останутся, а я своевременно сошел с Пути Силы на Путь Разума, о чем иногда жалею. Очень редко. Не «лихие девяностые» всё-таки, а вполне себе двадцать первый век, и мозги с языком важнее набитых костяшек!

— Извини, оступился, — судя по тону Паши, он из той подзабытой эпохи еще не вылез. Вряд ли был бандюком, но сейчас ему этот образ весьма по душе.

— Извиню, если дашь пройти, — отозвался я не очень разумно, но всему есть предел, не правда ли?! Тем более, Вадик вспомнился, да и времени теперь еще на пару часов больше, чем при унылом моём пробуждении. Очень хочется ледяного пива, а «двое из ларца» настроены дальше бубнить свою тему.

— Пройти тебе? Ну, давай! — отстранился Лёша, показал даже направление. Ладонь размером со штыковую лопату без дровка.

— Мы же, братан, не отморозки какие, мы видим, когда человек торопится... оп! Не прошел!

Вот точно ударю! Пофиг, что с кулаками на танки не лезут, и абсолютно поровну, что лечиться потом буду долго и больно! Или не поровну? У меня и так сейчас мозг наружу вылезет, а если еще хоть щелбан получу — плохо будет голове! Главное — Вадик без

помощи останется!

— Так, ребята, давай всё по-новой, о'кей? Вы меня можете мариновать еще два часа, но проблема от этого не исчезнет. Работу я потерял, вы в курсе, за душой у меня хрен, да маленько, проценты капают. Вам ведь платят за результат, а не за издевки над нищим мужчиной среднего возраста, едущим на перспективное собеседование?

Слишком много слов — да и предложений тоже. Сложноподчиненных. Люди Паши-Лёшиного типа обожают краткость, иначе у них «зависает» процессор, и кулер не справляется с охлаждением. Даже при свежем ветре и полном отсутствии волос на черепе.

— Куда ты ехать собрался? — завершил, наконец, анализ Паша. — С кем беседовать-то?

— С работодателем, мужики. Я к нему почти опоздал, но если вы устранились, а такси примчится вовремя...

— Да без проблем, мы тебя сами подкинем! Заодно оценим, кто там тебе собрался башлять!

— Вы уверены? — наморщил я лоб, для виду. — Внешность у вас специфическая, вдрут отпугнете.

— Лезь в «тачку», не болтай! Будешь, типа, при личной охране, гы-гы! Сразу авторитет подскочит!

С паршивой овцы — хоть шерсти клок, и к нужному дому мы домчали со скоростью света. В голове чуть прояснилось, даже корявый юмор моей «охраны» уже не бесил. Тем более что и впрямь могут пригодиться. Неизвестно, чего там нашел наш паркурщик, и, при чем тут отец, которого мы не видели уже лет пятнадцать. Явился из ниоткуда после первой своей отлучки, заделал маме Вадика, но долго на месте не усидел, исчез опять. Лично я бы такого героя и даром не стал разыскивать, зато у брата к папане тяга. Хоть и помнит его сквозь призму раннего своего детства. Ощущает, похоже, духовную близость по «шиллу в заднице».

— У магазина тормозните. Пивка возьму, а то трубы совсем уже...

— Обойдешься. С нанимателем надо общаться трезвым и похожим на человека. Чё, вообще, за профессия такая — мЭнеджер? Перед клиентами шестерить? Не, мы с Лёхой за любой хипиш, лишь бы ты долги гасил, но всё равно...

Хотелось ответить, что «коллектор» — это самая грязная и вонючая часть канализации, но опять сдержался. Тем более, в чём-то они правы. Какое, нафиг, пиво перед делом, даже если по факту там окажется пшик на постном масле?!

— Это здесь, что ли? — пробасил Паша, когда мы свернули во двор многоэтажки. Банальнейший двор, а уж вывеску над нужной дверью вообще без лупы не заметишь.

«Погрузись в „РЕАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ“! Квесты для взрослых и детей организованным группам — скидка».

Мелкие черные буквы на сером фоне, затейливая, но тоже маленькая эмблема: череп, скрещенные клинки, еще что-то. Железная дверь с глазком и ручкой — закрыта наглухо, даже подходить не хочется.

— Ты оглох, Сашуня?!

— В добром здравии, чего и вам желаю. Если хотите конкретики, то да, деловую встречу мне назначили именно здесь. Возможно, опоздал, благодаря некоторым!

Лёша глянул с подозрением, но из машины вылез, побрел к двери своей

механодинозавровой походкой. Ручка в его лапиче скрипнула, отсюда слышно.

— А ты куда собрался?!

— Вы меня, может, на цепь посадите? Смею напомнить, что встреча назначена именно мне, а потому...

Что «потому» и сам не знал. Интуиция, или еще какая чушь — всё-таки адрес и название совпадают, а уж где батя, там вообще никогда не просто. Как он говорил в своё время? «Нельзя открыть двери, если...». Нет, иначе как-то!

— Погляжу, может, там «секретка» есть.

— Ты совсем дурной, Сашуня? Скважина там замочная! Заперто там!

Я уже не слушал. Попробует остановить — отвешу плюху, и в этот раз точно! Что-то внутри меня поднялось и тянуло сейчас к двери, будто железную стружку к магниту. Или — дурного мотылька к огню, но об этом лучше не думать.

— Забавно назвали! — сказал я застрявшему у двери Лёше и повернул ручку. — «Реальная реальность» — это когда пять кредитов, и работы нет, так что мне, однозначно, по адресу!

«Нельзя открыть открытое и отпереть незапертое» — вот что отец тогда говорил! Глубокомысленную чушь, с точки зрения меня-подростка.

Ручка скрипнула, и дверь поддалась, наконец. Распахнулась, будто изнутри неслабый ветер дунул. Потянуло сыростью, солью, чем-то еще, от чего у меня зашевелились волосы и не только на голове.

— Ну, и чё у нас?! — возобновил активность Леша, не склонный к долгим размышлениям. — Будешь дальше грузить?! Типа, тебя тут реально ждали сегодня?! Да тут живой души полгода не было! Провоняло всё, нахрен!

Он шагнул через порог, поискал выключатель и не нашел. Взялся нашаривать ступеньки в неверном уличном свете.

— Лестница и то вся склизкая! Какой бы debil...

Фраза сменилась воплем, и Леша исчез. Провалился, невесть куда. Надо бы удивиться, но лимит моих эмоций на сегодня исчерпан.

— Эй, вы чего там?! — второй громила вылез, наконец, из авто, пикнул брелоком сигнализации. — В натуре что ли «секретку» нашли?! Кореш мой где?!

— Слишком много вопросов, — ответил я, уже не оглядываясь. — Кто много будет знать, тот не успеет состариться, а любопытной Варваре на базаре...

Луч телефонного фонарика уперся в подвальную темноту, будто в стену — всего три верхних ступеньки видно. Блестящие, оплывшие, будто измазаны чем-то. Вспомнился снова отец — кое-какие его рисунки, от которых тогда уже веяло безумием, или фантастикой на всю голову — представился юный и дерзкий Вадик. Если он тоже «открыл открытое» и поперся вниз по этим соплям...

— Эй, олень безрогий, на месте стой!

Я бы рад, но третья ступенька выскользнула из под ног, пришлось провалиться.

Как раз в приключения.

В холодное ночное море...

...Утонуть и сейчас не вышло: поднялся как пробка, перевернулся, наконец, животом книзу. Спокойно, Саня! Не бойся, дыши размеренно, оглядись хоть как-то! Не отсекай

башкою волны, а поднимайся с ними вместе!

Поднялся — увидел темное, громадное — съехал вниз, поднялся снова.

Корабль!!!

Наплывает из мрака, совсем уже близко, не увернуться! Грести в сторону, сколько хватит сил, ещё, ещё!

Вш-ш-ш-ш-ш-ш-у-у-у-у-х-х-х-х!!!

Форштевень судна навис горой, вода отбросила, завертела, я глотнул, опять вынырнул. В лицо хлестнуло мокрым и мягким, руки вцепились сами... канат! Натянулся и дернул меня похлеще трактора... не выпускать, иначе хряпнет о борт, а дальше будет кильватерная струя. Много-много бурлящей пены. Затянет и утопит! Вцепиться, карабкаться, будто в школе, на физкультуре! Отталкиваться от скользкого деревянного борта высотой с пятиэтажку, снова лезть!

Уф-ф, финиш! Перевалился через оградку — фальшборт, по-моему — рухнул на палубу тяжеленным живым мешком!

Два раза уф-ф!!!

Отбежал на карачках, толкнулся в какую-то дверь, заполз.

Темно и сухо, только запах тут... да и фиг с ним!

Game over!

Отрубился, но ненадолго. Стукнуло раз-другой о стенку, мышцы скрутило судорогой, а там и мозг заработал. Принес информацию, от которой стало совсем невесело.

Мертвечиной здесь пахнет! Тухлым мясом застарелой выдержки!

Ничем другим.

Глава 2

Если не думать о вони — она не исчезнет, зато можно просто валяться. Расслабить мышцы, бездействовать, наслаждаться жизнью, которую чуть не профукал. Представить, что всё это снится, в конце концов!

Или с ума подвинулся? Смотрю сейчас «мультики» в собственной голове, а туловище лежит себе на диване, окруженное следами попойки? Мама не звонила, да и Вадик никуда не исчезал... стоп!

Такого холода и запаха никакой глюк не выдержит, а уж сны — тем более! Проще признать, что я «попал»! Во всех смыслах! Провалился, невесть куда, и мир этот чуть меня не угробил сходу! Если мой брат тоже здесь...

Спину обдало таким ознобом, что морской воде и не снилось. Уселся через «не могу», а глаза уже привыкли к темноте, начали кое-что различать.

Тела. Несомненно, людские, по всему помещению. Определенно, мертвые, судя по запаху. Разглядеть их пока не получится, но агрессии не проявляют — уже хорошо! В какую бы задницу я ни свалился, но зомби этим сеттингом не предусмотрены. Наверное. В отличие от парусников. Есть, конечно, вариант-лайт: современная декоративная яхта и море где-нибудь под Феодосией, а в подвале я просто оступился и стукнулся башкой. После чего ублюдочные Паша с Лёшей решили так вот жестко пошутить. Перевезли бесчувственное тело за пару тысяч кэмэ, подняли вертолетом и сбросили. Нелогично, зато хоть какой-то реализм! Объясняет, кстати, почему самих друзей-коллекторов я в тех волнах не заметил.

Совершенно не объясняет, чьими телами тут всё завалено, и в чем, вообще, прикол!

Мышцы тем временем «отпустило», да и одежда нагрелась моим же теплом. Вместо иллюминаторов — прямоугольные окна, заделаны мозаикой из цветных стеклышек, длинный стол, скамейки. Если всё это декорация, то выглядит очень даже натуралистично. Впору снимать здесь продолжение каких-нибудь «Чёрных парусов»! Ближайшее тело раскинулось в метре от меня, и одежду его можно рассмотреть даже в этом свете. Аутентичную вполне. Ботфорты, кожаные штаны, шнурованная куртка из того же материала. Рот перекошен, будто от боли, лицо почернело, шея раздута. Омерзительно, кстати, раздута — громадные шишки у подбородка, с обеих сторон. Мать твою за ногу!

Чума!!!

Я, конечно, не медик, но про эту бяку с ее симптомами только ленивый не слышал. В связке, естественно, со страшилками о Средневековье: горы трупов и доктора с «вороньими клювами», от вида которых хочется сдохнуть без всякой болезни. Прикольная тема, если воспринимаешь ее под пиво, с экрана большого, или малого.

Не как сейчас!

Попятился осторожно, будто от громкого звука все тут начнут-таки шевелиться и вставать. Толкнул спиной дверь, вывалился обратно на мокрую палубу. Может, сразу за борт сигануть?! Всё мучений поменьше! Вместо этого побрел в жутковатом лунном свете вдоль надстроек, сунулся в другую дверь, увидел еще тела. Живых тут нет, похоже. «Летучий голландец» под рваными парусами и неведомым флагом — крылатый зверь, вроде льва, снизу не разглядишь. Возможно такое на Черном море, в благословенном XXI-м веке? Фигня вопрос — не такое еще возможно! Луна уставилась с неба, будто глаз демона, вполне себе «земная» и белесая, пятен на ней не видать, но и это не говорит ни о чем. Ладно, после буду думать! Действовать надо! Спрятаться от ветра, подсохнуть и найти другую одежду! В идеале — не снятую с чумного трупа!

С этой мыслью сунулся в трюм — ничем другим этот люк в задней части палубы быть не мог — нащупал ногой стремянку и снова сорвался. Ну, не везет мне сегодня с лестницами!

Грохот, боль, темнота...

В забытьи оказалось неплохо. Гораздо лучше новой моей реальности! Много света, приятная музыка, вот только человек сомнительный — толстяк с огромной головой, практически голый, не считая плавок, весь обставленный коробками и бутылками. Я сделал шаг, под ногами что-то хрустнуло, человек обернулся.

— О, наконец-то! Иди же ко мне, противный!

Интригующее начало, блин! Среагировать я не успел — собеседник принялся хохотать, тяжелое брюхо заколыхалось, а плавки под ним спереди оказались почти не видны. Будто из анекдота про «зеркальную болезнь», когда собственный хрен получается разглядеть только в зеркале.

— Ой, не могу, ой умора! Не узнал?! А это ведь ты и есть, Сашок, друг мой! Я — это ты ты — это я, как пел в нашем детстве один неплохой артист! Не помнишь? Ну, да, ты же с популярной музыкой всегда был не очень, ты по учебе парился, и я с тобою вместе! Ботаник-головастик-языкастик, бе-бе-бе!

Язык у жирдяя оказался мерзким, как и он сам. Метровой длины, не меньше.

Поболтался перед лицом моего визави, скрутился в рулон и исчез во рту.

— Пферебор, пофалуй, — прошепелявило чудище и взялось сминать свои щеки руками. — Перебор, говорю! Не такой уж ты языкастый, да и прочее... шас исправим!

Захрустело, громадная голова уменьшилась в размерах, лицо теперь стало реально похожим на моё собственное.

— Получше смотрится, Сашок?!

— Перестань меня так называть! — я шагнул вперед, под кроссовками снова хрустнуло. Кости, вот оно что — всё тут в сплошных черепах и ребрах, совсем истлевших. Потому и много белого цвета!

— Кто ты такой, мать твою?!

— Тебе повторить? Без проблем, для тугих на всю голову конкретизирую! Я — твоя лучшая часть, самая креативная! Могу сказать тебе вещи, которые знаешь сам, но боишься принять и озвучить. Начиная с внешнего вида.

— Нормальный у меня вид! И пуза такого сроду не было!

— В самом деле? — тонкие руки приподняли громадную жировую складку, вернули обратно. — Я и здесь перестарался? Ладно, прости! Оставим в покое внешность, займемся всем остальным. Что ты имеешь по жизни, Сашок, чтобы так борзеть?! Может, денежки?!

Рука жирдяя нашла бутылку в шеренге других, перевернула — из горлышка сыпануло пылью, дно отколосось, шлепнулось рядом.

— Нету денежек, — констатировал человек-пародия. — Даже в минусе, с учетом твоих долгов! Что еще посмотрим? Карьеру, личную жизнь, удачу... хотя, с последним, как раз, не так уж плохо. Встретить корабль в открытом море — плюс. Суметь на корабль забраться — огромный плюс! Ты не совсем безнадежен, Сашок, но финальный минус стирает всю твою удачу. Очень плохие попугачики, хоть и дохлые, а скоро ты к ним присоединишься!

Достал откуда-то весы, тяжелые, медные, старее бивней мамонта. В первой чаше — оскаленный череп, во второй — сияющий всеми гранями кристалл. Скрип-скрип, скрип-скрип.

— Или — не присоединишься. Удача, несомненно, есть, а вот с кораблем сплошная неясность.

— Я плавать умею! Я в секцию ходил!

— Неужели?! Полгода занятий, а дальше лень. Как и всё в твоей жизни, Сашок! Товарищ Половинкин!

— Не зови меня так! — кулаки сжались сами, дернулся, проснулся.

Никаких уже белых тонов и музыки — только смрадная темнота. Что-то в ней движется, перемещается рядом со мной, отблескивает алыми искрами. Крысы, похоже. Здоровенные! Если питаются падалью, то сыты, а вот если соскучились по свежатишке... надо валить, короче! Мне! Отсюда! До трюмного люка карабкаться метров десять, лестницу в лунных отсветах видно плохо, но нащупаю!

Крысы пискнули разом — волна ультразвука, от которой заныли перепонки. Вспыхнули новые угольки глаз, взялись обкладывать, будто волчья стая.

— Вы это, звери... фигней не майтесь, — сказал я черным теням, но голос меня подвел. Совсем не такой уверенный как во сне, с тем жирдяем! Хорошо, что жирдяй не слышит, а то посмеялся бы снова!

— Крысы — это грызуны, понятно вам? Гры-зу-ны. Тут дерева много, вот и грызите!

Послушались, как ни странно! Растворились во тьме. Это я что, дрессировщиком на полставки заделался?! Ладно, проверим позже, а сейчас надо пользоваться моментом и лезть-таки наверх!

Сказано-сделано! Быстрее, чем сам от себя ожидал — не люблю я странностей, даже приятных, а на чумном корабле тем более! Выбрался снова на палубу, в рассветные сумерки, начал оглядываться...

...И сразу закончил.

Ни к чему вертеть головой, если прямо по курсу — земля! Серые скалы, туман и всё это в километре, не больше! Паруса наполнены ветром, мчимся к берегу со всей дури! Правильно крысы заволновались!

— Удача, значит? Там не утонул, чтобы здесь, да?!

Сам вдруг почувствовал себя грызуном — забиться бы в трюм и ждать финала! Потом, правда, будет пробоина, и затапливать эту ореховую скорлупу начнет именно снизу, логично же! Наверху надо прятаться! В капитанской рубке, на мостике, или как оно зовется у мореманов?! Где-то там, стопудово, имеется штурвал, можно его найти, только смысла нет. Не машина же! Многие тонны веса, высокие мачты и сила инерции — набок завалится, или что другое, тоже малоприятное!

Убежище я отыскал за секунды — в той самой каморке, где трупы. Залез в закуток между лавкой и стеной, уперся ногами, приготовился.

Крррр-р-р-р-р-р-р-ах-х-х-х-х-х!!!

Именно этот звук, потом удар. Встали на полном ходу, мертвецы повалились на пол, а кто-то и сразу там был. Мертвецам до лампочки — не то, что мне! Спину сдавило, будто прессом, швырнуло налево-направо, замерло.

Тоскливый хруст и неподвижность. Финиш, по-моему.

На камни мы сели классно — всего-то в десятке метров от берега.

Только берег совсем не классный!

Каменная пустошь, насколько хватает глаз, ни единого деревца. Дальше сплошной туман. Огней не видно, как и прочих признаков цивилизации.

— Удача, значит? — повторил я вопрос. — Ну, ладно, что-то в этом есть. Живой ведь до сих пор!

Очередная крыса согласно пискнула и поплелась мимо меня к фальшборту. Клочковатая, нездоровая даже с виду. Если уж эта дохлятина решила смыться, то мне давно пора!

В воду съехал по канату, обжег ладони, зато не хряпнулся о камушки с высоты. Плавать меня реально учили, хоть и давно, а насчет «товарища Половинкина» — прав был толстяк, не отмазаться! Как и мама, придумавшая прозвище. Быстро вспыхиваю, быстро остываю. Что успел ухватить — то и моё!

Плыть почти не пришлось, а кроссовки не снял совершенно правильно: дно у берега оказалось сплошь в угловатых камнях. Вымок опять до нитки, а рассвет еще только забрезжил, и тепло не скоро придет.

Если придет вообще!

С чего я решил, что здесь тоже лето, и что климат похож хотя бы на нашу среднюю полосу, а не на Чукотку с Якутией?! Костер разжигать нечем, ветер пронизывает. Надо

спрятаться хоть куда-нибудь!

Чихнул я уже в укрытии — в скальной трещине рядом с «пляжем». Тоже не «Хилтон» и сверху капает. Забился поглубже, обнял руками колени и сразу чихнул, до боли. Раз, второй, третий. Просквозило-таки — если не думать о другом варианте, совсем уж поганом! Если гнать эти мысли, уводить их в сторону и хоть что-то планировать на шаг вперед.

Где же я, всё-таки, оказался?!

Где Вадик, куда подевались коллекторы, и при чем тут, собственно, батя с его афоризмами в духе восточных мудрецов?! Не похож ведь был на Конфуция, совсем другой человеческий тип! Именно тот, что всегда нравился маме: раздолбай, искатель приключений, человек с загадкой внутри. Это я сейчас его так домысливаю, а в реале и вспомнить нечего — всё моё раннее детство твердили про «папу-путешественника», в детстве позднем циничные пацаны объяснили, что отец мой наверняка «сидит», но и это было неправдой. К подростковому возрасту я в этих темах уже более-менее шарил, потому недолгое возвращение папы Вити принял без радости, но и без страха. Просто, дядька, которого никогда не знал, потому и эмоций нет. Жилистый, с огоньком в глазах и совсем обычный по всем остальным параметрам. Загорелый до черноты. Много пил, как водки, так и чаю, говорил свою заумь, а в нетрезвом состоянии рисовал на листах из моих тетрадок, обычной шариковой ручкой. Что-то очень неприятное рисовал, похожее на...

Из анабиоза меня выдернули голоса. Мужские, невнятные, но слова разобрать можно. Они что же, по-русски говорят?!

Надо бы вылезти из расщелины с воплем: «Земляки-и-и!», но сдержался почему-то. Выглянул краем глаза: человек десять, сутулые, косматые, обряжены в такие лохмотья, что даже отсюда вызывают оторопь. Бомжи? Скорее всего — если бывают обычные бродяги с дубинами и копьями. Может, секта какая-то?! При любом раскладе, общаться мне с ними расхотелось сразу и всерьез, да и просто показываться, желания нет. К воде подбежали размашистыми прыжками, старший рыкнул коротко, прочие доплыли до «моего» каната, полезли вверх, друг за другом. Ловкие, черти! На кого они тут охотятся с этими штырями?!

— Ух-ха! — крикнул с палубы самый шустрый, а дальше зазвучала полная невнятина. По моим представлениям, все они должны были от вида трупов сигануть за борт и пятками сверкать, куда подальше.

Нет, однако!

Пятеро, правда, спустились, образовали живую цепочку, а другие... взялись им скидывать всё подряд, от мешков до шмоток. Совсем с головой не дружат! Мне с такими дружить тем более смысла нет — вылез из трещины и пополз на карачках, вдоль скальной стены, в туман. Не заметили, вроде! Дальше перешел на шаг, попробовал бежать, но дыхание сбилось на раз. Зато согрелся!

Направление потерял быстро, как и чувство времени. Не совсем, конечно, дитя асфальта, по юности в походы ездил, но давно это было! В компании опытных и умелых людей. С компасом хотя бы. Сейчас у меня и часов при себе нет, а мобильник остался где-то на дне морском. Всего имущества — связка ключей в кармане, с миниатюрным складным ножом вместо брелока. В гору с таким арсеналом точно не стоит лезть! Как и сходиться в бою против дубин и копий!

От скалы ушел, наконец, дальше потянулись колючие кусты, а потом повеяло вкусными запахами. Дымом и пищей. Так повеяло, что желудок свернулся в трубочку, и страх вообще исчез.

Цивилизация рядом!

Эти, косматые, ушиблены на всю голову, но с чего я решил, что они мне желают зла?! От всех подряд теперь прятаться, кто странно выглядит?!

Рассуждал, а ноги уже несли — пока не увидел ту самую «цивилизацию» в полусотне метров. Сомнительную, однако! Пару десятков хижин, сложенных явно из мусора. В дальнем конце селения поднимается дым костра, мелькают людские фигуры, ближе всё выглядит безжизненным. Большинство побежало корабль обнести? Вернутся, притащат в свой дом чуму, но это ведь будет позже, а пища — вот она, рядом!

Если не думать о вони — она не исчезнет, зато можно просто валяться. Расслабить мышцы, бездействовать, наслаждаться жизнью, которую чуть не профукал. Представить, что всё это снится, в конце концов!

Или с ума подвинулся? Смотрю сейчас «мультики» в собственной голове, а туловище лежит себе на диване, окруженное следами попойки? Мама не звонила, да и Вадик никуда не исчезал... стоп!

Такого холода и запаха никакой глюк не выдержит, а уж сны — тем более! Проще признать, что я «попал»! Во всех смыслах! Провалился, невесть куда, и мир этот чуть меня не угробил сходу! Если мой брат тоже здесь...

Спину обдало таким ознобом, что морской воде и не снилось. Уселся через «не могу», а глаза уже привыкли к темноте, начали кое-что различать.

Тела. Несомненно, людские, по всему помещению. Определенно, мертвые, судя по запаху. Разглядеть их пока не получится, но агрессии не проявляют — уже хорошо! В какую бы задницу я ни свалился, но зомби этим сеттингом не предусмотрены. Наверное. В отличие от парусников. Есть, конечно, вариант-лайт: современная декоративная яхта и море где-нибудь под Феодосией, а в подвале я просто оступился и стукнулся башкой. После чего ублюдочные Паша с Лёшей решили так вот жестко пошутить. Перевезли бесчувственное тело за пару тысяч кэмэ, подняли вертолетом и сбросили. Нелогично, зато хоть какой-то реализм! Объясняет, кстати, почему самих друзей-коллекторов я в тех волнах не заметил.

Совершенно не объясняет, чьими телами тут всё завалено, и в чем, вообще, прикол!

Мышцы тем временем «отпустило», да и одежда нагрелась моим же теплом. Вместо иллюминаторов — прямоугольные окна, заделаны мозаикой из цветных стеклышек, длинный стол, скамейки. Если всё это декорация, то выглядит очень даже натуралистично. Впору снимать здесь продолжение каких-нибудь «Чёрных парусов»! Ближайшее тело раскинулось в метре от меня, и одежду его можно рассмотреть даже в этом свете. Аутентичную вполне. Ботфорты, кожаные штаны, шнурованная куртка из того же материала. Рот перекошен, будто от боли, лицо почернело, шея раздута. Омерзительно, кстати, раздута — громадные шишки у подбородка, с обеих сторон. Мать твою за ногу!

Чума!!!

Я, конечно, не медик, но про эту бяку с ее симптомами только ленивый не слышал. В связке, естественно, со страшилками о Средневековье: горы трупов и доктора с «вороньими клювами», от вида которых хочется сдохнуть без всякой болезни. Прикольная тема, если воспринимаешь ее под пиво, с экрана большого, или малого.

Не как сейчас!

Попятился осторожно, будто от громкого звука все тут начнут-таки шевелиться и вставать. Толкнул спиной дверь, вывалился обратно на мокрую палубу. Может, сразу за борт сигануть?! Всё мучений поменьше! Вместо этого побрел в жутковатом лунном свете вдоль

надстроек, сунулся в другую дверь, увидел еще тела. Живых тут нет, похоже. «Летучий голландец» под рваными парусами и неведомым флагом — крылатый зверь, вроде льва, снизу не разглядишь. Возможно такое на Черном море, в благословенном XXI-м веке? Фигня вопрос — не такое еще возможно! Луна уставилась с неба, будто глаз демона, вполне себе «земная» и белесая, пятен на ней не видать, но и это не говорит ни о чем. Ладно, после буду думать! Действовать надо! Спрятаться от ветра, подсохнуть и найти другую одежду! В идеале — не снятую с чумного трупа!

С этой мыслью сунулся в трюм — ничем другим этот люк в задней части палубы быть не мог — нащупал ногой стремянку и снова сорвался. Ну, не везет мне сегодня с лестницами!

Грохот, боль, темнота...

В забытьи оказалось неплохо. Гораздо лучше новой моей реальности! Много света, приятная музыка, вот только человек сомнительный — толстяк с огромной головой, практически голый, не считая плавок, весь обставленный коробками и бутылками. Я сделал шаг, под ногами что-то хрустнуло, человек обернулся.

— О, наконец-то! Иди же ко мне, противный!

Интригующее начало, блин! Среагировать я не успел — собеседник принялся хохотать, тяжелое брюхо заколыхалось, а плавки под ним спереди оказались почти не видны. Будто из анекдота про «зеркальную болезнь», когда собственный хрен получается разглядеть только в зеркале.

— Ой, не могу, ой умора! Не узнал?! А это ведь ты и есть, Сашок, друг мой! Я — это ты ты — это я, как пел в нашем детстве один неплохой артист! Не помнишь? Ну, да, ты же с популярной музыкой всегда был не очень, ты по учебе парился, и я с тобою вместе! Ботаник-головастик-языкастик, бе-бе-бе!

Язык у жирдяя оказался мерзким, как и он сам. Метровой длины, не меньше. Поболтался перед лицом моего визави, скрутился в рулон и исчез во рту.

— Пферебор, пофалууй, — прошепелявило чудище и взялось сминать свои щеки руками. — Перебор, говорю! Не такой уж ты языкастый, да и прочее... щас исправим!

Захрустело, громадная голова уменьшилась в размерах, лицо теперь стало реально похожим на моё собственное.

— Получше смотрится, Сашок?!

— Перестань меня так называть! — я шагнул вперед, под кроссовками снова хрустнуло. Кости, вот оно что — всё тут в сплошных черепах и ребрах, совсем истлевших. Потому и много белого цвета!

— Кто ты такой, мать твою?!

— Тебе повторить? Без проблем, для тугих на всю голову конкретизирую! Я — твоя лучшая часть, самая креативная! Могу сказать тебе вещи, которые знаешь сам, но боишься принять и озвучить. Начиная с внешнего вида.

— Нормальный у меня вид! И пуза такого сроду не было!

— В самом деле? — тонкие руки приподняли громадную жировую складку, вернули обратно. — Я и здесь перестарался? Ладно, прости! Оставим в покое внешность, займемся всем остальным. Что ты имеешь по жизни, Сашок, чтобы так борзеть?! Может, денежки?!

Рука жирдяя нашла бутылку в шеренге других, перевернула — из горлышка сыпануло

пылью, дно откололось, шлепнулось рядом.

— Нету денежек, — констатировал человек-пародия. — Даже в минусе, с учетом твоих долгов! Что еще посмотрим? Карьеру, личную жизнь, удачу... хотя, с последним, как раз, не так уж плохо. Встретить корабль в открытом море — плюс. Суметь на корабль забраться — огромный плюс! Ты не совсем безнадежен, Сашок, но финальный минус стирает всю твою удачу. Очень плохие попугачики, хоть и дохлые, а скоро ты к ним присоединишься!

Достал откуда-то весы, тяжелые, медные, старее бивней мамонта. В первой чаше — оскаленный череп, во второй — сияющий всеми гранями кристалл. Скрип-скрип, скрип-скрип.

— Или — не присоединишься. Удача, несомненно, есть, а вот с кораблем сплошная неясность.

— Я плавать умею! Я в секцию ходил!

— Неужели?! Полгода занятий, а дальше лень. Как и всё в твоей жизни, Сашок! Товарищ Половинкин!

— Не зови меня так! — кулаки сжались сами, дернулся, проснулся.

Никаких уже белых тонов и музыки — только смрадная темнота. Что-то в ней движется, перемещается рядом со мной, отблескивает алыми искрами. Крысы, похоже. Здоровенные! Если питаются падалью, то сыты, а вот если соскучились по свежатишке... надо валить, короче! Мне! Отсюда! До трюмного люка карабкаться метров десять, лестницу в лунных отсветах видно плохо, но нащупаю!

Крысы пискнули разом — волна ультразвука, от которой заныли перепонки. Вспыхнули новые угольки глаз, взялись обкладывать, будто волчья стая.

— Вы это, звери... фигней не майтесь, — сказал я черным теням, но голос меня подвел. Совсем не такой уверенный как во сне, с тем жирдяем! Хорошо, что жирдяй не слышит, а то посмеялся бы снова!

— Крысы — это грызуны, понятно вам? Гры-зу-ны. Тут дерева много, вот и грызите!

Послушались, как ни странно! Растворились во тьме. Это я что, дрессировщиком на полставки заделался?! Ладно, проверим позже, а сейчас надо пользоваться моментом и лезть-таки наверх!

Сказано-сделано! Быстрее, чем сам от себя ожидал — не люблю я странностей, даже приятных, а на чумном корабле тем более! Выбрался снова на палубу, в рассветные сумерки, начал оглядываться...

...И сразу закончил.

Ни к чему вертеть головой, если прямо по курсу — земля! Серые скалы, туман и всё это в километре, не больше! Паруса наполнены ветром, мчимся к берегу со всей дури! Правильно крысы заволновались!

— Удача, значит? Там не утонул, чтобы здесь, да?!

Сам вдруг почувствовал себя грызуном — забиться бы в трюм и ждать финала! Потом, правда, будет пробоина, и затапливать эту ореховую скорлупу начнет именно снизу, логично же! Наверху надо прятаться! В капитанской рубке, на мостике, или как оно зовется у мореманов?! Где-то там, стопудово, имеется штурвал, можно его найти, только смысла нет. Не машина же! Многие тонны веса, высокие мачты и сила инерции — набок завалится, или что другое, тоже малоприятное!

Убежище я отыскал за секунды — в той самой каморке, где трупы. Залез в закуток

между лавкой и стеной, уперся ногами, приготовился.

Krrrr-p-p-p-p-p-ax-x-x-x-x!!!

Именно этот звук, потом удар. Встали на полном ходу, мертвецы повалились на пол, а кто-то и сразу там был. Мертвецам до лампочки — не то, что мне! Спину сдавило, будто прессом, швырнуло налево-направо, замерло.

Тоскливый хруст и неподвижность. Финиш, по-моему.

На камни мы сели классно — всего-то в десятке метров от берега.

Только берег совсем не классный!

Каменная пустошь, насколько хватает глаз, ни единого деревца. Дальше сплошной туман. Огней не видно, как и прочих признаков цивилизации.

— Удача, значит? — повторил я вопрос. — Ну, ладно, что-то в этом есть. Живой ведь до сих пор!

Очередная крыса согласно пискнула и поплелась мимо меня к фальшборту. Клочковатая, нездоровая даже с виду. Если уж эта дохлятина решила смыться, то мне давно пора!

В воду съехал по канату, обжег ладони, зато не хряпнулся о камушки с высоты. Плавать меня реально учили, хоть и давно, а насчет «товарища Половинкина» — прав был толстяк, не отмазаться! Как и мама, придумавшая прозвище. Быстро вспыхиваю, быстро остываю. Что успел ухватить — то и моё!

Плыть почти не пришлось, а кроссовки не снял совершенно правильно: дно у берега оказалось сплошь в угловатых камнях. Вымок опять до нитки, а рассвет еще только забрезжил, и тепло не скоро придет.

Если придет вообще!

С чего я решил, что здесь тоже лето, и что климат похож хотя бы на нашу среднюю полосу, а не на Чукотку с Якутией?! Костер разжигать нечем, ветер пронизывает. Надо спрятаться хоть куда-нибудь!

Чихнул я уже в укрытии — в скальной трещине рядом с «пляжем». Тоже не «Хилтон» и сверху капает. Забился поглубже, обнял руками колени и сразу чихнул, до боли. Раз, второй, третий. Просквозило-таки — если не думать о другом варианте, совсем уж поганом! Если гнать эти мысли, уводить их в сторону и хоть что-то планировать на шаг вперед.

Где же я, всё-таки, оказался?!

Где Вадик, куда подевались коллекторы, и при чем тут, собственно, батя с его афоризмами в духе восточных мудрецов?! Не похож ведь был на Конфуция, совсем другой человеческий тип! Именно тот, что всегда нравился маме: раздолбай, искатель приключений, человек с загадкой внутри. Это я сейчас его так домысливаю, а в реале и вспомнить нечего — всё моё раннее детство твердили про «папу-путешественника», в детстве позднем циничные пацаны объяснили, что отец мой наверняка «сидит», но и это было неправдой. К подростковому возрасту я в этих темах уже более-менее шарил, потому недолгое возвращение папы Вити принял без радости, но и без страха. Просто, дядька, которого никогда не знал, потому и эмоций нет. Жилистый, с огоньком в глазах и совсем обычный по всем остальным параметрам. Загорелый до черноты. Много пил, как водки, так и чаю, говорил свою заумь, а в нетрезвом состоянии рисовал на листах из моих тетрадок, обычной шариковой ручкой. Что-то очень неприятное рисовал, похожее на...

Из анабиоза меня выдернули голоса. Мужские, невнятные, но слова разобрать можно. Они что же, по-русски говорят?!

Надо бы вылезти из расщелины с воплем: «Земляки-и-и!», но сдержался почему-то. Выглянул краем глаза: человек десять, сутулые, косматые, обряжены в такие лохмотья, что даже отсюда вызывают оторопь. Бомжи? Скорее всего — если бывают обычные бродяги с дубинами и копьями. Может, секта какая-то?! При любом раскладе, общаться мне с ними расхотелось сразу и всерьез, да и просто показываться, желания нет. К воде подбежали размашистыми прыжками, старший рыкнул коротко, прочие доплыли до «моего» каната, полезли вверх, друг за другом. Ловкие, черти! На кого они тут охотятся с этими штырями?!

— Ух-ха! — крикнул с палубы самый шустрый, а дальше зазвучала полная невнятина. По моим представлениям, все они должны были от вида трупов сигануть за борт и пятками сверкать, куда подальше.

Нет, однако!

Пятеро, правда, спустились, образовали живую цепочку, а другие... взялись им скидывать всё подряд, от мешков до шмоток. Совсем с головой не дружат! Мне с такими дружить тем более смысла нет — вылез из трещины и пополз на карачках, вдоль скальной стены, в туман. Не заметили, вроде! Дальше перешел на шаг, попробовал бежать, но дыхание сбилось на раз. Зато согрелся!

Направление потерял быстро, как и чувство времени. Не совсем, конечно, дитя асфальта, по юности в походы ездил, но давно это было! В компании опытных и умелых людей. С компасом хотя бы. Сейчас у меня и часов при себе нет, а мобильник остался где-то на дне морском. Всего имущества — связка ключей в кармане, с миниатюрным складным ножом вместо брелока. В гору с таким арсеналом точно не стоит лезть! Как и сходить в бою против дубин и копий!

От скалы ушел, наконец, дальше потянулись колючие кусты, а потом повеяло вкусными запахами. Дымом и пищей. Так повеяло, что желудок свернулся в трубочку, и страх вообще исчез.

Цивилизация рядом!

Эти, косматые, ушиблены на всю голову, но с чего я решил, что они мне желают зла?! От всех подряд теперь прятаться, кто странно выглядит?!

Рассуждал, а ноги уже несли — пока не увидел ту самую «цивилизацию» в полусотне метров. Сомнительную, однако! Пару десятков хижин, сложенных явно из мусора. В дальнем конце селения поднимается дым костра, мелькают людские фигуры, ближе всё выглядит безжизненным. Большинство побежало корабль обнести? Вернутся, притащат в свой дом чуму, но это ведь будет позже, а пища — вот она, рядом!

К ближайшей хижине прополз опять на карачках — мало ли — глянул в дыру, завешенную рваной тряпкой. Никого. Воняет немытым телом и прочими бомжацкими реалиями, аппетит содрогнулся и резко прижух. Из чего они эту самую пищу готовят, хотелось бы знать?! Две женщины в лохмотьях — ну, разумеется — и кучка молчаливых детей. Отсюда видно, что голодные, столпились все возле костра, чуть ли в котел не лезут. В металлический, кстати! Наконечники копий у той банды были определенно каменными, а тут совсем другие технологии. Как это понимать?! Ответ — никак, блин! Толай дальше, умник, и постарайся не словить в задницу острей, из любого материала!

Вторая хижина, третья. Четвертая выглядит небоскребом рядом с соседями: два этажа, примитивные лестницы по бокам и рисованные хари на стенах. Местный аттракцион, что

ли? «Комната страха» в комплекте с театром уродов?

Заглянул и вздрогнул.

Не театр и даже не цирк — капище! Жутковатые идолы, очаг по центру, чьи-то длинные кости в золе, еще всякое... не рассмотришь так сразу. Взгляд моментально цепляется за фигуру, подвешенную между двумя истуканами.

За человека без ног.

К ближайшей хижине прополз опять на карачках — мало ли — глянул в дыру, завешенную рваной тряпкой. Никого. Воняет немытым телом и прочими бомжацкими реалиями, аппетит содрогнулся и резко прижух. Из чего они эту самую пищу готовят, хотелось бы знать?! Две женщины в лохмотьях — ну, разумеется — и кучка молчаливых детей. Отсюда видно, что голодные, столпились все возле костра, чуть ли в котел не лезут. В металлический, кстати! Наконечники копий у той банды были определенно каменными, а тут совсем другие технологии. Как это понимать?! Ответ — никак, блин! Топай дальше, умник, и постарайся не словить в задницу остриё, из любого материала!

Вторая хижина, третья. Четвертая выглядит небоскребом рядом с соседями: два этажа, примитивные лестницы по бокам и рисованные хари на стенах. Местный аттракцион, что ли? «Комната страха» в комплекте с театром уродов?

Заглянул и вздрогнул.

Не театр и даже не цирк — капище! Жутковатые идолы, очаг по центру, чьи-то длинные кости в золе, еще всякое... не рассмотришь так сразу. Взгляд моментально цепляется за фигуру, подвешенную между двумя истуканами.

За человека без ног.

Глава 3

Он меня тоже увидел — или услышал, скорее. Глаза закрыты, косматая борода свисает до пояса, культы ниже колен. Желудок крутнулся внутри меня, но наружу ничего не хлынуло — пусто, с самого утра!

— Кто... снова, да... пшли вон, поганцы, — пробурчал человек невнятно. — Грязное дикарьё, свиньи, имел я вас... ты кто?

Последние два слова я разобрал не сразу. Ошалел от картины. Не сразу понял, что обращается человек уже конкретно ко мне.

— Саня, — ответил глупо, зато искренне. — А вы... ты тоже наш, русский?

— Что?! — человек вскинул голову, белки глаз блеснули на грязном лице. — Кем ты меня назвал?! Значит, они работают на вас, так и думал, свиньи проклятые! Всё дерьмо по всему миру — на вас...

— Не знаю, о чем вы говорите, уважаемый, но догадываюсь, что приняли за кого-то другого, — речь моя от стресса, полилась рекой, не заткнешь. — На меня здесь никто не работает, к сожалению, а если вы имеете в виду этих дикарей...

— Коммунист?

— Что? — повторил я за незнакомцем, река на пару секунд иссякла, и слова закончились. Молча лупал глазами, а подвешенный разглядывал меня тяжело, не мигая, будто целился.

— Ты русский, а значит — комми, не отпирайся, — просипел он, наконец. — Рузвельт решил, что с вами можно дружить, но с волком нельзя... он всегда вцепится в глотку. Ваш дядюшка Джо... похитрее лисицы Черчилля, куда уж этим ослам-демократам...

— Не понимаю вас, — ответил я стопроцентно искренне. — Я беспартийный, если это важно, никогда коммунистом не был, а по-русски вы ведь тоже нормально говорите! В чем проблема?!

Показалось, что безногий закашлял, продолжил шепотом, хоть и громким:

— Кхе, кхе, кх-хе!.. По-русски, кх-х-х... недавно здесь, потому такой гладкий?! Ноги на месте, шрамов не вижу!

— И не надо их видеть! Что, вообще, смешного сказал?!

— Тиш-ше! Если услышат... подойди, не укушу. Шепотом говори!

— Да без проблем! Я представился, кстати, а от вас до сих пор ничего, кроме хамства.

— Роджерс, — отозвался безногий, будто плюнул. — Сэм Роджерс, отставной капрал морской пехоты США. Воевал на Окинаве, два ранения, медаль «Пурпурное сердце»... а теперь они меня жрут! Представляешь, ты?!

— К-как, жрут?!

— Зубами, кретин! Гнилыми, погаными зубами! Мы с тобой здесь деликатес, мы пришлые... эти крысы верят, что можно забрать нашу силу, и проход откроется.

— Какой проход?

— О, мать Божья! — безногий зажмурился надолго, потряс головой. — Ты откуда явился такой тупой?

— Издалека. У вас в Америке все такие хамы?!

— А у вас в России все идиоты, драть их туда-сюда?! Или ты из Сибири, где даже читать никто не умеет?!

— Слушай, калека, а не пошел бы ты?! — прорвалось у меня, наконец. С инвалидами надо быть терпеливым и понимающим, но я вам не волонтер на полставки. Хватит того, что башка болит, и в горле пересохло!

— Не можешь общаться по-человечески, болтайся дальше, бренчи своим «Пурпурным сердцем»!

— Стой! — вскинулся Роджерс, даже про шепот забыл. — Подожди, парень, не горячись. Мне настолько хреново, что... две недели здесь, или два месяца... как в бреду. Эти «крысы», они себя так зовут... они пляшут, отпиливают куски... прижигают железом, чтобы кровь не текла. Почему я не сдох до сих пор?!

— Не судьба еще, — ответил я глупо, но хоть как-то. Не привык утешать людей, наполовину съеденных. А на крыс мне везет сегодня, во всех смыслах.

— Вы... ты тоже сюда из моря вылез, капрал? Что это за место, вообще?!

— Из моря? Ну, нет! Там меня бы давно уже съели, там такое водится... похлеще акул, мать их за ногу! «Крысы» мечтают свалить, пока это всё не явилось оттуда... за стену, там жизнь, там спасение... дай воды, парень.

— Без проблем, — огляделся, но ни кувшинов, ни бочек рядом. Только грязные лежаки из неведомого хлама.

— Где ее набрать?

— Откуда ж я знаю, кретин... прости, снова вырвалось. Вся вода и жратва у них там. Меня иногда выносят, вижу окрестности. Скальную стену вижу. Там другие, высшие... стреляют, а «крысы» туда рвутся. Все туда хотят! Подальше от моря, от ужаса. Чего бы мне сюда с Окинавы не провалиться... с винтовкой и гранатами?!

— С винтовкой? А в каком году это было?

— В сорок пятом, конечно! — вытаращил глаза Роджерс. — Еще скажи, что не слышал

про наш «Стальной тайфун»! Надрали япсам задницу, без всякой атомной бомбы! Это потом уже Трумэн решился... войне конец, мне медальку в зубы и на улицу. В Сиэтле работу нашел, девчонку... и провалился. В сраном подвале каком-то! Думал, бред, веришь?! Думал, лежу на войне, дырявый, душа отходит, вот и мерещится, а потом опять эти... режут, жгут... лучше бы япсы мечами кишки выпустили...

— Не торопись умирать, — вырвалось у меня привычное, «менеджерское». — Всё еще поправимо, люди без ног тоже живут, а я доберусь и приведу помощь...

Не закончил, стыдно вдруг стало. Будто убалтываю клиента, потерявшего сотню тысяч в рублях, обещаю неслыханные бонусы и бесподобные скидки, чтобы самому зарплату не урезали! Капрал на это даже не выругался, лишь задышал сильнее, изобразил подобие улыбки. Страшной как оскал черепа.

— Помощь? Это вряд ли. Ищи орлов, они тебя могут спрятать... «крысы» их боятся. Там, где проход. Колдуны и шаманы. Творят чудеса, только ноги не вырастят, кх-хе! К скале не суйся, высшим всё равно, для них ты тоже крыса...

Взгляд Роджерса скользнул мне за спину, лишь потом я учуял чужое присутствие. Оглянулся.

Ребенок! Мальчишка лет десяти, чумазый, глядит с изумлением.

— Привет, — улыбнулся я, как сумел. — Тс-с, не кричи, ладно? Я сейчас ухожу, а ты...

— Чжой! — ответил пацан на смеси русского с китайским. — Чжой, пришлый, мяско-мяско-мяско!

Сорвался с места, лишь пятки замелькали, а голос оказался громким и звонким, блин! На всю деревню завопил!

— Вот теперь беги, — подмигнул капрал. — Вдвоем бы тут веселее было, но жаль кретина... хоть и комми!

Повторять ему не пришлось — из хижины я вылетел с позабытой уже и несолидной скоростью. Со стороны костра бегут детишки и женщины, а вот в дальнем конце селения мужики объявились! Те самые, грабители парусника. Несут поклажу, ничего еще не поняли, но это дело считанных минут!

Рванул не вправо, и не влево — поперек. Между хижинами, по камням. Впереди поднимается серый скальный массив, параллельно морю, но других направлений нет!

— А-а-а! Атуй, атуй, дгня-ай! — завопили сзади хриплые мужские глотки, перекрыли азартный визг детей и баб. Увидели, значит! Ну, и хрен на вас! Добежать хоть куда-нибудь, схватить бульжник, или палку — лучше пусть сразу копьём проткнут, чем подвесят как этого америкоса!

— Дгняй, спрва, спрва быр-ря! — какофония звуков, будто попугай пытается людей дразнить, но не смешно. Целая стая попугаев-людоедов. Легкие давно превратились в сгусток боли, кишки свело, ноги ватные. Не останавливаться! До скальной стены не больше сотни метров, наверху видны строения, вроде будок с бойницами. Голоса всё ближе, хрен-то там они боятся этих самых «высших»! Бегут не по прямой, с боков охватывают, самый шустрый вырвался вперед — швырнет копьё, и приехали. Ускориться бы!

Не успел.

Шустряга прыгнул, загородил дорогу, бежать стало некуда. Ростом с меня, но поджарый, мускулистый, даже под лохмотьями видно, чумазая харя сияет счастьем, рот ощерился гнилыми зубами. Такими меня самого будут жрать, если сдамся.

— Ммммм-а-а-ско! — протянул гнилозубый рот, а древко копья метнулось неуловимо,

ткнуло меня под дых. Твою же мать, больно как! Рухнул на спину, перевернулся, еще получил. Спешить ему некуда, ублюдку, наслаждается процессом! Мне бы камень побольше, а тут лишь песок — его и кинул грязнуре в лицо. Снизу вверх. Чуть самому глаза не запорошило, но врагу досталось по полной программе. Копье оборванец не выронил, лишь зарычал и схватил меня свободной рукой, потянул к себе. Мой кулак лупанул ему в зубы, но бестолку, а стальные пальцы нашли моё горло, сдавили.

— Мяс-с-ко... ухр-р-р!!!

Последний звук прозвучал диссонансом ко всем предыдущим — слишком жалобно, что ли. Глаза врага раскрылись в изумлении, руки ослабли. Начал заваливаться на меня — только теперь стало видно три оперенных прутика, торчащих из спины. Заодно прояснилось, почему меня до сих пор не рвут толпой — некому! Самые шустрые бегуны обнаружались в нескольких метрах, утыканные стрелами как подушка-игольница, остальные бегут к своим хижинам. Со скальной стены на нас смотрят люди с длинными, в человеческий рост луками, всё серьезно! Не похоже на костюмированную киношку! Спасителей надо благодарить, потому я махнул рукой и успел даже крикнуть.

Потом меня ударило в плечо.

Глянул на что-то лишнее, торчащее прямо из мышцы — очередная стрела, разумеется — боли пока не почувствовал, зато очень сильно захотелось блевануть. Так, от стресса. От осознания самого факта: меня пробили грязной деревяшкой с железом на конце, и вряд ли в этом странном мире существуют антибиотики!

Последняя разумная мысль — потом я рухнул на спину и замер. На инстинктах. Как жук, который притворяетсядохлым, чтобы никто не сожрал. Гордость — штука хорошая, но стрелы выглядят убедительнее!

Добивать меня не стали, да и следить поленились. Стена, наконец, опустела, а я пополз прямо к ней, в «мертвую зону» под самой скалой. Метров двадцать, показавшихся марафонской дистанцией. Адреналина хватило как раз до финиша, потом стало вообще плохо. Легкие разорвало кашлем, башка закружилась, попробовал встать и сразу упал. Кирдык мне, похоже. Плечо превратилось в очаг боли — кость, вроде, не задета, но мышцу прошило насквозь. Набрался решимости, заломил здоровую руку за спину, потрогал. Нормальный такой наконечник, классический! С двумя зубьями! Вытянуть невозможно, а сломать дрякко, как делают киношные воины... ну, не знаю! Тем, кто это снимает, самим бы вогнать полметра древесины толщиной в палец — пусть переломят одной рукой, прямо в собственном мясе!

Еще идея, совсем дурацкая: америкосу сейчас гораздо хуже, чем мне, и неплохо бы его вытащить. Хоть козел, но свой, практически! Отлежаться, вынуть стрелу, дожидаться ночи...

На этой фантазии шторка упала — опять темнота...

...Темнота и свет впереди. Костяная труха под ногами, знакомое место, где много бутылок. Человек, которого тоже много. Во всех, блин, смыслах!

— Приветтики! Тяжело тебе, колобок диванный, совсем утомился, да?

— Кто бы говорил за колобка! — хмыкнул я почти миролюбиво. Устал конфликтовать, а тут хоть не убивают сразу!

— Кто ты всё же такой?! Только не говори опять, что ты — это я!

— Океюшки, не скажу, — пузан в узких плавках привстал со стула, отвесил поклон,

жировые складки заколыхались. — Ты прав, я скорее твоя противоположность, говенное альтер эго. Зови меня Ашас, это Саша, наоборот. Или Скела, если производить из Алекса. Звучит, как Акела, вожак стаи, но при виде тебя мне сразу хочется крикнуть: Акела промахнулся, промахнулся, промахну-улся!

— Хрена ли ты паясничаешь?! Помог бы лучше!

— За тобой повторяю, хрюшка-дружок! Ты ведь у нас большущий мастер сглаживать углы и переводить конфликты в шутку, да? С детства умеешь! Очень хороший навык для бизнеса, только здесь у тебя так не выйдет. Здесь зубы нужны. Да и там бы не помешали, если честно! Парня с крепкими зубами никто бы не променял на девку с большими сиськами, а у тебя везде пролет, Сашок.

— Перестань меня так называть, кха-кх-хха!

Кашель пришел даже в сон, наполнил грудь раскаленными углями. Сплюнул — белоснежная труха под ногами украсилась алым мазком.

— Как скажешь, — улыбнулся пузан, и на шее под челюстью у него вдруг выперла багровая шишка. — Гляди, что есть! Всё от тебя, но я не злопамятный, я прощаю. Могу вообще Шурой покликать, это будет как Ашур, древний бог Ассирии! Тебе до него как до Китая раком, но всё же... в этом мире, кстати, божества другие, а проблема твоя совсем не в них. Гляди еще!

Вдавил свою шишку обратно в шею, чиркнул себя пальцем от ребер до таза — кожа лопнула, вдруг, развернулась как в учебнике анатомии.

— Ты что творишь?! — меня замутило окончательно. — Шашлыка захотел пожарить?!

— Объясняю, почему тебе так плохо. Наглядно показываю соотношение в нашем с тобою теле мышц и подкожного жира, которое не позволило тебе убежать от погони и не позволит впредь, если будешь дураком. При условии, конечно, что тебя не убьет чума, или заражение крови от стрелы! Здесь всё не в твою пользу, Саша-Шура-Алекс! Шанс выжить — процентов десять, но это больше чем ноль. Пробирайся к дальней ограде, ищи «орлов», это племя такое. Хватит спать как больная, ленивая хрюшка!

— Погоди, еще вопрос! Почему я понимаю их язык?!

— Элементарно, Свинсон! Ты провалился через портал, и он тебя конвертировал для этого мира. Здесь одна речь на всех, да и многое другое одинаково, а вот местный календарь и меры с весами придется освоить. Слишком разные понятия об этом у тех, кто сюда попадает! Всё, подъем!

Снова боль, снова кашель. Там, во сне, были явно цветочки, а реальность скрутила меня в бараний рог. Солнце жарит, при этом холодно — температура? Мышцы болят, попытался вдохнуть глубже, но фигушки. Пневмония, наверное. Очень хочется так думать, хотя в моём положении это уже не важно. Футболка пропиталась кровью, к стреле не притронешься.

Пипец, в общем! Лечь и сдохнуть тут же, а этот жирдяй во сне пусть дальше плачется! Ночью приползут людоеды, утащат мой труп на мясо, и всем в этом долбаном мире будет хорошо. Даже мне.

Стоп, а если еще живым буду?! Они ж разбираться не станут, разделают без наркоза! Фиговый какой-то вариант, не годится! Что там этот... Ашас говорил про «дальнюю ограду» и про «орлов»? Американец их тоже упоминал, а в моем положении, что орлы, что цапли — лишь бы не «крысы»! Вон там, в километре, минимум, протянулось что-то желтое между

скалой и морем, туда и рванем!

Попытался, обратно рухнул. Конечностями двигать сложно — лимфоузлы в подмышках надулись, мешаются. Вдобавок, мою попытку заметили те, кому не надо бы, засвистели от хижин, запрыгали как мартышки, только вооруженные. Трое так и лежат со стрелами в организмах, но оставшихся это не смущает — лишнее мясо, даже если протухнет до ночи!

У меня, зато полный свежак, хоть и заразный! Есть надежда, что это сборище тоже загнется в ближайшее время, но я всё равно не увижу.

Ползти отсюда! Хоть на карачках, хоть на пузе. Там, дальше, кусты, можно через них, для маскировки, еще немного поваляюсь и вперед...

Уснул, похоже, заново. Совсем плохой стал! При пробуждении увидел солнце гораздо ближе к зениту, да и печь оно стало куда душевней. Вполне обычное, кстати, «земного» вида. Поджарит меня и не глянет, что я тут гость! Надо ползти! Враскоряку, с матерками! Всё, пошел, пошел, пошел!

Пару раз конечности подгибались, стрела задевала землю, бодрила меня моментально. Людоеды свистели вслед, потом замолчали. Двинулись параллельным курсом. Это фигня, что кусты могут спрятать — вот изорвать одежду колючками могут запросто. Жара, как ни странно, придала скорости, сверху, на скале ощущалось недоброе движение, но дополнительные стрелы пока не летели. Если кто меня и увидел, то наблюдали из любопытства.

Потом кусты, вдруг, закончились, а «дальняя ограда» оказалась совсем рядом. Невысокая, в пару метров, из обмазанных глиной здоровенных камней. Проем-калитка и рисунок, намалеванный в три краски — орел с распростертыми крыльями.

Глава 4

Снова кашель, будто решил все легкие выплюнуть. Во рту появился вкус крови, башка трещит, рук и ног уже не чувствую. Как и раны со стрелой — омертвление тканей, похоже, начало гангрены. Какого лешего я до сих пор дергаюсь, если жизнь меня явно и безнадежно слила?! Может Вадику повезло еще меньше, но тут уж простите — не мне его спасать! Как и предполагал изначально. Диванные «мешки» выручают спортсменов только в кино для детей и юношества, да и то в комедиях. Прости, братан, погибаюсь...

Что-то завьбло рядом как сотня чертей — подкинулся бы, но сил нет. Остался лежать. Глядел на толпу, идущую к этой самой ограде. Бабы навьючены мешками, мужчины гордо топают налегке, с оружием. Патриархат, как он есть. Недалеко от калитки процессия «крыс» остановилась, самый худой сложил ладони рупором и провыл-продудел еще раз. За оградой наметилось шевеление, калитка открылась, вышел переговорщик. Тоже худой — тенденция? Одет заметно лучше «крысы», почти не грязен, а голова украшена перьями как у индейца. Высокие договаривающиеся стороны потолковали минут пять, разошлись, бабье потащило мешки к ограде. Изнутри показались «орлиные» мужики — у этих традиции более классические — вынесли связки сушеной рыбы, стеклянные бутылки, медный котел даже. Вот, значит, откуда у первобытных блага цивилизации. Забрали мешки с чумными трофеями (а с какими же еще?), калитка захлопнулась. Делегация «крыс» потащилась обратно к хижинам, но двое пацанов остались болтаться неподалеку. Меня высматривать, стопудово.

Солнце жарит так, что начинаю плавиться, переговорщики-«орлы» от калитки еще не могли далеко уйти. Сейчас, или никогда!

Первую пару метров пришлось ковылять пешком, затем перешел на унылую трусцу.

Через кусты, на открытое место. Пацанье засвистело, от хижин заулюлюкали, ускорился из последних сил — чтобы рухнуть мешком у самой калитки.

Больно, епта!

Вместо легких — хрипение и свист, руки расперло в стороны лимфоузлами, во рту вкус крови. Закашлялся, плюнул, пополз. Зацепился стрелой о землю и не почувствовал.

Почему еще жив?

Да потому же, что и в прошлый раз! Почти. Вместо лучников, что были на скале — копейщики в перьях над глиняной стеной. «Орлы», для которых сделка закончилась. Теперь они снова хищники. «Крысам» еще бы метров двадцать добежать, но не рискуют, а широкие длинные наконечники глядят на них сверху, готовы к броску.

И на меня глядят.

Много раскрашенных перьев над стеной, много пристальных взглядов, колючих, недружелюбных — это я рассмотрел даже сквозь одышку и слезы.

— Я свой, — хотелось крикнуть, но получился шепот. — Не бейте!

«Крысы» начали ухать всё громче, ритмичней. Похоже, вгоняют себя в боевой транс. Сейчас ломанутся толпой, а копий на всех не хватит, блин!

Пришлось вставать, даже силы взялись откуда-то. Проковылял пару метров, поднял выше единственную свою ценность — ключи с брелоком-ножиком. Бесполезно в здешнем быту, зато оригинально. Тут такое вряд ли делают.

— Я свой... в смысле — пришлый! Нужен вам, нужен!

Даже голос прорезался. Жить захочешь — не так раскорячишься, прав был киношный генерал! Возможно, «орлы» меня тоже захотят скушать, но тут хоть какой-то вариант спасения.

Калитка открылась. Вышел тот самый, худой, протянул руку величественным жестом, ладонью кверху. Ага, щаз!

— Это вы к чему, мужчина? Если вас интересует мой предмет, то я его меняю исключительно на собственную жизнь. Может, к вам пройдем, а то жарковато здесь?

Первое правило «манера» — говори уверенно, даже если ты в полной заднице! Правило второе — возлюби свой товар, чтобы клиент его сам захотел. Третье правило — изобрази, что тебе это всё не особенно важно. Так, одолжение делаешь.

— Ты кто такой? — спросил человек с перьями вполне понятно, без «крысиной» каши во рту. — Зачем они тебя ловят?

— На это есть целых три причины, уважаемый! — чудеса, но мой голос от слова к слову звучал всё мощнее. Во мне проснулся прежний Саня Удальцов, способный даже мертвого заболтать.

— Во-первых, я пришлый, как уже говорил. Во-вторых, им нужен этот чудесный предмет: ключи от всех замков и магический нож-талисман от всех несчастий. В третьих, и это самое главное, я знаю «крысиную» тайну! Кое-что про эти мешки, грозящие вам неслыханными бедами.

Последнюю фразу произнес тише — не хватало еще получить копьем вдогонку. Свидетели ведь долго не живут. Колючий взгляд просканировал меня сверху донизу, а я склонил голову, спрятал шишки на шее.

— Ты что-то скрываешь, но мы тебя выслушаем. Иди за мной.

«Крысы» взвыли совсем уж неопишимо, я проковылял в раскрытую калитку, остановился перед толпой в разноцветных одеждах. Откуда они это всё берут, интересно?

Сами красят?

Дурацкая мысль, вообще не в тему. Сейчас бы выдержать, не упасть, а то ведь обратно выкинут.

— Говори!

— Вы... кр-кх-ха... вы ошиблись, ребята. Слышали что-нибудь про чуму?

— Моровая язва? — брови переговорщика, или кто он там, сошлись к переносице. — Ты зачем ее вспомнил?

— Да к тому, что вон там стоит корабль, набитый трупами, и все эти вещи — оттуда! «Крысы» вас обманули, сами...

Он уже не слушал — отскочил проворно на пару метров, а воины вмиг наставили копья. Глядели на мою шею, которую уже не спрячешь. Кто-то выругался грязно, охнула женщина, заплакал ребенок.

— Ты соврал нам, грязная жаба! Ты принес нам смерть в обмен на спасение!

— Много пафоса, уважаемый, — выдавил я на чистом уже адреналине. — Дайте мне сдохнуть здесь, но не там. Мешки сожгите, а я...

Шагнул в их сторону, воины попятнулись. Боятся копьями тыкать, у меня ведь и кровь заразная. Может, совсем побегут?

— Не тебе нам указывать, грязная жаба! Подайте сюда огня!

Всё, приехали. Из-за спин «орлов» уже всюду тянет дымом, сейчас навалятся с факелами и будут правы — по-другому им не спастись. С точки зрения целесообразности я их вполне понимаю. Только не одобряю!

— С чего это я жаба? Я много знаю, умею, очень жить хочу, польза будет от меня...

Жалкий лепет, но какой уж есть. Не тянет на красноречие, когда тебя прямо сейчас начнут превращать в шашлык-машлык. Воины, наконец, осмелели, снова выставили копья, позади объявились люди с факелами, а кто-то разматывает веревочные петли, вроде арканов. Через пару минут обездвижат и запалят, делов-то!

Сверху захлопали крылья, упала тень, «орлы» вдруг вскинули головы и замерли. Глядели на птицу, давшую им название — натуральную, без кавычек. Птица крикнула протяжно, описала круг, спланировала куда-то за ближайшие хижинки, а худой переговорщик внезапно умерил агрессию.

— Тебя хотят видеть, — произнес негромко, даже жабу в этот раз не упомянул. — Следуй за ним и не сворачивай.

Что-то новенькое, но хуже не будет. Куда в моем положении хуже-то?!

Наконец, разглядел «орлиное» поселение: с километр пространства, усеянного вполне себе ровными хижинами. Даже подобие улиц есть. За рядами плоских крыш возвышается что-то зеленое, но всматриваться некогда — именно туда меня и подталкивают. Птица тоже где-то там приземлилась, а копья и факелы со всех сторон мешают сбиться с пути. Тропинка между домами выложена камнем даже. Каждый шаг дается с трудом — лимфоузлы в причинном месте тоже раздулись, и очень хочется кашлять. Даже больше, чем дышать.

— Ты вовремя, — сообщил чей-то голос, и я остановился, наконец. Глянул на говорившего: коротышка с реденькой бородой, зато уж перьями обвешан похлеще всего племени, вместе взятого. Статусом тоже превосходит — копейщики и факельщики дружно рухнули на колени, даже худой ненавистник жаб поклонился глубоко. Пожалуй, не просто

переговорщик, а старейшина, или вождь. А коротышка кто тогда? Шаман местный? У прочих тут ни усов, ни бород почему-то.

— Еще немного, и ты бы даже ползти не смог, а касаться твоей умирающей плоти никак нельзя, — продолжил бородач излагать очевидности. — Хочешь быстрой смерти, или предпочтешь помучаться?

Так, ну это уже плагиат какой-то! Из «Белого солнца пустыни». Ответить бы надо соответственно, но у меня, наконец, закончился голос. Одно хрипение на выходе.

— Он обманом вошел в селение, Великий Пхе, однако предупредил нас о моровой язве, подброшенной «крысами»! — старейшина-вождь-переговорщик всё никак не мог отделаться от пафосного тона, а, может, с оперенным коротышкой только так и положено общаться.

— Мы хотели обратить его в дым и отправить на суд к создателям, но...

— Я знаю, — судя по голосу, Великого Пхе словоблудие утомило. — Мои глаза парят высоко, а вы потратили слишком много времени. Подойди, пришлый.

Последнее точно адресовано мне. В руках бородатого появились два медных кувшинчика, протянул их оба сразу.

— Выбери тот, в котором лекарство, и останешься жить. Иначе...

— Понял, не дурак, — попытался я сказать, но наружу вылетело всё то же «хр-хр-хр». Схватил кувшинчик, не раздумывая, пробка всё никак не поддавалась, Великий Пхе и прочая публика уставились жадно. Да и пошли вы все!

На вкус содержимое оказалось... никаким. Вода и вода. В самый раз для иссушенного горла. Проглотил всё залпом, потянулся ко второй посудине, но шаман ее проворно убрал:

— Угомонись, не жадничай. Быстрой смерти тебе не выпало, зато удача налицо. Не все пришлые ею одарены в равной мере. Следуй за мной, только избавься прежде от этих тряпок.

— От одежды что ли? Сам ты... это ж брендовые вещи! — фраза снова не получилась, но Великий Пхе всё понял и так.

— Твоя одежда пропитана смертью. Можешь оставить ее для костра, или остаться вместе с нею.

Я не ответил. Притронулся, для начала, к стреле, надавил — никакой реакции. Ухватился горстью за футболку и дергал на адреналине, пока не лопнула вокруг дrevка. Дальнейший стриптиз пришлось исполнять при всем племени: даже дети уже сбежались, не говоря о женщинах. Каменные лица, ни единого томного взгляда. Ухмылок, впрочем, тоже не видно, как и брезгливых гримас.

— Я бы вам помахал, крр-кх... да руки заняты... потом как-нибудь.

Ключи с брелоком бросил туда же. Не до торгов теперь. Шагнул в коридор из высокого, плотного кустарника, моментально наколол пятку, но прыгать голышом, на одной ноге — совсем уже перебор. Глянул на орла в вышине и двинулся за коротышкой. Позади затрещало жарко, потянуло смолой и палеными тряпками.

Похоже, одежда мне больше не послужит.

Коридор оказался спиралью — три круга, каждый меньше предыдущего — с башней в самом центре. Никак иначе это сооружение не назвать. Снова камни, обмазанные глиной, снова многоцветный птичий портрет, но уже в десяток метров высотой. Настоящий орел как раз уселся на вершину башни, а шаман, или кто он там, распахнул передо мною входной

полог.

— А не боишься, кр-кх!? Я же смертью пропитан. Или твоё кр-р-кх... лекарство уже подействовало?

— Там не было лекарства, — буркнул бородач и взялся делать странности. Разгреб руками золу в большом, глубоком очаге посреди башни, пошептал, плюнул трижды, указал мне гостеприимно на эту ямку:

— Там был лишь яд, в другой кувшине. Ложись-ка сюда.

Ответить я не смог — слишком много сил ушло на простое сгибание конечностей. Улегся в мягкое, невесомое, шаман наклонился и пошевелил стрелу.

— Закрой глаза...

Хрусть! Боль пришла, наконец, но поздно — бородач уже выдернул две половины дровка, откинул в сторону, принялся закидывать меня золой. Притащил откуда-то охапку хвороста.

— Э-э, ты меня тут жарить собрался? Я невкусный!

Похоже, эта фраза вообще не удалась. Великий Пхе проигнорировал, ветки запылали с треском, пришлось вдохнуть дымок всеми легкими.

И уснуть. В который раз уже за эти сутки...

Здесь снова был толстяк. Чуть серьезнее лицом, чем прежде, но всё в том же окружении посуды.

— На-ка, глотни, болезный!

— Благодарю, — моя рука потянулась сама собой, взял у «второго я» большую, мутного стекла бутылку. Не пустую, судя по весу.

— Мне сегодня уже предлагали поправиться, фиг знает, чем...

— Не бойся, малыш, это твоя удача! Пробуй на вкус, впервые в жизни!

— Хрена ли «впервые»? Нормально мне везло, как всем. Больше-меньше...

— Ага, в плепорцию, как сказали бы триста лет назад. Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь!

Последнюю фразу он произнес с «поэтическим» подвыванием, а я, наконец, дернул пробку и глотнул. Лишь бы не слышать вот это всё!

Вкус оказался так себе — будто золы наелся.

— И нечего морщиться, тюлень ты неблагодарный! Удача со вкусом тлена, зато твоя!

— Лучше бы вылечил, кр-р-кха! Тьфу!

— Я не умею лечить, придурок! Могу лишь советовать и предсказывать иногда. Не больше того, о чем ты сам знаешь, но не можешь догадаться из-за тупости.

— Снова спасибо! Ты самая мерзкая нейросеть в мире!

— Весь в тебя! — поклонился жирдяй, колыхнувшись всеми складками. — К вашим услугам сегодня и впредь ди-джей Асаш, самое честное «альтер эго»!

— Клоун, — выдавил я сквозь залипший в горле комок, глотнул еще раз. Показалось, или голос сделался чище?

— Почему «Асаш», кстати? Тебя ж по-другому звали?

— Молодец, наблюдательный! — ухмылка толстяка вдруг превратилась в улыбку, почти нормальную. — Я стал к тебе ближе, друг Саша, потому переставил букву в имени. Тебе удалось выжить три раза, а это редкий успех, поздравляю! Колдун-шаман неспроста на тебя

стойку сделал!

— Он тоже хочет меня сожрать?

— Боюсь, так просто ты не отделаешься! — хохотнул Асаш, и бутылка вдруг вырвалась из моих рук, перелетела к нему сама собой. — Тройная удача: на море, с бегством и с ядом, который ты не выпил. Три пятых этой бутылки, а скоро может добавиться исцеление от чумы и от сепсиса. Сечешь?! Как наполнится, вылью в это ведро... да где же оно... ага, вот! Пять бутылок, и оно до краев, тогда можно будет ждать реальных перемен в судьбе. Пока рановато!

Ведро своим видом не впечатлило — как и два других, откопанных толстяком из белой окрестной пыли. Мятые, ржавые. Поганенькие.

— Что заслужил, то имеешь, друг Саша! Удача, здоровье и сила твоя. Если пороюсь, найду оставшиеся два, для полного комплекта, но тебе бы сейчас хоть с этими разобраться. Ни силы, ни здоровья даже на полбутылки не хватит!

— И нафига мне это?

— Да чтобы с берега свалить, дурила! Туда, за стену, где лучники! Пока не вылезла из океана неведомая пакость и не сожрала тебя совсем!

— Это... как в играх, что ли? Новый скилл, новый уровень?

— Что наша жи-изнь?! Игра-а! — улыбчивый рот Асаша опять превратился в пасть от уха, до уха. — Суди как хочешь, но за стену тебе без полных ведер нельзя. Даже если пробьешься, то станешь рабом, а братишка твой...

— Стой! — заорал я, когда белоснежный мир с толстяком вдруг рассыпался, а взамен накатила дымная вонь. Хотел заорать. Даже хрипа не получилось.

— Ты, наконец, очнулся, — констатировал знакомый голос. — Помолчи, твоя глотка еще не оправилась от болезни. Послушай.

— Хры-хры! — выдавил я на злом усилии, и к губам, наконец, прикоснулось холодное горлышко. Снова кувшин. Надеюсь, и в этот раз не с ядом. Я всё еще в башне, не поджарен, даже дыма вокруг уже нет. Вторая хорошая новость — не ощущаю раздутых лимфоузлов под горлом. Первая и пока единственная плохая — зола, в которой я зарыт, спеклась и зажала меня по самые плечи. С руками вместе. Глотнул тухловатой воды, закашлялся, но Великий Пхе кувшин не убрал.

— Тебе сейчас нужно пить, исцеленный, чтобы твои пот и болезнь ушли в золу. Да, вот так. Позже отмоешься.

— Мне бы кх-кхе... руки бы освободить!

— Слишком рано, — произнес шаман с ласковой интонацией психиатра, от которой у меня засосало под ложечкой. — Полежи, отдохни, послушай. Разгляди внимательно эту гордую птицу.

Переспросить я не успел — Великий Пхе уже поднял с пола двумя руками что-то не слишком большое. Чучело, деревянно-соломенный идол... орла, короче. С другими видами пернатых тут явная напряженка. Пошевелил губами, и это вдруг дернулось, взмахнуло крыльями.

— Закрой глаза и расслабь своё тело. Он для тебя не опасен, если станешь вести себя мудро.

Глава 5

— Нормальная заявка! — в этот раз получилось возвысить голос до крика, но радости

мне сей факт не принес. — Ты погоди с расслаблением, объясни сперва!

— Много лишних слов и много спешки. Время — лишь песок, в который превращаются могучие скалы, а прежде была пустота и два брата в ней. Изначальные, для которых времени не было вовсе. Каждый вдох — как вечность, но им и не требовалось дышать.

— Где-то я такое слышал. Земля была безвидна и пуста... чё там дальше? — язык вдруг начал ворочаться с явным трудом. Гипноз что ли? Орла в руках Великого Пхе уже нет, зато мои плечи вдруг прогнулись под когтистыми лапами. Когда эта хрень успела на меня перелететь?!

— Не было никакой земли, только эти двое. Один создал твердь и назвал себя Отцом Тверди, а второй расплакался от досады, и слезы его стали океаном, а сам он сделался Невыразимым. Они взялись разрывать друг друга на части, но конечности отрастали вновь, а всё оторванное падало в море и на сушу, порождая людей, зверей, водяных тварей. Устав же драться, Отец Тверди лег отдохнуть, и с тех пор всё спит посреди созданной им суши, но нет покоя Невыразимому. Ворочается где-то в водной толще, хочет выйти наружу и одержать верх, но слишком тяжел и огромен, потому не в силах подняться. Лишь сотрясает твердь и насылает гигантские волны.

— Прикольный фольклор. Может, ты меня распакуешь уже?!

— Зачем постоянно торопишься, пришлый? Разве тебе до сих пор больно, разве не отступила ужасная смерть, завладевшая твоим телом? Я ведь даже подарил тебе друга и защитника, который будет с тобою вечно. Где благодарность?

— В Караганде, — отозвался я машинально, пока по телу разливался мерзкий липкий холодок. Не люблю словес, типа «вечно» и «навсегда», они осаживают мою свободу воли. Особенно в комплекте с новым чувством — что-то со мной не так. Когтей на плече не ощущаю, зато от шеи и ниже всё зудится конкретно.

— Благодарности не дождался, но я из тех, пришлый, кто словам предпочитает дела, — шаман показал мне раскрытую ладонь, принялся загибать пальцы, один за другим. Кроме мизинца с безымянным.

— Три трамы осталось до великой и страшной ночи, до Черной Луны, какая случается лишь раз в сотню варсов. Простые предметы в такую ночь меняются, а священные реликвии становятся чудодейственными... позволь, я помогу тебе.

Ударил легонько по застывшему пеплу, и тот вдруг пошел трещинами.

— Придется выгрести его до последней крупички и бросить в море, вместе с болезнью. Еще раз прогневать Невыразимого.

— Ты пытаешься усугубить моё чувство вины? — спросил я для порядку, ворчливо, хоть на деле захотелось бородача обнять. Руки уже свободны, раздутых лимфоузлов реально не ощущается, вот только...

— Тебе бы в тату-мастера пойти! Шикарная тема вышла!

Тут я с эмоциями переборщил. Пытался выдать искрящийся позитив, но как уж получилось. Не каждый день обнаруживаешь на собственном торсе картинку, которую не заказывал: от шеи до пояса, многоцветную, чуть объемную даже. Орла, обнявшего меня крыльями. Когтистые лапы развернулись аккуратно над пупком, голова, похоже, прячется чуть ниже моей собственной башки, не разглядишь. Зато с плечом всё в порядке — еле заметный шрам теперь на месте раны.

— Он и есть, типа, друг и защитник?

— В твоих словах слышна насмешка, но это пройдет. Выбирайся, у нас мало времени.

— В самом деле? — захотелось добавить, что я-то как раз никуда не спешу, но сдержался. Глянул на Великого Пхе, распахнувшего полог, потом на себя самого.

— Эй, почтенный! Я понимаю, что у вас свобода, но там ведь женщины!

— Тебе нужна одежда? — вскинул брови шаман. — Ты еще не омылся в море, и мертвый пепел по-прежнему облепляет твое спасенное тело, так не лучше ли облачиться после омовения?

— А не лучше ли тебе свои тряпки скинуть и пример показать?! — ответил я грубее, чем хотелось. Вообще, осознал вдруг, что веду себя как хамло, а не как матерый продажник — с чего бы это? Мало в жизни проблем? Или сам бородач раздражает своими манерами: вещает как профессор на диспуте, а не как дикарь, отчего вся картина кажется дешевой постановкой? Снимает меня сейчас скрытая камера, а где-нибудь наблюдают и ржут экс-коллеги во главе с дорогим экс-шефом. И с «Анжелой — четвертый размер», естественно.

— Я не могу выйти к людям без одеяния, — ответил Великий Пхе так спокойно и вежливо, что я устыдился, наконец. Вспомнилась вся предыстория вкупе с чумой — какой уж тут розыгрыш, блин! У всей нашей фирмы денег не хватит на такие шутки!

— Я не могу, но твоё исцеленное тело никому здесь не интересно, пришлый. Если стесняешься, обмотай свои чресла вон той тряпицей и поспешим.

Тут не каменный век и даже не дикое племя из Амазонии нового тысячелетия — тут вообще, фиг знает, что! Станный мир, куда попадают через порталы, неведомо кем открытые! Из самых разных времен и стран. Всё здесь слегка условно, слегка понарошку — кроме боли и смерти. На этом и надо сосредоточиться, а не оценивать шаманский стиль общения. Где-то висит безногий американец, которому повезло гораздо меньше, где-то бродит безбашенный брат Вадим, а где-то, хочется верить, и отец еще жив. Надо спросить о них Великого Пхе, раз он такой уж волшебник! И не троллить его больше, пока в таракана меня не превратил!

Такие вот мысли переполняли меня на пути от зеленого лабиринта к морю. Людей вокруг хватало, среди женщин заметил пару очень даже свеженьких, но глядели, реально, без всякого плотского интереса. Брезгуют, что ли?! Или, напротив, мой «пришлый» статус для них крутоват — стесняются? Верные жены, послушные дочери, еще что-нибудь?

— А скажи, уважаемый, почему вы не ищете свежей крови... ну, в смысле, новых мужчин своим дамам? Вы же, я так понимаю, закрытая община, вырождаетесь потихоньку, а тут забрел к вам перспективный самец...

Язык мой — враг мой, но бородач и сейчас оказался вполне терпелив. Глянул искоса, помолчал.

— У нас не бывает кровосмешения, ибо люди из-за стены благосклонны к нашим красавицам, — пояснил, когда мы вышли на пустынный берег. — Через каждые пять масов их мужчины приходят в наше селение, принося обильные дары, а девушки «орлов», от замужних, до едва достигших спелости, дарят ласки гостям. Наши дети сильны и здоровы, пришлый.

— Рад за вас! — сообщил я прежде, чем окунуться с головой. Море у берега оказалось мелким, будто в какой-нибудь Анапе, теплым и приятным до одурения. Наградой за все предыдущие сутки грязного ползания. Вынырнул шумно, перевернулся на спину, подставил лицо вечернему солнышку. Отсюда скальная стена за селением просматривалась лучше, чем

с берега — такая же высокая, как у «крыс», тоже с башенками, но блеска доспехов наверху не заметно. Поблажки местному населению? В благодарность за романтические визиты... как он там выразился? Ага, раз в пять масов — то бишь, месяцев, на здешнем наречии. В каждом масе — три септы-недели, а в каждой септе — десять трам-суток. Десять масов составляют варс, или год. Откуда я всё это знаю? Похоже, результат всё той же «конвертации», подарившей мне знание местного языка. Календарь и меры с весами здесь особенные, про это и Асаш упоминал...

— Не заплывай далеко, тут много опасных тварей, — вклинился в мысли голос бородача, моментально всё испортив. На берег я выскочил со скоростью пингвина, почуявшего касатку.

— Оботрись своей тряпицей, а приличную одежду получишь далее. Она тебе пригодится в походе.

— Та-ак, с этого места подробнее, — обернулся я к Великому Пхе, пытаюсь одновременно вытереться и прикрыться от возможных взглядов. — Дай угадаю. Мы отправляемся с тобой за стену, где любители ваших красоток передадут нам подарки для них? Отвалят денег, еды, всё такое?

Шаман иронии не оценил, лишь взгляд его сделался лучистым и светлым, будто у дедушки Ленина со старых советских картин.

— Мы не можем туда отправиться. Даже ты пока не сумеешь, пришлый, хотя тебе доступно многое другое. Люди из-за стены всегда приходят сами и сами приносят дары, лишь раз они явились в поисках рабов, но наша магия, спасла нас. Мы не «крысы» и не так уж просты, а скоро великая ночь...

— Черная Луна, я помню. Ты повторяешься.

— Я лишь хочу, чтобы ты лучше всё запомнил, — костистая рука шамана поднялась в величественном жесте, палец указал куда-то вдоль берега. — Видишь этот утес, пришлый? Его называют Челюстью, и это предел земель, дарованных нам Отцом Тверди. Мы не можем проникнуть дальше, ни пешком, ни по морю, а ты на это способен.

— Я до фига, на что способен... там тоже высшие люди живут? Как эти, за стеной?

— С чего ты взял?! — возмутился Великий Пхе, даже борода встала дыбом. — Обычные, неизмеримо хуже нас, молящиеся ложным и гнусным богам, забывшие свое естество! Отец Тверди в великой милости своей не позволяет нам пачкаться о них!

— Понятно. Они, я уверен, пиарят вас в том же духе, но это всё лирика. От меня чего хочешь?

— Утес не зря называется Челюстью, ибо есть и вторая «челюсть», очень далеко по берегу. Там обитает самое презренное из всех племен, породнившееся с морской пучиной! Слуги Невыразимого.

— Да-да, понятно. Молятся ложным и гнусным, живут неправильно. Я при чем?

— Ты отправишься именно туда, — сказал шаман безо всякого уже пафоса, вполне деловито. — Похитишь в их храме бесценную реликвию, Зуб Отца Тверди и успеешь вернуться до Черной Луны, иначе твой друг и защитник прекратит тебя защищать.

— Этот что ли? — я снова глянул на многоцветную татуху размером во весь мой торс. — Слушай, уважаемый, а давай отыграем назад? Типа, я никуда не иду, а ты убираешь с меня эту птицу, и все довольны. От чумы ты вылечил, но насчет воровских движений мы не договаривались. Кидалово какое-то! Условия договора, написанные мелким шрифтом... короче, я против!

— Ты многословен от страха, пришлый, но ты неверно боишься, — в голосе Великого Пхе прозвучала вдруг нотка, характерная для начальников-гуманистов. Тех самых, что дико смущаются, увольняя подчиненных, и даже в глаза им избегают смотреть.

— Если ты не успеешь добыть реликвию вовремя, твой защитник убьет тебя. Раздерет тебе грудь и живот когтями, выпустит внутренности, сломает хребет...

— А можно без подробностей?!

— ...Вырвет глаза и выключает мозг...

— Ты просто гений рекламы!

— ...Разорвет тебя на части и съест, — закончил бородач словесную конструкцию. — Ни дружба, ни защита не достаются даром, пора бы это понять. Теперь обсудим твою награду за успешное выполнение задачи...

Отправляться в поход пришлось уже наутро. Черная Луна и моё потенциальное растерзание приблизились на несколько часов, но ночами здесь в море никто не ходит, я уже понял. Долго пытался уснуть на лежанке в убогой хижине, туловище зуделось сверху донизу, будто блохами обзавелся. Или «защитник и друг» всё напоминал о себе, осваивая мою шкуру. Помыться бы пресной водой, но с ней тут, похоже, проблемы. Провалился в короткий сон, не увидел ни толстяка, ни шамана, ни обнаженных девушек — вообще никого.

— Зачем вам этот артефакт? — спросил я уже перед выходом. Всё тот же берег, всё тот же Великий Пхе, только сам я наутро выглядел поприличней — одет, как минимум. Просторные холщовые штаны, рубаха — или туника — из той же материи, кожаная мягкая обувь, вроде мокасин. «Орль» такое не носят, да и шить им явно не из чего. Наверняка, дары озабоченных самцов из-за стены.

— Ты называешь этим странным словом Зуб Отца Тверди? — бородач взглянул на меня терпимо и мудро, как положено священнослужителю. — Частицу Его тела, чудодейственную без всякой магии, но способную принести невиданное могущество в ночь Черной Луны?

— Да, именно эту многосложную лирику я имел в виду. Она вам поможет кого-то победить? Стать круче?

— Она поможет нам стать единственными, — ответил шаман с той самой простотой, какая выдает поистине великие речи. — Ложные боги будут повержены, наш орел расправит крылья и взглянет на всех с высоты. Ты, кстати, помнишь заветные слова?

— Назубок, — ответил я с уверенностью, которой не чувствовал. Закрыв глаза, попытался представить песок и начертанные на нем буквы, кириллицей: КУКХРА БАУПХА БДЬПТ. Дикий набор звуков, воспроизвел их вчера на слух, как уж получилось.

— И он... оно реально оживет от этой белиберды?

— Не сомневайся, пришлый. Силы крыльев твоего защитника хватит, чтобы поднять тебя и доставить сюда вместе с Зубом. Если же ты не добудешь реликвию до Черной Луны и не скажешь заветных слов, защитник пробудится сам и тогда...

— Прекрасно всё помню, не нуди! — отмахнулся я, разглядывая своё будущее плавсредство. Лодку, собранную из неведомого древесного хлама, с такими же веслами. Тяжелую, судя по всему — к воде ее приволокли аж двое мужчин в грязных набедренных повязках. Лбы у обоих украшены-изуродованы переплетением шрамов.

— Это тоже ваши?

— Рабы, — ответил шаман, не подумав даже глянуть в ту сторону. — С нами

соседствуют злые племена, но наша доблесть позволяет нам одерживать верх. Ты умеешь грести?

— Приходилось когда-то. Уверен, что эта развалина не затонет сама собой?

— Она прочнее, чем выглядит, — заверил Великий Пхе и пнул по лодочному борту зачем-то. Борт застонал, но не треснул, бородач улыбнулся, рабы отошли и застыли как две статуи работы скульптора-извращенца. Пленники добрых, душевных «орлов», ага.

— Тебе придется лишь обогнуть Челюсть, а после течение подхватит тебя и потащит в нужную сторону. Избегай причаливать к берегу, пока не достигнешь второй скалы, да и там постарайся оказаться ближе к ночи. Темнота сокроет тебя от жабьих глаз.

— От чьих?!

— «Жабы» — это наши враги, те самые. В центре их селения выстроен храм из костей морского чудовища, там и спрятан Зуб. Никто не сторожит это место, ибо оно прикрыто колдовским наговором, но твой защитник одолеет чужую магию и отведет всем глаза. Только дойди, пришлый! В воду не лезь, там живут защитники «жаб», они тебя растерзают. Берег от этой Челюсти до другой именуется Пастью, я видел его глазами своей зоркой птицы. Тоже гиблое место.

— Да у вас тут всё гиблое, я уж понял! Потому вы туда и не лезете сами, ищите дураков! Дай хоть копьё какое-нибудь!

— Оружие тебе не пригодится, — улыбнулся шаман и подтолкнул меня к лодке. — Твой защитник предупредит об опасности, которую ты способен преодолеть, а все прочие угрозы сомнут тебя, если не спрячешься. Поспеш, становится жарко.

— За бороду бы тебя подвесить на этой скале! — принялся я мечтать, уже отгребая. Весла в веревочных уключинах ходили вкривь и вкось, шершавые лодочные борта продавливали воду, будто густую солянку, а сил на каждый гребок уходило изрядно. Давненько я этим делом не баловался! С детства, пожалуй, когда приезжал в деревню к родственникам, и большой громогласный дядя Вова пытался привить мне любовь к рыбалке. Получалось частично: караси с окунями радовали, но после комаров зуделись даже ногти, а мозоли от весел на моих городских ладошках не сходили потом неделями. Вадик, кстати, тоже всё это проходил. Лет на десять позже меня. Порадовал дядю Вову — лихо греб туда и обратно, мошку с комарами просто не замечал, даже нырнул разок, когда родичу вздумалось покидать спиннинг, а блесна зацепила корягу.

— Хороший парень, четкий, — сказал о нем дядя Вова чуть позже, как никогда не отзывался обо мне. — Такой, блин, нигде не пропадет!

— Больше туда не поеду, — оценил чуть позже рыбалку сам Вадик. — В гробу я видал такую близость к природе-матери!

В этом был он весь — получи результат, прояви себя, а дальше можешь ругаться любыми словами. Результат всё скрасит.

Лично мне хотелось бросить весла уже сейчас, с каждым новым гребком. Скала по имени Челюсть, вся в зализанных складках, будто шкура моржа, никак не желала заканчиваться — на добрую милю в море выдалась. Или на полтора километра, в привычных мне измерениях. Или на восемь стадий, на пару тысяч шагов, на три с лишним тысячи локтей... всякая чушь лезет в голову, зато грести полегче. Отвлекает от лишних мыслей. Раз-два-а, раз-два-а! Триста двадцать пять, триста двадцать шесть, триста двадцать семь...

Отвлекает от мыслей про Вадика и отца. Про придурков-коллекторов тоже, будь они неладны.

— У нас уже очень давно не видели чужих людей, — сообщил шаман, когда я сидел в лодку. Ответил на мой вопрос, и глаза не забегали, да и прочих признаков вранья на бородатой физиономии не отразилось.

— Отец Тверди подарил мне тайное зрение, но вас, пришлых, мне очень трудно увидеть. Вы не отсюда, не с Двипамаранума.

— Откуда?!

— Так называется эта земля. Ты не знал?

...Триста сорок пять, триста сорок шесть...

— Не знал, мне сейчас другое важнее! Ты не можешь нас видеть своими шаманскими штучками, потому подсадил мне «друга и защитника», а тот парень, про кого я спрашиваю... у него готовая татуха была. Тоже какой-то птиц, но маленький, на руке. Ты бы точно его запомнил!

...Четыреста двенадцать, четыреста тринадцать...

Великий Пхе не соврал, я уверен. Если Вадик и те придурки тоже упали в открытое море, то вряд ли им подфартило с кораблем, даже с чумным. Скорее всего, отыскиали их вовсе не люди, а кто-то другой.

Те самые твари. Защитники «жаб».

Глава 6

...Четыреста тридцать один, четыреста тридцать два...

Здесь пока ничего опасного не видно, вода вокруг уже просвечена солнцем, похожа на лазурное стекло, а берег сделался серой полосой. Шамана не различить, и даже аварийный парусник выглядит игрушкой. Хижины «орлов» и «крыс», скальная стена за ними, а дальше — сплошной туман, или облака. Что там находится, вообще, чуть дальше от моря? Насколько он велик, этот самый... Двима... Двипа... короче, островок это, или остров, или целый континент? О привязке его к реальности и прежнему миру лучше не думать. Просто принять за факт — я теперь здесь, и, возможно, уже навсегда. Если хочу протянуть подольше, надо не рефлексировать, а приспособливаться как-то.

...Четыреста девяносто два, четыреста девяносто три...

Вся надежда теперь на шамана с его обещанной наградой — местом подручного при храме-лабиринте. Сытная хавка, уважение окружающих, любовь сговорчивых местных красоток. Там, глядишь, и знания перейму. Унаследую «силу», как принято у всех этих колдунов с ведьмами. Стану вторым человеком в племени — крутейший карьерный рост после прежней должности. Море, свежий воздух, прекрасная экология. Курорт, однако!

...Пятьсот пять, пятьсот шесть...

В одном теперь убедился — на воде специальных «порталов» для возвращения тоже нет. Ни в открытом море, ни у берега. Никаких сияющих врат и прочих красотостей, никаких подсказок, да и Асаш, вполне возможно, придуман моим воображением. Несет пургу, как я сам иногда делаю. Короче, не в сказку я угодил!

...Пятьсот шестнадцать, пятьсот семнадцать...

Справа, на серой хребтине Челюсти что-то мелькнуло — краем глаза поймал движение. Может, ветром траву шевелит? Или проклятый шаман отправил слежку? Хотя у этого есть личный агент с когтями, ему достаточно. Отверну-ка, для верности, чуть в сторону,

прибавлю усилий! Течение слева мешает, тянет к скале, отвлекаться некогда.

...Пятьсот двадцать три, пятьсот двадцать четыре...

— Мне нельзя это спрашивать, пришлый, но очень хочется, — сказал Великий Пхе, когда сталкивал с берега лодку вместе со мной. Мог бы рабам поручить, да свидетели явно не нужны.

— Откуда ты провалился в Двипамаранум? Каков твой мир, что там есть, вообще?

— Ну, и вопросы у тебя, почтенный! Спроси чего полегче! — ответил я с мелкой и недостойной мстительностью, ибо нефиг было шаману до этого нос задирать. Навалился на весла, Великий Пхе проводил меня грустным взглядом. Похоже, с ними реально что-то не так. За Челюсть проникнуть не могут, за скальную стену — тоже. Неполноценные люди, вроде НПС в «игрушках». Правда, копья у них вполне настоящие, да и весь окружающий мир не походит на виртуальность. Солнце жарит всерьез, вода соленая, горячий ветер пахнет йодом. Ладони уже натерлись и жестко болят. Если загнусь, то перезагрузки не будет — уверен на сто процентов, даже проверять не хочется.

...Пятьсот пятьдесят восемь, пятьсот пятьдесят девять...

Скала закончилась на шестисотом гребке. Тут же меня поймало течение, крутануло лодку вокруг оси, пришлось навалиться всерьез. Пару вздохов-секунд тащило прямо на угловатый торец Челюсти в соляных наростах, потом он остался сзади, а я перевел дыхание. Полной грудью вдохнул. Пот заливает глаза, в ушах барабанят бешеные сабвуферы — нефиг бы надо такое приключение! Вытянул весла вдоль бортов, плеснул в лицо воды полной горстью. Уф-ф, хорошо! Оценил, наконец, кусок побережья, открывшийся за Челюстью.

Если это и Пасть, то отсюда смотрится жизнерадостно: зеленая, в клочьях тумана дуга, будто утренняя лужайка. Тянется вправо, насколько хватает глаз, а у горизонта перечеркнута угловатой линией — Челюстью Номер Два, надо полагать. Грести туда замаешься, но течение впрямь попутное. Можно расслабиться и любоваться видами.

У скалы, вдруг, громко плеснуло. Кто-то немаленький упал с нее в воду. Через пару секунд вдали от лодки вынырнула лохматая голова — не сама по себе, конечно, а прикрепленная к туловищу. Человек хватанул воздуха, огляделся, погреб в мою сторону, будто черти за ним гнались. Будь я добрее — притормозил бы, потабанил веслами, но пока лишь пассивно смотрел. Нафига мне тут лишние пассажиры, скажите, пожалуйста?! Отпихивать, правда, тоже не стал, а потому финишировал ихтиандр-самоучка вполне успешно: костлявые пальцы ухватились за борт, плавсредство накренилось, человек перевалился внутрь, а следом втянул кое-что еще.

Жуткого вида тесак длиной с его руку.

— Помоги, чего смотришь! — голос незваного гостя оказался сиплым и надсаженным, под стать облику. Конечности тонкие, ребра выпирают, щеки ввалились, зубов во рту через раз. Лоб изуродован уже знакомым переплетением шрамов в виде многолучевой звезды. Из одежды — грязная набедренная повязка, сразу бомжацким духом потянуло.

— Ты не ошибся, уважаемый? — я постарался говорить вежливо, но весло на всякий случай сжал покрепче. Веревку-уключину не разорвать, придется возиться с узлом, а тесак-то у гостя под рукой! Подобие серпа с обратной заточкой, медь, или бронза, длиннющая деревянная рукоять. Хопеш — вот как это называется. Древнеегипетское оружие. Видел такие в сетевом историческом научпопе и помню, что рубят они не хуже топора. Нафига вот

мне так много знаний, скажите, вместо практических боевых навыков?!

— Я тебя принял на борт из жалости, а ты, беглый раб, грубишь теперь! Нехорошо!

Уверенный тон решает многое — «пассажир» вдруг сдулся, хоть и некуда ему было. Даже руку с тесака убрал.

— Приношу извинения, не хотел. Я лишь прошу, чтобы ты увез меня подальше и высади там, где можно преодолеть стену. Заплатить мне нечем, но если мы вместе доберемся до моих родных мест...

— Так ты из-за стены? Наверняка, король, или принц наследный?

Ирония не удалась — похоже, гость даже слов таких не знал, хоть и понял суть. Тонкие губы поджалась, в глазах промелькнуло что-то и сразу исчезло.

— Прости еще раз, я забыл представиться. Тит Клавдий Вар, патриций, старший сын сенатора Гая Квинтилия Вара. Возглавлял поход в дикарские земли, но изменой и хитростью врагов был схвачен и обращен в рабство. Эти грязные твари... они клеймили меня как скотину, изрезали мне лицо!

— Да ладно, не волнуйся так, — постарался я улыбнуться как можно душевней. Слишком часто в последнее время приходится утешать оскорбленных, униженных или даже наполовину съеденных. Утомляет, однако!

— Вы, я так понял, несли этим варварам гуманизм и цивилизацию, но они не оценили?

Вот напрасно я, блин, шучу, когда весло до сих пор привязано! Надо срочно заняться узлом, но так, чтобы это не выглядело боевыми приготовлениями — передвинуться ближе к уключинам, глянуть за борт, улыбнуться простодушно:

— Имена у вас звучные, да и титулы тоже. Твоя земля, случайно, не Римом зовется?

— А как же иначе?! — в голосе Тита... как там его... прозвучало такое возмущение, что за узел я взялся с удвоенной скоростью. — Эти дикари называли тебя «пришлым», но даже в твоих неведомых землях должны были слышать про Туллия Семпрония и про нашу империю, хранимую богами!

— Давай без пафоса, а? Для меня сегодняшней план по громким речам перевыполнил товарищ Пхе, а с тобой я готов общаться исключительно по делу. Сумеешь?

Вдруг показалось, что лазурных глубинах что-то движется, большое и темное. От борта я отшатнулся, теревить веревку стало неудобно, зато тугая закрутка вдруг начала поддаваться. Не спешим, раскачиваем, тянем.

— Туллий... как его... это ваш самый главный? Ну, не бычься, я ж человек из далеких земель, вообще не в теме. Про Римскую Империю что-то слышал, а вот конкретные имена... как, вообще, это всё называется? Остров, материк, большая-пребольшая суша?

— Двипамаранум, — судя по интонации, удивляться римлянин устал. — Единственная суша, населенная людьми, дальше лишь океан и смерть.

— Да, я слышал. Там правит Невыразимый, которого все боятся. Не понимаю только, зачем здешним людям строить огромные корабли, если плавать некуда?

— Галеры с десятками парусов и гремучими катапультами? — глаза незваного гостя загорелись как у ребенка при виде конфет. — Я изучал корабельное дело, первородным это положено, хотя искусство войны вызывало во мне гораздо больший интерес. Римские корабели превосходят финикийцев и даже греков, но их мастерство, увы, близко не стоит со строителями тех галер.

Ёлы-палы, ну как научить его говорить кратко?! У них тут в прошивку забиты подобные речи? Берег тянется вдаль, жизнерадостный и зеленый, узел уключины, наконец,

распустился, а за бортом опять что-то промелькнуло. Гораздо ближе к поверхности.

— Ты где их видел, эти галеры? В гости к вам приплывают?

— Железнобокие не нуждаются в нас, и это, поистине, милость богов! Железнобокие жестоки, но им не нужны рабы, да и торговля с нами неинтересна, что лишает нас множества ценных приобретений.

— Так, а ну стоп! Разъясни-ка мне, Тит... э-э... Клавдий, что за «железнобокие» и как они связаны с большими галерами?

Снова движение в глубине. Здоровенная хрень, однако, раза в два длиннее нашей лодочки! Может, зря я развязываю уключину — вдруг придется сейчас выгребать со скоростью «Формулы-1»?

— Железнобокие — это люди за стеной, — продолжил римлянин терпеливый ликбез. — Как дикари побережья отделены от цивилизованных земель, так и мы в этих землях ограничены другой стеной в стремлении продвинуться дальше. Мы несем дикарям свет разума, а вот люди в железе унижительно пренебрегают нами! Мы несвободны даже в плавании по Сите и вынуждены держаться ближе к берегу!

Та-ак, вот это уже теплее. Старые обиды полезли, а обиженным людям не до красноречия. Хотя, он даже сейчас много лишнего болтает.

— Сита — это река?

— Слишком скудное определение, чужеземец. Всё равно, что слона назвать домашней зверушкой, или пик, уходящий в небеса, поименовать холмом. Сита — это поток, у которого с правого берега не виден левый, она течет из самого сердца Двипамаранума. Я не знаю, кому позволено плыть по центру, хоть и видел такие галеры не раз, издали. Люди глупее меня пытались сблизиться с ними, но получали лишь железные ядра из гремучих катапульт.

— Это называется «пушки», Тит. Из сердца Двипамаранума, говоришь? Там, значит, вовсе цивилизованная цивилизация, но вам туда нельзя, потому кошмарите дикарей. Железнобокие кошмарят вас, а где-нибудь в центре спит Отец Тверди, да?

— Варварские придумки, — усмехнулся римлянин, прежде чем лодку ощутимо качнуло. Узел вдруг распустился, весло соскользнуло за борт, я дернулся следом, увидел...

Здоровенная хрень уже рядом: акулье тело, но между башкой и серповидными плавниками торчат короткие кривые лапы, как у динозавра. Перевернулась на бок, глазблоко нашел меня безошибочным взглядом, очень голодным.

— Ёлы-палы!

— Что там такое, чужеземец?

— Не «что», а «кто»! Зубастое и когтистое! Ты приготовь свою боевую штуку, Тит, а то ведь...

Лодка вдруг накренилась, почуял движение за спиной, успел дернуться — «боевая штука» свистнула мимо плеча, врубилась в борт.

— Ты охренел?!

— Я не хочу тебя убивать, — сообщил «пассажир» торжественно и выдернул хопеш. Стоял теперь надо мной, расставив ноги, не казался уже ни слабым, ни изможденным.

— Не хочу убивать, но голодная тварь не уйдет без жертвы. Прыгай туда.

— Серьезно?! — я и сейчас всё никак не мог поверить, проникнуться, испугаться. Будто в театре, где всё понарошку. Глянул за борт — серая тень далеко, заходит на новый круг, а вот весло совсем рядом. Рукой дотянешься.

— Скажи, ты рехнулся, Тит... как тебя там?!

— Тит Клавдий Вар, сын сенатора Гая Квинтилия Вара! — он развернул плечи и увеличился в росте даже. — Ты выпрыгнешь, чужеземец, тварь насытится, а я достигну Ситы и поднимусь по течению, в родные земли! Не пытайся мне возражать, ибо меня учили лучшие...

Лодку качнуло снова, римлянин пошатнулся, я схватил, наконец, весло. Дернул из-за борта навстречу гостю — тот как раз шагнул с занесенным хопешем, наткнулся на древко, охнул, а я добавил уже наотмашь. С двух рук. Со всей пролетарской ненавистью, ага.

Хрясь!!!

Весло сломалось, враг выпал спиной вперед, меня окатило водой. Как в замедленной съемке увидел всплывающего «пассажира» — тот успел схватиться за лодку, но громадная тень уже наплыла, руки-лапы цапнули, пасть открылась зубастым полумесяцем, вырвала римлянину живот вместе с ребрами.

— Угм-м-м-м! — не сразу понял, что сам издаю этот звук. Среднее между стоном и желанием блевануть. Цапнул утеранный хопеш — против эдакой твари толку мало, но хоть что-то!

— Говорил же, нефиг болтать, — собственный голос показался скрипучим, будто песком его присыпали, зато хоть тошнить перестало. Почти равнодушно глядел, как тело Тита Клавдия Вара, сына сенатора Гая Квинтилия Вара уходит в пучину, а безымянная тварь продолжает отхватывать от него куски. Хорошо, что не от меня.

Плохо, что весло сломалось, а я не спортсмен-байдарочник, одним грести не умею. Сейчас вообще лучше затаиться. Лежать тихонько — авось, про меня не вспомнят.

Так и сделал. Улегся на спину, глотнул воды из бурдюка — презент Великого Пхе — взялся разглядывать хопеш. Первый в жизни трофей, как-никак! Не считая плюшевых заек, выигранных за стрельбу по баночкам в тире. Увесистая штука, совсем не декоративная: медь покрыта зеленой патиной, очень грубая заточка, деревянная рукоять потемнела от пота и грязи. Где этот раб его раздобыл, вообще? Стырил? Наверняка, товар «из-за стены», а значит, Египет там тоже существует — или что-то египтоподобное. Существуют римляне, финикийцы и греки, имеются слоны и горные вершины. Судя по речам «пассажира». Непонятно, как это всё совмещается в одной эпохе — между ними, насколько помню, века и тысячелетия были — но это мелочи. Может, и Рим тут не настоящий, и звучные имена из пальца высосаны. Другое важно: теперь, наконец, просматривается система! Хоть какая-то логика в этом безумном мире. Уровень первый — дикое побережье, уровень второй — типа, древние страны, все скопом, а дальше, чую, начнутся стальные доспехи на рыцарях, огнестрел и прочие блага технологической революции. Условные «левелы» разделены стенами, сверху вниз пройти можно, хоть за сексом, хоть за трофеями, а в обратную сторону — фигушки. Может, «пришлых», вроде меня, пропустят, но и тут без прокачки не вариант. Только в виде раба — жирномясый Асаш об этом предупреждал. Кстати...

...Кстати, он и про Вадика заикался, но не договорил по хамской своей привычке. Сидит вон и пялится на меня среди ведер, бутылок, костяного песка.

— Сто лет не виделась! Говори-ка всё, что знаешь о брате, или я просыпаюсь и нефиг нам общаться!

— Во-первых, здравствуй, — отозвался Асаш без малейшего раздражения и без иронии даже. Всё ещё толстый, но уже не бесформенный, да и одет теперь полностью: рубаха, штаны, мокасины. Точно как я. Голова повязана банданой, улыбка вполне нормальная, не

крокодила.

— Во-вторых, мы уже обсуждали пределы моей компетенции, не правда ли? Определились, что информирован я не больше, чем ты сам, хотя умею мыслить гораздо четче. Я не в курсе про Вадима, его судьба закрыта, и никто не знает его следующих ходов. Никто не знает, жив ли он до сих пор. Перестань расспрашивать об этом местных, даже если они супер-пупер шаманы. Что до всего остального, то информация лежит вокруг тебя. Научись ее искать, тогда и я тебе стану не нужен.

— Спасибо, учту! — я плюнул на белый песок, уселся тут же, толкнул ногой ближайшее ведро. — Расскажи хоть про этот... Двипамаранум. Что за мир такой?

— Ну, тут всё просто, хоть ответ тебя не обрадует, — толстяк уселся тоже, с неожиданной ловкостью. — Двипамаранум — это затянутая смерть, дружище. Весьма затянутая. Вся наша жизнь, если разобраться — отложенный путь к финалу, потому не пугайся и следуй своим путем.

Глава 7

Вот везет мне сегодня на любителей потрепаться! Карма что ли такая? В тему к этим самурайским заморочкам про «цель» и «путь». Я вдохнул и выдохнул, а тело под одеждой вдруг зазуделось, даже во сне.

— Интересно, Асаш, но хотелось бы знать, кто это всё придумал? Зачем?!

— Во-первых, не будь дураком и не задавай пустых вопросов, а во-вторых — я теперь Асша. Мы стали ближе друг к другу еще на букву! В этой связи рекомендую тебе взять «погоняло», чтобы мы не совсем совпадали.

— Кличку, что ли?

— Ну, да. Кличку, прозвище, ник, позывной — назови, как хочешь. В этом мире есть люди, способные наводить порчу по настоящему имени, так что не затягивай. А вообще, начинаю тебя уважать, Саша. Ты ведь реально выиграл схватку и теперь получаешь... щас, погоди-ка...

Мой альтер-эго порылся в песке, закричал, потянул наружу очередное ведро — красное, будто с пожарного щита. Поставил перед собой, опрокинул над ним бутылку, забулькало, полилось.

— Достижение «убитый враг», необязательное, но очень ценится в этом мире. Далеко не все могут таким похвастаться. Полное красное ведро можно обменять на три обычных-обязательных и тоже полных, по выбору.

— А с пятью обязательными можно лезть на стену?

— Молодец, верно мыслишь! Только тебе, головастик, далеко до пяти, ты ведь по-прежнему больше качаешь разум, чем силу. Я-то не против! Тоже с тобою видоизменяюсь! Хамить вон почти перестал и фигура стройнеет, но без силенки нам с тобою никак. Жестокий век, жестокие сердца!

Чпокнула очередная пробка, толстяк поморщился, опять закупорил:

— Маловато будет, ма-ло-ва-то! Смотрел такой мульттик? Скажу по секрету, до полной бутылки «силы» тебе придется сделать еще тысячу гребков на веслах, или пять тысяч отжиманий. Это будет лишь вторая бутылка из пяти. С учетом всего, что ты уже пробежал и нагреб здесь. По «ловкости» вообще беда, «здоровье» выправилось, но временно. Работы тебе непочатый край!

— Понятно, — я попробовал встать, угодил на какую-то кость — обратно шлепнулся.

— Какого лешего... что за срач у тебя здесь?!

— Это к вопросу о ловкости, — пожал плечами Асаш, который Асша. — Нужно много акробатики, жонглерских техник, или уроков обращения с оружием. Что до срача, то он, как раз, у тебя самого. Мы ведь сейчас пребываем в твоём богатом, но бессистемном внутреннем мире. Если поднимешься выше, сможешь выстроить тут дома и замки, а пока извини, пусто. В душе моей — пусты-ынная пустыня, так что ж стоите над пустой моей душой!?!..

...Обрывки песен там и паутина,
А остальное всё она взяла с собой!

Я проснулся с последними строчками песни, на грани сознания. Гитарные аккорды, голос отца — он никогда не хрипел «под Высоцкого», но всё равно получалось в тему. Совсем не похоже на козлетон Асаша-Асши.

Реальность оказалась поганой. Сверху жарит солнце, грудь под рубахой-туникой чешется, а спина почему-то мокрая абсолютно. Вода в лодке! Не критично, зато повсюду — долбаный Тит, похоже, дно проломил своим ударом. Трещина мелкая, но заделать нечем. Вычерпывать тоже нечем, да и грести проблемно, но тут уже не до жиру: взялся развязывать узел второй уключины. Солнце в зените, берег слева всё такой же зелененький, жизнерадостный, а вот Челюсть Номер Два стала заметно ближе. Не черточка уже, бугор. Сколько ж я спал, и как, вообще, умудрился заснуть после всех событий?!

Зато акулopodobной твари вблизи не видно. Уже прогресс. Удовлетворилась тощим римлянином. Сам я тоже подусох за эти дни, тут Асаш-Асша всё верно заметил — «комоч нервов» пониже грудины не давит теперь так сильно на поясную веревку. Мышцы болят сверху донизу, ладони саднят. Вдобавок, отупел от солнца: всё дергал и дергал узел, пока на глаза не попался хопеш. Разрубил, наконец, уключину, встал с веслом посреди лодки, попробовал, всё-таки, грести «по-индейски», на оба борта. Вышло так себе — широковатое плавсредство, не пирога.

— Тыща гребков, говоришь?! А не пошел бы ты... советчик! Научи, потом выеживайся!

Глупейшее дело — ругаться с собственным подсознанием, но мне сейчас помогло. Даже движения стали четче, и лодка реально пошла всё левее, ближе к берегу. Насчет клички-ника, кстати, тоже правильно — имя с фамилией тут совсем не звучат. Александр Удальцов, которого звали когда-то и Удилищем, и Удалым, но первое было в детстве, а на второе сейчас не тяну, увы. Насмешники пытались окрестить Мудальцовым, что стоило им разбитых носов, а мне сохранение чести обошлось в один утраченный зуб. Металлокерамика вместо него теперь.

Ладно, потом придумаю — если никто не вырвет мне живот, будто сушеной тарани под пиво. Берег всё ближе, веселый зеленый тон разделился на множество пятен, кое-что уже можно разглядеть. Болото, похоже. Много воды, островки камыша, туманные испарения — отвратительная картина, не зря ведь шаман предупреждал. Комары, малярия, желтая лихорадка. Если сильно не повезет, то еще крокодилы и ядовитые змеи. Может, ну его, этот берег? Плыть по течению до победного конца, а там на авось?

Инстинкт самосохранения победил — потенциальная болотная мерзость выглядела приятней хреновины с акульей пастью и цепкими лапами.

Вдобавок, мне послышалась музыка. Очень тихо, на грани слышимости, но приятная даже отсюда. Руки задвигались быстрее, лодка вырвалась из течения, подчинилась моим

неуклюжим гребкам, воды в ней набралось уже с пару ведер, но сейчас меня это не волновало.

Где музыка — там жизнь! Искусство, культура, разумные существа с необоримой тягой к прекрасному. Просто, веселье, на худой конец.

Всё то, чего не хватает в этом стремном мире!

Запах болотной воды я почувствовал через триста гребков — специально считал. Если точнее, то триста три. Гнилая трава и сероводород пробились через йодистую горечь моря, музыка теперь звучала четко. Шикарная! Язык не повернется обзвать ее «музлом»! Слова, по-моему, тоже есть, но отсюда не разобрать, зато глаза различили кое-что еще. Танцующих людей, определенно. Почему-то вдруг накатила восторг — я даже сам подпевать начал. Греб теперь так, что весло трещало. Одежда взмокла, грудь зуделась, вода взялась прибывать в бешеном темпе. Передвинул поближе бурдюк, оружие и мешок с едой — тоже от шамана — прикинул, как быстро буду плыть, если второе в моей жизни кораблекрушение случится на глубине.

Не пригодилось. Спрыгнул у самого берега, погрузился до пояса, но на сушу всё равно поспешил в максимальном темпе. Твари тут разные. У кого-то и полный комплект конечностей может оказаться вместо двух тощих лапок.

Выбрался кое-как на илистый рыхлый берег. Дальше тянутся лужи в обрамлении камыша, а вот скальной стены совсем не видно — далеко отступает от моря, наверное. Зато прекрасно теперь различимы танцоры. С полкилометра до них — или пара стадий, по здешним меркам. Двигутся в хороводе, машут руками, музыка наплывает, зовет, обещает отдых и счастье.

Идти к этим людям — прямо по грязному мелководью!

Бежать, проваливаться, падать — пока еще песня не закончилась! Нельзя опаздывать, иначе, иначе, иначе...

Живот зачесался так, что судорогой свело. Руки сами задрали рубаху, горсть черпанула холодной грязи из-под ног, растерла по долбаному орлу-татухе. Чуть легче стало. Что с ним не так — воспаление началось от жары?! Голова перегрелась тоже, уши горят, надо умыться. Бр-р, вонища какая! Тухлая вода, белесый ил, тут и там поднимаются пузыри сероводорода. До людей теперь недалеко: очень слаженно движутся, красиво, в такт музыке, да и сами они...

Ноги вдруг подкосились, присел на корточки. Захотелось орать и спрятаться — одновременно.

Разглядел, наконец, танцующих: кривые, нелепые фигуры, каждая обхвачена вокруг пояса чем-то узким, прозрачным, вроде щупальца. Скелеты, распухшие мертвецы, но есть и пара еще живых, с застывшим на лицах ужасом. Каждый движется и машет руками, у иных конечности давно отвалились, но черепа улыбаются мертвым оскалом. Музыка зовет и приказывает. Волшебная, жуткая, нечеловеческая. Надо встать и идти — вместо этого снова выхватил грязи, мазнул себе по ушам. Стало потише, будто туман рассеялся. Наконец, получилось рассмотреть певца.

Что-то большое, блестящее, в самом центре хоровода — помесь медузы со спрутом. Глянцевый бок торчит из воды, прозрачные щупальца тянутся к «танцорам», узкая щель раскрывается и сжимается, издает звуки.

— Прикольный у вас тамада и конкурсы интересные...

Прошептал, но хоровод, вдруг остановился, фигуры замерли в нелепых позах. На глянцевой шкуре раскрылись еще отверстия — уши, рты, а может, глаза — начали двигаться, будто в поиске. Нашли. Компания трупов разной степени спелости зашагала ко мне будто в фильме про зомби-апокалипсис, только без пива и телеэкрана.

— Ну, и куда вы, такие красивые? В догоняшки будем играть?!

Двинулся прочь по колено в грязи, гнилая компания топала следом, пока «куканы» не натянулись.

Ум-м-м-м-м-м! Тяжелый, утробный вздох, будто само болото застонало. Я оглянулся — чтобы увидеть, как спрут-медуза шевелится, поднимается, пробует выбраться из своей лужи. Впечатлило настолько, что мои ноги врубили сразу третью скорость: через отмели, через камыш, с падениями ниц и ползком на карачках. Пока не очухался перед совсем уж глубокой заводью — только плыть. Ни спрута, ни его зомбаков позади не слышно, музыка сквозь затычки не пробивается.

Отдохну, пожалуй.

Широкий плес — вправо тянется почти до моря, в левую сторону краев не видно, дымка. Скальной стены не видно тоже. Прямо передо мной из воды торчат какие-то палки, уходят прочь изломанной линией на пару стадий — к очередному островку суши. Слишком упорядоченно торчат, не сами тут выросли.

— Лю-юди-и! — позвал я осипшим голосом на манер героя Фарады из бессмертной комедии. — Здесь есть люди, и я их найду-у!

Выковырял, наконец, из ушей грязевые пробки, осмотрел себя и всё, что рядом. Печальное зрелище, скажем прямо. Одежда пропитана илом, сухпай и бурдюк потерял, неизвестно где, хорошо хоть оружие не выронил! Воинский инстинкт, ага. Вторая классная новость — татуха теперь вообще не чешется. То ли вода помогла, то ли... стоп! Что там шаман говорил насчет предупреждения об опасности? Может именно так оно и выглядит? Чего еще ждать от «друга и защитника», готового разорвать тебе пузо, если в срок не уложишься?!

Кстати, полдня из отпущенных уже прошло, а Вторая Челюсть выглядит всё такой же далекой — за плесом, островком и прочими пейзажами Пасти. За неведомой фауной и населением, которое может оказаться похлеще спрутомедузы.

— Слушай, а может, ты меня и в ту сторону отнесешь? — спросил я у татухи интимным шепотом. — Не, ну что за приколы в духе товарища Толкина? Обратно, значит, на орлах, а в Мордор своим пешком, через горы и орков?! Я ж не хоббит, я не дойду!

Татуха в ответ смолчала, как ей и положено. Лечь бы и подремать, но не угадаешь, кто еще сюда вылезет из окрестных водоемов. Поднял себя с кряхтением на ноги. Когда вернусь домой — если вернусь — принципиально не буду бегать, да и пешком постараюсь ходить поменьше, вот что! Возьму еще кредит, куплю машину, живот отращу больше прежнего!

Мой организм сибаритских фантазий не одобрил, аж в печени кольнуло.

— Тебе-то фигли претензии выражать?! Ты уже неделю насухую, как в санатории... ну, ладно-ладно, чуть меньше, но это не повод, чтобы так вот!

Печень тоже не ответила, зато ноги среагировали неслышным стоном — когда я снова полез в воду. Надо бы снять мокасины и побережь, но теперь уже поздно. Да и не знаешь, что

там на дне. Меньше думать и меньше болтать с частями собственного тела, просто идти. До первого колышка, до второго, до третьего. На четвертом нога соскользнула, и я опрокинулся всем весом. Громко, наверное. Пару секунд барахтался, пока не вылез обратно на скользкую подводную грядку. Ухватился за палку, хотел матюкнуться, но разглядел, вдруг, в воде отчетливое движение — кто-то крупный и быстрый, прямо ко мне.

Хопеш до сих пор в руке, рубануть наудачу, если цапнет! Или замереть?! Многие хищники видят только подвижные цели: насекомые, к примеру, и динозавры в «Парке Юрского периода». Насчет крокодилов не знаю, да и не факт, что плывет ко мне именно крокодил — возможно, совсем безобидная живность, дружелюбная, которой поиграть не с кем...

...Какая же чушь в голове опять! Замереть, не дышать, держаться за шест! Орел на груди зудится, но как-то умеренно — нет опасности, или она не из тех, что я способен преодолеть? Подсказка высшего уровня, блин! Нострадамус отдыхает!

Большое тело изменило, вдруг, направление, ушло без единого плеска куда-то в сторону. Может, охотничья хитрость, но стоять уже невозможно, да и ноги соскальзывают. Напрягся, выдернул шест из грунта, сделал затекшими конечностями шажок — очень плавный. Еще и еще, на цыпочках. Дорогу теперь прощупывал палкой, суша впереди неуклонно близилась, да и меня, наконец, заметили. Очередные аборигены числом трое выбрались из камыша, оперлись на копья и ждали без видимой агрессии. Худые, загорелые до черноты, в набедренных повязках — стандартный здешний «look», короче.

— Гой еси, добры молодцы! — крикнул я прежде, чем прикусил язык, но аборигены и ухом не повели. Оглядели окрестный пейзаж, один из троицы зевнул, второй почесал живот, третий заметил, вдруг, что-то и начал нервничать. Он же и голос подал:

— Не знаю, кто ты и зачем говоришь непонятное, но скоро тебя сожрут! На промысел явился?!

— Я тоже не знаю, кто вы такие! Мне бы пройти через вас, ребята! Денег нет, но вы держитесь... в смысле, благодарить буду громко и прочувствованно!

— Двигай быстрее ногами, пока их не откусили!

Я оглянулся — и вовремя. Снова увидел подводный бурун, несущийся в мою сторону, побежал, поскользнулся, но с гряды не съехал — один из троицы цапнул мой шест и помог выбраться.

— Уф-ф! Что это было?!

— Да кто ж его знает, — ответил второй из троицы с благодушной интонацией вовремя похмелившегося гуляки. — Это Пасть, тут чего только не водится! Главное, к нам оно не лезет!

— Ну, тут уж не соглашусь, — пожал я плечами и хопеш из рук выпускать не стал. Глянул на удаляющийся бурун, оценил на всякий случай копья аборигенов: просто палки с примотанными рыбьими хребтами. У третьего из троицы, правда, есть еще медный кинжал — похоже, обмен с «застенщиками» тут тоже в ходу. Или отъем оружия у гостей, вроде меня. Дикарями аборигены не выглядят, речь разборчивая, да и пахнут хоть не парфюмами, но и не бомжатиной. Обычные мужики, не особо уважающие гигиену. От меня самого сейчас чем только не несет, после дня на солнце и купания в «лечебных грязях»!

— Не соглашусь, потому что некоторым и вылезать не надо, сами добычу подманивают.

— Это ты о Поющем Боге? — судя по интонации, оба слова звучали с прописной, а во взглядах троицы мелькнуло безмерное удивление. — Ты встретил его и сумел уйти?!

— Если это бог, то я атеист, блин! Вы меня пропустите, или нет?

— Пропустим. Или нет, — пожал плечами третий из троицы. — Мало кто ходит через наши земли куда-то еще, обычно все тянутся к нам. Или станешь уверять, что не слышал о крокотах?

— О ком?

Снова безмолвная пауза, снова удивление. Величайшее. Вдобавок, откуда-то явились, наконец, комары, москиты, или еще какая хрень, зудящая и кусучая, взялись меня окончательно бесить.

— Похоже, не врешь, — решил, наконец, обладатель кинжала. — Крокоты любят неопытных новичков, потому тебе может повезти. Проводите-ка его.

То ли старший караула, то ли местный вождь — при такой демократии разобраться трудно. Вот сами фразы мне точно не понравились. Даже с намеком на везение. Плохо быть новичком и совсем уж не хочется, чтобы мою неопытность заценил какой-то «крокот»!

Глава 8

За камышами открылся обширный остров — с десятков гектаров глинистой почвы, закаменевшей под солнцем. Много желто-бурых хижин всё из того же материала, дымящийся костер, дети, женщины. Нормальное здешнее поселение. Тоже не выбивается из общей картины. Вправо суша тянется до самого моря, а по левую сторону от нее раскинулись очередные болота, или плесы, или плавни. Водянистое что-то.

— Вот здесь и водятся крокоты, незнакомец, — провозгласил один из троицы, взявшийся проводить. — Здесь они рождаются на свет, растут, живут ради нашего счастья и сытости! Иди же в воду, испытай себя!

— Так себе предложение, незнакомец. Накормил бы сперва, напоил, да в банке попарил! Или хоть представился!

— Зачем тебе моё имя? Можешь называть меня По, так короче.

— Не Эдгар Аллан, часом? Ладно, это шутка, не бери в голову. Меня зовут... Саш.

— Зачем мне твоё имя? — пожал плечами проводник всё так же меланхолично. — Возможно, ты и до вечера не доживешь, или доживешь, но калекой, или добудешь крокоты и пойдешь дальше, или...

— Давай остановимся в этой цепочке предположений, ладно?! Иначе точно не доживу! Где там искать этих ваших... и зачем оно мне надо?!

— Крокоты — источник сытости и счастья, — тут По вдруг сунул руку под набедренную повязку и взялся там шарить. Заинтриговал, окончательно! Вытащил, наконец, узелок, развязал, продемонстрировал бурый, сморщенный клубень, вроде гнилой картофелины:

— Вот! Если искать хорошо и много находить, то будешь иметь по крокоту для себя тоже, каждый день, а если откусывать по маленькому кусочку, то этого хватит на... на...

Он задумался с такой сладостной улыбкой, что мне стало нехорошо. Напомнил нарика, рассуждающего про героин — не удивлюсь, если так оно и есть. С поправкой на здешние реалии.

— Слушай, По Эдгар Аллан! Не знаю, где именно ты эту штуку у себя нашел, но я там рыться точно не буду! Еще варианты есть?

Абориген засмеялся — от души, с надсадным кашлем и кряканьем. Через пару минут — через две саты, по-местному — я уже стоял по пояс в воде и пытался что-то нащупать ногой.

Мокасины висели на шее, связанные кожаными шнурками: крокот через обувь не почувствуешь, капризная штука.

— Ты не бойся, твари здесь не водятся, их земля не пускает, — туманно заверил меня По и уселся наблюдать. Достал опять свой узелок, неизвестно откуда, куснул бурый клубень — тьфу! Из селения подтянулись женщины и дети, устроились наблюдать тоже. Давно не видели гостей, или сейчас что-то важное происходит? Дети грязные, женщины сплошь изможденные, с отвисшей голой грудью, совсем не возбуждающие — при этом все поголовно улыбаются. Крокотов объелись?

— Помогай, не дрыхни, — сказал я орлу-татухе, но он и сейчас не отреагировал. Вид в противоположную сторону оказался приятней, чем берег, чем По и даже чем женщины: просто плес, расцвеченный солнцем. Тут и там по пояс в воде бродят люди, никто их не жрет, не преследует, не вздымает воду бурунами. Идиллия, прямо таки. Грунт под ногами напоминает песок, ступни в него не проваливаются. Сделал шаг, другой, третий, под подошвой, вдруг, обозначилось шевеление — и тут же ногу дернуло электроразрядом.

— Вс-с-с-с!

Этот посвист из меня вырвался, от неожиданности. Хватило сил не отскочить — присел, сунул ладонь под ступню, пальцы поймали упругое, явно живое. Сжал покрепче и выковырял. Клубень на воздухе заиграл вдруг всеми цветами радуги, но тут же погас.

— У него получилось, получилось, получилось! — меланхоличного По будто подменили, вопил теперь как резаный. Кто-то уже ломился ко мне по мелководу, протягивал руки, кто-то пытался цапнуть клубень, потом все умолкли вдруг. Расступились, открывая дорогу аборигену с кинжалом на поясе.

— Моё чутье не подвело, чужак, ты и впрямь удачлив, — сообщил он с деловитостью, которая мне не понравилась. — Мало кому удастся сразу добыть крокот, а тебя они совсем не боятся и не зарываются глубоко. В честь первой добычи даю тебе имя — Дырявые Руки!

— Это с чего вдруг дырявые-то?!

— Чтобы не сглазить и не дразнить злых духов.

— От обратного? Поня-атно! А можно мне пока другое имя взять, типа Пустой Желудок, или Усталые Ноги? Тоже от обратного?

— Не шути с именами, чужак, духи этого не любят. Я вижу в тебе великого будущего добытчика, хоть и не понял еще причину везения. Ты не из пришлых ли?

— Так, товарищ вождь... не знаю вашего собственного имени, давайте пока отложим обсуждать перспективы моей карьеры и перейдем к чему-то более сиюминутному. Во-первых, что еще надо, чтобы пройти через ваши земли во-он в ту сторону?

— В направлении Второй Челюсти? Зачем тебе туда, Дырявые Руки?

— Это не важно, Безымянный Вождь. Мне тут сказали, что надо найти этот ваш... крокот, и тогда меня пропустят. Подтверждаете обещание?

— Мое имя — Хрупкий Камыш, а обычная плата за проход составляет пять крокотов. Хочешь добыть их прямо сейчас?

Вот тут я задумался. Солнце к закату клонится как-то слишком уж быстро, народ со всего плеса сбежался, мешать будут. Хочется жрать, пить, спать — и высохнуть, самое главное, а то ведь плесенью скоро покроюсь!

— Такие вопросы, дорогой вождь, с кондачка не решаются, надо посоветоваться с товарищами... в смысле, у костра посидеть. С куском чего-нибудь вкусного. Если я реально супервезучий, то завтра с утра найду вам еще четыре клубня и распрощаемся.

Хрупкий Камыш с решениями не медлил — если тоже имя «от обратного», то хребтина у этого деда железная — кивнул толпе, и мною тут же занялись. Повели куда-то, забрали «картофелину», пытались взять хопеш, но я этой штукой махнул небрежно — отстали. Костер оказался жарким, как ему и положено, хоть и вонючим. Похоже, тут жгли весь мусор, способный гореть. И реально выменивали у «застенных» всякие разности — вряд ли на местных дам, скорее на эти самые крокоты. Большой котел над огнем, медную поварешку, еще какую-то посуду, которую тут не сделаешь. Старуха с грудями до пупа подала мне глиняную миску и острую палочку зачем-то. Улыбнулась почти кокетливо, оскалила беззубый рот, я в ответ изобразил гримасу вежливости. Присел на охапку сушеной травы, под лучами закатного солнца, понюхал пищу. Уха и даже не из лягушек. Большой кусок рыбы с белесыми ребрами, мелко нарубленные корешки, пахнетпряно, шикарно, аж слюна потекла. Хлебнул, для начала, бульона, а рыбой и прочими компонентами занялся чуть позже — вот и палочка пригодилась. Вокруг постепенно рассаживались местные: сплошь мужчины, перепачканные илом и грязью. Явно коллеги по крокотодобыче. Собственные миски схватили жадно, по-звериному, принялись тянуть бульон через край, на лицах тут же образовалось выражение счастливой пустоты. Ребята явно чего-то ждали, и «что-то» пришло.

Воздух сделался плотным, заполнил нос как вода. Испугаться бы, но первый вдох принят щекотать мне горло, будто перышками, по телу прошла истома, лица соседей сделались благостными, почти красивыми. Друзья и братья мои! Родные люди! Куда я, нахрен, собрался из этих кайфовых мест?!

— Тебе и не надо собираться, — ответил один из друзей и братьев, самый старей, седой, иссушенный, почтенный, уважаемый, внушающий бесконечное доверие. — Тебя никто не ждет за нашими землями, ты найдешь там лишь смерть и отчаяние. Здесь тепло, хорошо, всегда сытно. Отдохни до утра, отдохни, отдохни...

Кажется, меня несли — или сам летел. Окружающий мрак рассыпался цветными шариками, что-то шелкало, обдавало мозги щекоткой, потом я без паузы оказался в знакомой пустыне с ведрами. Пять моих белых и красное стоят в рядок, никакой уже ржавчины, но и Асши не видно. Только надписи на боках и отчетливое, неприятное шипение.

— А что это, блин? — спросил я глубокомысленно, слова увязли в плотном воздухе. Захотел подойти, но прозрачная преграда не пустила. Увидел, зато источник звука — дырку в глянцева стенке ведра, чуть ниже надписи «Здоровье», тонюсенькую струйку, мокрый бурый песок. Не вода оттуда льется, а кровь. Медленно, но верно.

— Асаш... в смысле, Асша, что за дела, вообще?! Я тут старался, иммунитет наращивал, меня шаманы лечили... как это закупорить?!

Ломанулся вперед, упал ничком на большую белую кость. Прямо под ребра мне ткнула, ухxxxxxxxxxxxxx...

...Снова боль, уже в реале. Не сильная, но глаза открылись.

— Вставайте, торчки поганые, хватит валяться! Промысел ждет!

Рядом кто-то заворчал, застонал, засопел. Открывать глаза не хотелось, но пришлось. Увидел плечистого крепыша с копьем, совсем не похожего на здешнюю братию. Ходит, пинает под ребра спящих добытчиков. Утро, кстати — еще не жарко, но очень светло. Это ж сколько я дрых?! Во рту, будто кошки нагадили, голова тяжелая, хочется пить, а еще...

крокота хочется. Аж слюна потекла, как представил цветастую картофелину — и аж в пот пробило, когда это понял. Даже на герыч, насколько я знаю, так быстро не подсаживаются!

— Плохо тебе? — угадал мои мысли один из собратьев, но истолковал неверно. — Ты не грусти, оно лишь по первости так. Сейчас вкусим благодати, жизнь наладится, водица теплая... не заметишь, как день пройдет! В обед еще куснуть разрешают, а на ночь, ты сам видел, уха роскошная, не меньше пяти крокотов на котел!

Судя по речи, этот дистрофик знавал и лучшие времена. Может, тоже какой-нибудь бывший римлянин, только без рабской отметки. Не нужны тут клейма. Отсюда и так никто не уходит.

— Живее, торчки, живее! Кто опоздает, останется без утреннего счастья! — крепыш с копьем завершил обход, возвращался теперь обратно, а унылые сборщики поднимались как зомби. Человек тридцать, не меньше. Соратников крепыша я насчитал с десятков — все незнакомые, здоровые, в чистых набедренных повязках, и наконечники копий у них из меди, или бронзы. Пришлая банда какая-то? Или реальные хозяева здешних мест, а долбаный Камыш им рабов поставляет?

— А ты чего развалился, мордатый?! Новенький, что ли?! Кишки тебе выбить, для лучшего понимания?! Опа! Кто увидел, тот забрал!

Последняя фраза тоже адресовалась мне — точнее, моему хопешу. Крепыш приблизился вразвалочку и даже нагибаться не стал, протянул руку. Похоже, мне пора вставать, защищать свою собственность и своё достоинство. Зря он так про «мордатого»!

— И чего ты тут пузо выставил?! — теперь крепыш-коротыш глядел на меня снизу вверх, но крепостью мышц и сейчас превосходил вдвое. Как и злобной решимостью во взгляде.

— Убить тебя медленно, или отдашь эту штуку и сдохнешь быстро? Считаю до трех, выбирай.

— Эта штука — моя!

Крепыш удивился настолько, что даже взгляд подобрел — до того, как древко копья зацепило меня под колено, а нога в мокасине саданула в живот. Спина ударилась о мягкую землю, копьё в чужих руках перевернулось острием книзу, нависло над моей грудиной.

— Нет, нет, не надо!!!

Истошный вопль, к счастью, вырвался не у меня — Камыш его издал, совершенно не старческим голосом. Копье продолжило целиться мне в район пупка, а вождь подбежал к одному из крепышей, принялся ему что-то доказывать. Тоже к вождю, наверное — или к «авторитету», если совсем «по понятиям». Тот послушал, махнул рукой, и колючая угроза надо мной висеть перестала.

— Кто увидел, тот забрал, — судя по тону владельца копья, здесь это было священной формулой. Вроде «деньги-есть-а-если-найду» у гопников прежнего моего мира. Руку он протягивать не стал, подобрал мой хопеш самостоятельно, а я, наконец, поднялся. Повторно. Побрел за всеми к воде. Десятки пришлых копейщиков расселись на бережку вполне хозяйски, местные, кто с «рыбным оружием» держались пока в стороне. Они тут типа полицаев, наверное, или лагерной охраны. «Авторитет» оглядел нас всех, заговорил негромко, но тишина наступила такая, что стало слышно каждого звенящего комара:

— Чего мусолить то? Как всегда, по десять крокотов с рыла, и мы уходим, а вы остаетесь смеяться. Кто не выполнит норму до вечера — повиснет вон там, сами знаете.

Указал рукой куда-то в сторону, толпа вздохнула — все и всё тут знали, действительно.

Может, виселица там, а может, колья, но всяко, не доска почета. Про меня «авторитет» почти забыл, но проклятый Камыш напомнил еще раз, забубнил ему что-то негромко. Расписал, не иначе, мои таланты и везение. Может, в банду к себе возьмут? В драке я не очень, но «базарю» гладко, а жаргон у местных пацанов от российского уголовного не особо и отличается.

Женщины, между тем, притащили завтрак: снова вареная рыба, уже без бульона, сушеные корешки, котелок с водой, дощечка с чем-то мелким, черным, вроде перца-горошка. Последнюю взял под контроль один из местных — тот, что с кинжалом — выдавал по горошине в одни руки, будто медбрат лекарство.

— Сильно болеешь? — взглянул на меня почти с сочувствием, когда подошла очередь. — Первый раз всегда тяжело, возьми два кусочка.

— Это сушеный крокот, что ли? Спасибо, одним обойдусь!

На ощупь «горошина» оказалась мягкой и пористой, чуть прижгла язык, а десны тут же онемели. Больная голова отозвалась предвкушением, желудок сжался, зубы сами попытались разжевать лекарство... да вот хренушки им! Глянул по сторонам и тихонько выплюнул эту штуку в ладонь. Не факт, что заставят сожрать, но могут — чтоб уж точно не дернулся никуда. Рыба сегодня показалась безвкусной, корешками я пренебрег, на всякий случай. Выпил побольше воды, хоть и тиной воняет. Другой всё равно нет. Глянул еще раз на счастливые лица коллег по сбору, вспомнил лотофагов из «Одиссеи». У Гомера там всё красиво: кушают люди лотос, предаются забвению, а в реале имеем вонючих нариков с подводной картошкой. Вместо девушек-сирен тут поющий спрут с мертвецами на куканах, орел собрался выклевывать печень не Прометею, а мне... так себе мифология, в общем! Слишком уж отличается от первоисточников!

— Нажрались, торчки?! — ускорил трапезу тот самый крепыш с моим тесаком. — Хватит рассиживаться, поднимаем задницы и пошли, пошли, пошли!

Он у них самый вредный, похоже. Вдобавок, разулся и тоже зашел в воду — ко мне поближе. Личный конвой? Офигеть, какая честь!

— Кто жует крокот, тот законченный наркот, — сказал я себе под нос и двинулся прочь от берега. Через пару шагов ступню пробило знакомым разрядом, пришлось нагибаться и выковыривать первый клубень. Десять с носа, говорите? А если я их за полчаса соберу? Неужто вернете хопеш и отпустите на все четыре стороны?

— Стой! — конвоир, похоже, бегать не привык, догонял меня сейчас с трудом. Будто кабан в болоте — такой же напористый, злой и вонючий.

— Покажи, что нашел!

— А ты как думаешь? — позволил я себе очередную дерзость, но удара в этот раз не последовало. Клубень на ладони крепыша показался мелкой сливой, тут же исчез в мешочке на его поясе.

— Плата за честь. Наши там боки греют, а я тут с тобой, в грязи!

— Э-э, уважаемый! Я вообще-то не просил...

— Тебя еще раз стукнуть? — пару секунд крепыш таранился исподлобья, а древко копья опасно раскачивалось взад-вперед. — Ладно, иди. Нам с тобой еще долго на промысел ходить, подружимся. Я добрый, если меня не злить. Стой! Кто увидел, тот забрал.

Толстый палец теперь нацелился мне в грудь — показалось, что на татуировку, но нет. На мокасины, переброшенные вокруг шеи.

— Вот зачем они тебе, объясни? Ты ж солидный воин, у тебя таких еще сотня будет, а

я...

— Кто увидел, тот забрал!

Похоже, аргументы тут не катят. Как с коллекторами Пашей и Лешей, не к ночи будь помянуты. «Что будут стоять тысячи слов, когда важна будет крепость руки?!» и далее по Цою.

Татуха, кстати, зачесалась — напомнила, что спорить с крепышом опасно, а может, что другое попыталась мне сказать. Например, что мы слишком далеко от берега. Слишком близко к земляному валу, отделяющему «внутренний» плес от «внешнего». Вал, определенно, рукотворный, выпирает из воды на метр, не выше, зато по верху вкопаны толстые колья. Остриями от нас. Дальше можно разглядеть с полкилометра — пару стадий — открытой воды, без камыша, а вот за ней уже серьезный берег. Похоже, там болото и заканчивается.

— Слушай, у тебя ведь сегодня удачный день? Тесак мой прибрал, обувь новая. Давай ты взамен расскажешь, что там, за этими кольями?

— Зачем тебе это? — удивился крепыш без агрессии, но это пока. У подобных людей глаза наливаются кровью за доли секунды, от любого «неправильного» слова.

— Кто перелезет туда, тот сдохнет, а тебе я и сам успею ноги переломать. Будешь крокоты искать ладошками, гы-гы!

Шутник, однако. Добрый злодей, с которым и правда, можно подружиться — при моей-то гибкости характера. Братъ с меня больше нечего, а кусочек волшебного клубня подарит ежедневный позитив... на оставшиеся дни. До Черной Луны и до когтей, разрывающих мне внутренности.

— Ладошками — это не наш метод! — сказал я бодро, приседая за очередной добычей.левой рукой извлек «картофелину», а правой цапнул донной грязи, побольше.

— Ноги ломать не надо и вообще — у меня к тебе деловое предложение!

Глава 9

Кого другого резкая смена темы насторожила бы, но только не этого бычка. Глядел на протянутый ему крокот, а вторую мою ладонь совершенно упустил из виду.

— Предложение, подкупающее своей новизной! — улыбнулся я дружелюбно, и жменя грязи плюхнула крепышу в лицо, с размаху. Почти как той «крысе» два дня назад. Бить людей ниже пояса не приучен, но тут нога сама управилась, врезала, а по башке противнику я добавил уже хопешем. Снова моим! В последний момент развернул плашмя, чтобы череп не раскроить — смерти вражина всё-таки не заслужил.

— Ну, вот, как-то так! — сообщил я телу, рухнувшему спиной на вал. Приподнял, пересадил головой повыше, чтобы не захлебнулся, попутно снял с шеи свои мокасины. Копье прихватил тоже — не бросать же такую роскошь!

— Кто увидел, тот забрал, не правда ли?! Не рой другому яму, сам упадешь! Не плюй в колодец, а кто к нам с мечом придет... у меня таких фишек много, зря ты со мной связался!

В голове и теле бешеная легкость, будто их гелием надули — адреналин кипит. Надо бежать, пока не перегорел. Тем более что ко мне уже мчатся: напарники крепыша издалека всё увидели.

— Кто не хочет по-плохому — по-хорошему выйдет хуже! — провозгласил я финальную истину, перебираясь через вал и колья. Не зацепился и одежду не порвал. Воды на той стороне оказалось по пояс. Свой путь я, на всякий случай, прощупывал древком копья, а

скорость развил такую, что даже крепьши удивились. Через пару минут услышал их вопли со стороны вала, негодующие, потом азартные. Оглянулся, чтобы увидеть второго участника гонки — того, что с разбитой башкой, кроме него никто на погоню не решился.

— Надо было тебя притопить на месте, — подумал я вслух, пока ноги пытались ускориться. Та еще задача, если снизу вязкий грунт и вода тормозит. Крепеш опять превратился в кабана, настигает, придется встретить его копьём. Кинуть издали, взять покрепче хопеш... в драке с опытным воином шансов мало, но как уж есть.

Люди на гребне вдруг завопили громче, взялись размахивать руками, указывать на что-то. На подводный бурун, несущийся прямо к нам. Скорость такая, что не убежишь, потому я сделал как раньше — оперся на древко копьё и замер.

В отличие от крепьши. Тот продолжил нестись со всей кабанячьей яростью, потому и привлек внимание целиком. Бурун изменил направление, налетел на бегущего — удар, фонтан воды, что-то корявое, буро-зеленое, с огромной пастью, человеческий вопль.

Очень короткий вопль.

Пару секунд в том месте кружились водовороты, потом затихли. Бурун потянулся прочь, уже без спешки.

— Кто увидел, тот забрал, — вырвалось у меня сквозь сжатые зубы и приступ тошноты. Не подготовлен современный человек к таким вот зрелищам! Даже поединки ММА не все готовы смотреть, а уж от старинных гладиаторских битв и средневековых казней обрыгалось бы абсолютное большинство!

Ладно, всё это лирика. Главный вопрос — насытился ли буруносоздатель сотней кило мускулатуры, или готов закусить еще и мной? Прочие крепьши, наконец, заткнулись, догонять меня дураков по-прежнему нет, но и сваливать не торопятся. Делают ставки, наверное. До берега мне метров двести, как раз половина пути, а вечно тут стоять, не выйдет.

Первые несколько шагов проделал с оглядкой, копьё держал поперек, потом чуть расслабился. Быстрее пошел, даже дно уже не прощупывал. Не может же всё тут кишеть такими тварями! Они же друг дружку сожрут, у них конкуренция, им простор нужен, а если...

Болото вдруг взорвалось. Что-то тугое, гибкое лупануло в грудь, опрокинулся, вода заполнила рот... ноги перехвачены... копьё уже нет, глаза не видят... махнул хопешем, но бестолку...

Невидимая сила подняла, наконец, дала вдохнуть. Сквозь грязь и тину на лице увидел прозрачные веревки, вроде щупалец — несколько штук сдавили ноги до бедер, другие прижали к телу руку с хопешем, обвили за пояс, держат над водой. Над глянцевым боком спрутомедузы — типа той, певучей, но гораздо меньше. Щелей для музыки не видно, зато имеется дырка с рядами мелких зубов по кругу, не эротичная, не эстетичная, вообще не привлекательная. Категорически не желаю в нее погружаться!

— Может, договоримся? — вырвалось не от страха даже, от безнадежности. Ну, не плакать же, блин!

— Ты пока на Поющего Бога не тянешь, зато я сам нормально пою! Совсем не фальшиво! Будем напарниками, подманю тебе свежее мясо, поделишься!

Прозрачное щупальце толщиной в палец скользнуло мне по лицу — липко и холодно, бр-р — попыталось залезть в рот, но тут уж я намертво стиснул зубы. Скользнуло по шее, за ворот, задело татуировку. Дернулось, вдруг и отлетело, будто укушенное.

Уи-и-и-м-м-м-м-м!!!

Ультразвук по ушам, боль и ярость, пути слегка ослабли — как раз, чтобы чиркнуть хопешем по тем, что снизу. Не самое острое лезвие, но хватило. Снова визг, снова в воду упал, зато никто уже меня не держит. Вскочил, заорал громче этой твари, замахал тесаком во все стороны. Лишнее всё — удалилась тварь. Расфрендилась, исключила меня из друзей и внесла в «черный список». Ну и ладно!

— А ты молодец! Орел! — сказал я татухе уже на берегу. После долгого-долгого бега по грудь в воде, когда бояться некогда, а новый впрыск адреналина несет как ракетное топливо, после барахтанья в прибрежной грязи, карабканья на четвереньках и прочих неромантичных деталей. Выбрался на сухое место, хотел упасть, но вспомнил, что нельзя — сердечко екнет. Так и стоял, пытаясь втягивать воздух, легкие превратились в сгусток страдания. Одежда и ноги в грязи, на щиколотках повисла пара сытенных пиявок. Зато живой! Опять! Не факт, что это нужно человечеству и даже Двипамарануму, но лично мне приятно!

Местность, кстати, тоже внушает оптимизм — хотя бы тем, что болото закончилось. Берег тянется на подъем, уходит в туманную дымку, но скальной стены с охраной не видно даже отсюда. Глубокая Пасть, однако! Почти как в немецкой порнушке с соответствующими названиями. Есть смысл пройтись, поискать обходные пути по суше, чтобы в воду не лезть.

Сперва только отдохну. Недолго совсем. лягу прямо на твердую, теплую глину, подставлюсь солнцу, закрою лицо руками. Минутку, две, три...

...Белый песок, обломки костей, знакомые ведра. Красное чуть в стороне, но это фигня — хорошо, что из «здоровья» больше не капает!

— Не прекращаешь удивлять, — приветствовал меня Асша и даже на ноги поднялся. Отсалютовал хопешем, начищенным до яростного блеска.

— Я ведь тебя, Саша-Шура, после той наркоты готовился в расход списать. Себя, естественно, тоже, но это мелочи, а вот твой любопытный путь прервался бы, не начавшись. Ты, кстати, редкостная скотина и конченный эгоист.

— Поясни!

— Ладно, про брата забыл, а как же мать родная?! Оба сына пропали в один день, никакой помощи, зато долги твои по кредитам достанутся ей целиком. Припрутся новые коллекторы, а защитить ее некому!

— Слушай, совесть ходячая, шел бы ты... погулять! Я сюда не просился, если ты в курсе! Мне бы домой хоть на крыльях, но я в душе не гребу, где тут выход!

Сжал кулаки, сделал шаг вперед, под ногами хрустнуло. Человеческий череп с раззявленным ртом. «Альтер эго» кивнул довольно:

— Вот таким ты мне нравишься! До сих пор болтун, но уже не прячешься за словами, когда нужно бить!

— Я?! Болтун?! Не видел ты местных шаманов и племенных вождей, а уж тот римлянин вообще... кстати, может, мне его имя взять? Вместо ника-кликухи? Тит... как его?

— Тит Клавдий Вар, старший сын сенатора Гая Квинтилия Вара. Звучит красиво, но не советую. Чужое имя — чужая судьба, а для римлян и греков это очень важно. Их судьбами правят их боги, все эти Марсы, Меркурии, Афродиты, вся эта школьная классика, которая в реале совсем не романтична. Мойры, ткущие полотно жизни, эринии-мстительницы... это Двипамаранум, здесь всё на самом деле. Любая легенда может ожить и сожрать тебя.

— Ладно, согласен. Удав!

— Это ты о чем?

— Это я про новое имя. Удальцов Александр Викторович, сокращенно — Удав. Не нравится?

— Терпимо. Лучше бы, конечно, Ленивец, или Слоупок, как тебя кликали в офисе... всё, молчу, молчу! Сегодня ты снова молодец и потому удостоился салютования оружием от своего «второго я», что не каждое «первое я» заслуживает! Победа над охранником была бескровной, в красное ведро ее не зальешь, но вот «удача» твоя теперь полна. «Здоровье» подрастерял, зато добавил в «силе» и «ловкости», а уж «ума» прибавилось вообще изрядно. За счет разнообразного опыта. Если так дальше пойдет, сможешь в один прекрасный день подойти к стене, и стража сама поможет тебе перебраться... впрочем, мы отвлеклись. Удав так Удав. Лишь бы не «имя от противного», как принято у твоих недавних корешей-наркоманов. Двигаться медленно, но если цапнуть, то насовсем... просыпайся, кстати! Сейчас тебя самого будут пробовать на вкус!..

...Снова свет в глаза, но уже реальный. Солнце в зените, одежда взмокла от пота, а может, еще не высохла. В паре метров от меня — в трех бемах, по-местному — замерла неведомая зверюшка, вроде хорька. Рыжая, длинная, с осмысленной, но неприятной с виду мордой. Принюхивается. Пиявки с моих ступней отвалились, из ранок насочилось кровушки — ее-то наш гость и учуял.

— Привет, — попытался я сказать, но горло совсем пересохло. Надо бы поискать воды, только не этой. Вообще, убраться куда-нибудь в тень. Татуха не чешется, значит, хорек не особо опасен.

— Если ты насчет покушать, то извиняй, у меня все части тела наперечет. Ты же хищник, не правда ли? Можем вместе пойти, будешь моим охотничьим зверем. Давай уже, поглажу.

Поднял руку, зверюшка вмиг отпрыгнула, зашипела. Клыки-иголки, но мне и таких не надо в собственном организме.

— Да ладно, чего психуешь?! Воля так воля! Я не тиран, у меня ни котов, ни собак не было, да и рыбки как-то не очень зажились.

Хотел подняться, но конечности ответили протестом. Подтвердили, что «добавил в силе и ловкости». Хорек зашипел еще раз, помчался прочь волнообразными скачками — такое чувство, что пообещал вернуться.

Я встал-таки, со второй попытки. Оценил еще раз себя и местность, завязал на ногах мокасины, подобрал хопеш. Жаль утерянного копья, ну да ладно. С новым чувством потрогал татуху — реально, друг и защитник. По крайней мере, сейчас, а там посмотрим.

Направление выбрал простейшее, параллельно болотам и морю, но очень скоро пришлось вносить коррективы. Суша делалась всё гористее, а через час-другой вообще прервалась скальным выступом. Вроде Челюсти, но меньше в разы — мне и такой хватило. Не карабкаться же на нее! Двинулся влево, параллельно скале, а болота и море остались сзади. Глинистая почва мало-помалу сменилась щебнистой, кое-где торчали кусты и отдельные деревца, но без всяких там райских яблочек. К сожалению. Покушать бы очень не мешало после эдакой траты энергии! И попить-таки! И помыться!

Две последние задачи решились довольно скоро: на ручей наткнулся. Широкий, холодный. Впереди, в туманной дымке прячутся очертания холмов, а может, и гор, но угрозы

поблизости не видно, потому рискнул — разделся и прыгнул в воду. Лег поперек потока, пару секунд матерился в голос, потом принялся отскребать себя чистым донным песком. Выскочил, стуча зубами, простирнул, наконец, одежды, устроился с ними вместе на солнышке.

Уф-ф, хорошо! Только холодно!

Оценил себя, пока есть время: всё еще пузатик, но более собранный, тугой. Колени сделались мосластыми, над животом проявились ребра — слой жирка, показанный Асшей, идет на убыль. О мышечных буграх речи нет, но руки крепкие, даже самому себе внушаю страх. Надеюсь, всем окружающим тоже. Удав без страха — как новогодняя елка без гирлянды.

Плохо, что время не остановишь, ни мускулами, ни «прокачкой». Солнце ползет к зениту, а я вот к цели так и не приблизился. Отдалился даже. Неизвестно, где кончится эта скала, и совсем не факт, что получится ее перевалить хоть где-нибудь. Может, обратно в болото придется лезть — на радость тварям плавучим, щупальценосным и двуногим тоже!

Мысли прибавили энергии, поднялся. Натянул всё мокрое — по дороге высохнет — зашагал дальше. Окружающая действительность оценила мои старания и дала провожатого — давешнего хорька, или его собрата, с не менее наглой мордой. Приближаться зверюшка не стала, рысила сзади, на все мои попытки установить контакт скалила зубы вовсе не улыбочиво. Периодически издавала свист на высокой ноте, который мне сразу не понравился, а причину я понял чуть позже — когда вторую зверюшку увидел. Третью, четвертую, пятую. Они, оказывается, стайные как волки. Нападать и сейчас не рискуют, но само это колыхание гибких тушек начало раздражать.

Отвлекусь, подумаю о другом. О матери, например — долбаный Асша разбередил-таки совесть, теперь не усыпишь. Как так вышло, что про двух своих самых близких людей я вспомнил, от силы, два раза за все эти сутки? Не считая отца, которого вовсе не вспоминаю? Оно понятно, что собственных проблем полно, причем как раз из-за Вадима с батей — но мать есть мать! Сколько там осталось железа в этой леди, совсем уже не юной? На сколько хватит ее теперь, в одиночестве, с грузом моих кредитов для полного счастья?

Ладно, всё это эмоции. Свалить отсюда через тайный портал не получится, а если слишком много думать, то прозеваешь что-нибудь важное. Будешь потом лежать как вон тот чувак — в виде скелета среди камней. Чуть дальше видно еще один и ещё, вразброс. Совсем негостеприимно выглядят. Скалы здесь подступают с обеих сторон, щебнистая равнина сжалась в тропу, а впереди... стена, однако! Та самая, «межлефельная». Наконец-то. Вверху, как положено, башенки, вон и лучник стоит, присматривается. Думаю, скучно им в этом безлюдье — могут турнир по стрельбе устроить вовсе без повода. Сверну-ка в сторону, благо, там тоже тропа.

Сказано-сделано. Здесь пошла совсем теснота, зато людей не видно, а хорьки пока не в счет. Весь десяток, увязавшийся за мной. Бегут, скалят зубы, посвистывают, не сближаются. На пробу, запустил по ним булыжником, но увернулись. Шустрые твари. Вон еще добавилась парочка, и там один застыл, наблюдает. Пока опасности не усматриваю — и татуха моя так же думает — но скоро ведь ночь. Силы зла будут властвовать безраздельно, как сказал бы сэр Конан Дойл. Если вся эта гоп-компания не отвяжется, поймею проблемы размером со скалу.

— Глупые вы! — сообщил я хорькам, чтобы веселее шагалось. — Думаете, вы на меня охотитесь?! Да хрен-то там, это я вас заманиваю! Дальше будет тупик, бежать вам некуда, а я

как накинусь, как обдери пушнину, как полетят клочки по закоулочкам!

Ощущение, что они меня поняли — отстали вдруг. Сидели теперь свистящей толпой, наблюдали, как я углубляюсь в ущелье. Впереди не тупик, но камней навалило, придется протискиваться, рядом лежит что-то бурое, неприятное даже с виду. Снова покойник, только практически свежий! Мертвый труп убитого человека, как пишут в полицейских протоколах. Что-то я зачистил сегодня с цитатами и с черным юмором — оптимизма себе пытаюсь добавить?

— Ну, и кто тебя так? — спросил у лежащего, но тот оказался не разговорчивей моей татуировки. Надеюсь, хоть не умеет оживать и кусаться как она. Лицо опухшее, синюшное, запах еще не пошел, но уже на старте. Одежда у неудачника, кстати, качественная, ближе к моей — не иначе, из-за стены пришел. Ран не видно, башка не разможена. Если камнем убил, то...

Я шагнул, и в уши ударило шквалом — навстречу мне бросилось чудище с раскрытой пастью.

Глава 10

«Иииииииииииишшшшшшшшшшшш!!! Уходи ненавижу убью уходи!!!»

Бешеный взрыв ярости, удар, разинутая пасть перед лицом и снова взрыв, каленой иглой.

Вдруг, понял, что сижу на земле — свалился и не заметил — а чудище рвется ко мне и никак не может достать. Агрессивное, жуткое, ужасное, но... мелкое какое-то. С руку мою длиной, от силы. Вдобавок, нелепое, будто его по обкурке придумали: змея с несоразмерно-большой головой, вся в белом пуху, с прозрачными драконьими крыльшками. Несоразмерно-маленькими, опять же. Крыльшки трепещут, пух развевается, пасть ощерена, визг и шипение бьют по ушам, а голос... голос рождается прямо в моем мозгу, похоже. Беспольный, пронзительный.

Что интересно — татуха по-прежнему молчит.

— Расслабься уже, — сказал я ровно, как и надо общаться с разного рода психами. — Я на тебя не кидаюсь, а ты чего?

«Поганый ловец ненавижу убийца всех ненавижу!!! Не возьмешь ты меня!».

Последняя фраза прозвучала почти спокойно. Всё тем же голосом, который перепонки не улавливают, но слышит мозг. Ответил я снова без всякой телепатии, так оно привычнее:

— Два вопроса, прежде чем продолжим ругаться. Во-первых, чего ты на меня кинулась, если я тебя не трогал, а во-вторых — что такое «поганый ловец»? Переведи дыхание и давай, без шума.

Хопеш под рукой, махнуть успею, но жалко эту нелепую рептилию. Ей, похоже, хвост камнями прижало, всё равно не дотянется, а мне хоть с кем-нибудь пообщаться.

«Я не кинулась, а кинулся. Я мужчина!».

— Да? Ну, так это меняет всё дело. Можно вызвать тебя на поединок, можно руки пожать и выпить по-дружески. Хотя, с руками у тебя проблемы, да и с прочим... кто ты, вообще, такой? Дракон в мохнатом исполнении? Мелкая действующая модель?

Не факт, что крылатая штука меня поняла, но внезапно успокоилась. Опустилась на камни, свернулась «книжкой», в готовности к новому броску, нелепые крылья тоже перестали трепетать.

«Я фиссаш из верхов, достойный своего рода. Ты поганый ловец, но тебе меня не взять».

— Та-ак, опять начинается! Я не ловец, я просто мимо крокодил... проходил, в смысле. Я не знаю, что такое «фиссащ» и «вурхи», не знаю, на кой тебе эти крылышки нелетучие, я вообще сейчас уйду и оставлю тебя шипеть дальше. Нормальный вариант?

«Всякому вурху отмерено своё время, тебе меня не напугать! Я предпочту умереть свободным, чем оказаться в клетке ловцов!».

— Ладно, сам захотел, — подытожил я с облегчением даже. Убивать эту меховую дурь особо не за что, но и спасать желания нет. Свалю с чистой совестью. Поднялся, оценил пространство между стеной и змейкой, начал протискиваться.

«Ты правда, не из ловцов? — прозвучало в мозгу растерянно, когда удалился от завала метров на несколько. — Откуда же знал, что я здесь, что придавлен, что убил твоего предшественника и теперь на меня можно охотиться?».

— Вот ты зануда, а! Эгоцентрист, не побоюсь этого слова! Весь мир только ради тебя и пляшет, мечтает поймать мохнатую змею-мутанта с телепатическими способностями! Просто так здесь люди вообще не ходят!

«Эта тропа ведет к селению горных куропадок, с ними у нас союз. Ты пришел с другой стороны, как и этот ловец. С той стороны всегда приходит враг, коварный и подлый, готовый шептать любые слова, лишь бы войти в доверие!».

Я вздохнул и остановился. Легко убивать бессловесных рептилий, чего уж там, и гораздо труднее оставить на смерть существо со столь богатым словарным запасом. Даже если в реале оно изъясняется проще, а все эти изыски дорабатывает мой мозг. Конвертирует для меня, ага.

— Какие гарантии, что ты меня не цапнешь, если освобожу?

«Укусить своего спасителя? Но зачем?!».

Опять удивление, искреннее. Змеям верят только дураки, но я сегодня и так слишком умный был, надо создать баланс. Вернулся и с неприятнейшим чувством взялся за каменюку. Тяжелая, блин! Пришлось использовать вместо рычага хопеш. Со второй попытки приподнял, и хвост освободился из плена. Существо проворно шмыгнуло в сторону, снова заняло оборонительную позицию. Вот идиотина!

— Вместо благодарности ответь-ка на вопрос: что в тебе ценного, всё-таки?

«Я читаю мысли, ты разве не понял?! Отличная игрушка для людей, мечтающих о власти. Я умен и ловок, мой яд убивает врагов наповал, а когда окрепнут крылья, ничто не сможет меня остановить!».

— Еще и скромный, судя по всему. Главное твое достоинство. А что там про крылышки... ты недоразвитый, что ли? Детеныш?

«Я очень молодой мужчина! Пусть я покинул яйцо всего две трамы назад, но каждый вурх наследует память предков и сразу живет самостоятельно!».

— Шикарно, молодой мужчина. А твои мама и папа, э-э... тоже где-то здесь?

«Не знаю, — бесполоый голос в моей голове стал ощутимо грустным. — Наши матери охраняют отложенное яйцо лишь до нашего рождения, а потом мы не сможем даже узнать их. Великий древний народ вурхов, вечные странники, вечные одиночки!».

— Ты давай, не вгоняй меня в грусть! Я тоже, знаешь ли, странник, потому ухожу себе странствовать дальше, а ты и сам не пропадешь. Память предков, крылышки, всё такое.

Зашагал по ущелью прочь, но тут же услышал шелестящий треск. Обернулся — чтобы увидеть несущуюся за мной меховую нелепицу. Тело длинное, тянет книзу, крылья трепещут с бешеной скоростью, но сил маловато. Не долетев, существо приземлилось, подняло

верхнюю часть тела, будто кобра.

— И что это было сейчас?!

«Теперь я действительно верю, что ты не ловец, потому что совсем не знаешь наших обычаев. Вурхи обязаны отблагодарить своего спасителя, и я буду с тобой, пока не исполню свой долг!».

— И зачем ты мне, такой красивый? Самому жрать нечего, дополнительного питомца не потяну. Тем более — ребенка. Тем более — заносчивого как взрослая анаконда. Давай уж сам как-нибудь.

Про анаконду змееныш вряд ли понял, но общий смысл уловил. В моем мозгу полыхнуло, будто разрядом тока, чужую обиду и ярость увидел еще до того, как пришли слова.

«Что мне делать?! Долг чести, останется в памяти, все потомки узнают! Как мне быть?! Как?!».

— Блин, ну ты прямо самурай! Счастье в служении, да? О, придумал, ползи-ка ближе. Меча у меня нет, только эта штука... да не бойся.

«Я не боюсь! Если ты хочешь отсечь мне голову в уплату долга...».

— Чушь не пори, — ответил я, стараясь не ухмыляться, коснулся хопешем бело-коричневого пушистого тельца. — Я, Удав Из Иных Миров, Вроддомерожденный, освобождаю тебя... как там тебя зовут?

«Фиссаш из вурхов».

— Освобождаю тебя, Фиссаш, от вассальной клятвы и верности долгу передо мной! Ползи на все четыре стороны и живи как знаешь! Аминь!

Не факт, что змееныш хоть что-то понял, но хватило и общего смысла. Свернулся кольцом, показался вдруг вовсе мелким, совсем несуразным.

«Это всё? Ну, что ж...».

— Вот только кусаться не надо, будет перебор. Бывай, не кашляй!

Грустно мне стало практически сразу. Единственный собеседник в этой пустоши, а я его сам послал, но иначе никак — реально, детеныш еще. Не щенок, не котенок, ядовитая хрень с болезненным самолюбием. Вдобавок, мысли читать умеет! Пригрей, блин, такое на груди!

Между тем, всё сильнее хотелось есть. Даже на жаре, которая аппетит снижает. После утренней трапезы у «крокотников» прошло уже часов пять, в желудке булькает одна водица, тропа уводит всё выше и выше. Что там змеюка вещала про «горных куропадок»? У них меж собой союз, но меня это не касается — лишь бы эти птицы не слишком высоко летали. Попробую хоть камнем докинуть.

Подъем, наконец, закончился. Перевал, однако. Шикарный вид с высоты на Пасть. Прямо по курсу — всё те же болота, до самого моря, зато левее, ближе к Челюсти Номер Два, пейзаж заметно меняется. По прямой до нее километров двадцать — при хорошем раскладе дошел бы за пару часов, но в реале придется умножить на три. Как минимум. Солнце еще в зените, к закату даже не сдвинулось. Есть шансы закончить Великий Поход уже сегодня и улететь белым лебедем за наградой к шаману.

А сперва всё равно поесть. Спуститься уже с горы, найти хоть что-то питательное: корешки, колосья, плоды какие-нибудь. Гнезда птиц, норы хомячков! Что там жрут в

приключенческих фильмах и книжках бравые «выживальщики»?! Я бы сейчас и змею оприходовал, только не говорящую, а нормальную!

Огляделся вокруг и заметил очередную тропу, ведущую куда-то в сторону. На скале рядом с ней небольшой рисунок, издали не заметишь: серая птица, вроде курицы, что наводит на размышления. Если «горные куропатки» — это очередное племя, то и охотиться с камнями не придется. Передать привет от змеюки, сослаться на мир-дружбу-жвачку. В крайнем случае, отработать — вдруг моя везучесть и здесь чем-нибудь поможет. Полное ведро ее, всё-таки!

С перевала к тропе спустился легко, будто тонну веса уже потерял. Может, так и есть. Присмотрелся к рисованной птице, принюхался. Тянет дымком, горелым мясом, пищей, но это всё мелочи.

Чем-то еще несет. Знакомым и неприятным. Татуировка вдруг начала зудеться, пока еще тихо. Знак, что не надо мне по тропе, или наоборот — пора туда топать в бешеном темпе?

Выбрал второе, с голодухи. Прошел по карнизу над обрывом, впереди открылась маленькая долина и селение в ней: десятка три домишек из дикого камня. По центру курится дымок, но пищей уже совсем не тянет. Тот, другой запах гораздо сильнее. Тишина, ослепительное солнце, ярко-синее небо.

Людей только не видать. Может, спрятались в засаду и ждут меня с копьями, но сейчас даже эта возможность не напрягла. Приготовил хопещ, чтобы видели издали, спустился по крутоватой тропе, заглянул осторожно в первую хижину. Окно без стекла, разумеется. Было затянато тряпкой, но сейчас от нее остались рваные ленты — как и от полога на входе. Вонь окончательно залепила нос, кровавая, тухлая, смешалась с низким гудением.

— Епта, — выдохнул я, и черный ковер внутри хижины ожил, поднялся в воздух мушиной стаей. Закружился над кусками тел, разбросанных там и сям.

Похоже, в гости меня тут не ждут. Простите уж за черный юмор. Неделю назад от такого зрелища обрыгался бы, а сейчас продолжил идти, будто герой ужастика, желающий всё узнать до конца. В каждом кино есть такой персонаж-идиот. Лезет в пристанище зомби, в заброшенный подвал, еще куда-нибудь.

Трупы повсюду, растерзанные, изуродованные. Женское тело застряло в очаге, до сих пор тлеет, кровь уже стала бурой, но не везде засохла. Тот, кто всё это сделал — он рядом где-то!

Новый звук, на грани слышимости — скулеж. Из ближайшей хижины. Жалкий, совсем не агрессивный, но тесак я взял двумя руками, для верности. Перешагнул через труп мужчины с копьем, заглянул и сразу увидел глаза, наполненные ужасом. Ребенок. Девчонка лет пяти. Забилась между стеной и «столом» из булыжников, пытается сдержаться, но рыдания лезут наружу.

— Привет, — сказал я не к месту, но другое в голову не пришло. Никогда не умел общаться с детьми. Даже младший брат не научил.

— Ты чего тут, а? Я не страшный, я просто...

Её глаза вдруг расширились — за миг до того, как я сам услышал.

Рычание. Низкое, булькающее, ленивое даже — но у меня от этого звука волосы дыбом встали. Шагнул вперед, опустился на корточки рядом с девчонкой, зажал ей рот, чтобы не завопила в голос.

Нельзя сейчас вопить.

За разорванным пологом и стенами дальних хижин поднялось вдруг что-то громадное,

буро-желтое. Тигров я видел и раньше, но этот на них не похож: больше любого раза в два, без полосок, зато с громадными клыками-саблями наружу. Оживший кошмар первобытного человека, дошедший к нам с генной памятью. Вышел на солнце, потянулся лениво, лобастая голова поднялась вдруг. Принюхался, снова зарокотал.

— Ты только молчи сейчас, — шепнул я девчонке, рука, зажимающая ей рот, стала мокрой от пота. — Давай я тебя отпущу, но ты будешь молчать, ага? Дядя возьмет оружие, дядя защитник, дядя воин, только молчи...

Она не ответила — парализована страхом, похоже. Я бы в других обстоятельствах сам притух, но наличие женщин и детей мобилизует. Не получится отсидеться. Зверь нас точно почуял, походка сделалась плавной, текучей, прямо к нам. В узкую дверь ему сразу не прорваться, тут у меня хороший шанс — если первым ударом ощутимо покалечу. Второго может и не быть.

Умр-р-р-р-р-р! Уао-о-о-онг!!!

Рык стегнул по ушам, зверюга присела, задвигала задницей — прыгнет, похоже. Прямо в дверной проем. Расставить устойчиво ноги, замахнуться...

Что-то мелкое, быстрое мелькнуло в воздухе, упало на тигра сверху — змеюшка с крыльями. Визгливая трель впилась мне в мозг, а саблезубый от нее подпрыгнул даже, припал к земле, заревел опять. Махнул когтистой лапой, но вурх увернулся, трель стала громче, совсем невыносимой. Попятился зверь. Рыкнул еще разок и стремительно припустил на выход из селения — к той тропе, откуда я сам пришел.

— Охренеть! Это он сытый, наверное... хотя я сам от таких рулад свалил бы, куда подальше!

«Ты недоволен моим появлением? Я что-то сделал неправильно?!».

— Да всё нормально... как там тебя? Фиссаш из вурхов, во! Ты меня спас, и не только меня, потому теперь уж вообще ничего не должен. Даже наоборот.

«Теперь ты сам будешь следовать за мной, и возвращать свой долг?».

— Ну, так уж не перегибай! Теперь мы просто, две вольных личности... даже три. Не знаю, что делать с этим ребенком, но точно не брошу, она не выживет.

«За перевалом обитает еще одно племя, там много женщин-воинов и правит ими тоже женщина. Можно оставить им этого детеныша».

— Хорошая идея, а уж много женщин — вообще шикарно! Знаешь туда дорогу?

«Из памяти предков. У вурхов нет союза с этим племенем, и я не хочу встречаться, но готов показать».

— Годится. Как тебя зовут?

Последнюю фразу адресовал, конечно, девочке. Застывшему взгляду светлых глаз на чумазом лице. Абсолютный шок, насколько я понимаю, но сейчас оно к лучшему — может, мозги уцелеют после всей этой бойни. Не истерит, не рвется искать родителей, послушна как механическая кукла. На мой вопрос только хлопнула глазами и промолчала.

— Ладно, будешь пока просто Девочка. Сейчас мы очень быстро уйдем, пока тот зверь не вернулся, а дальше всё будет хорошо. Есть отсюда другие дороги, Фиссаш? Кроме той, куда сбежала наша кыса?

«Я проведу вас опасной тропой, гдегодились бы крылья как у меня. Сам ее прежде не видел, но знаю...».

— Из памяти предков, понятно! Крылья у нас отпали в ходе эволюции, обратно уже не вырастут. Ребенок там пройдет?

«Сейчас она ничего не боится. Главное, сам не испугайся».

— Так, вот это уже обидно сказал! Если я без крыльев, то можно вытрепываться теперь?! Рожденный ползать, летать не может — слышал такую фразу? Она, вообще, про змей, а твоей породе просто-напросто повезло!

Опять говорил всё подряд, лишь бы голову забить. Отвлечься от окружающего кошмара. Вурха русская классика не впечатлила — зашипел с несомненной иронией и полетел вперед, над кровищей и трупами. Хорошо ему! Нам, бескрылым, пришлось шагать напрямик. Не понять уже, сколько тут было народу, но живыми больше не пахнет.

— Зачем он их всех порвал, как думаешь? Хищники так не делают, им свежак нужен.

«Он безумен. У каждого зверя есть мысли, а тут я услышал лишь голодную пустоту и ярость. Желание убивать».

— Оборотень, что ли? Жаль, серебряной пули у меня нет, придется ускориться. Кстати, поесть бы не мешало. Во мне самом голодная пустота, скоро такие же клычищи вырастут!

Спохватился, глянул на Девочку — идет равнодушно, будто не слышит. Надо язык на привязи держать! Дошучусь когда-нибудь!

«Здесь много живности, я могу добыть, если хочешь».

— И она будет с ядом твоим? Сомневаюсь, что это хорошая идея.

Фиссаш замолчал надолго. Ощущение, что обиделся. Беда, блин, с этими малолетками!

Глава 11

Еду я, в итоге, добыл самостоятельно. Вышли к очередному ручью, настолько кишашему рыбой, что получилось проткнуть ее даже тяжелым хопешем в неловких руках. Вытащил что-то, вроде форели, отрубил голову, а для вспарывания брюха мое оружие оказалось туповато. Не говоря о том, что готовить здесь не на чем — розжиг огня без спичек я видел только в роликах «выживальщиков», опять же. Для полной очистки совести постукал камнем о камень над пучком сухой травы, искра не вылетела, да и ладно.

— Дым опасен, он нас демаскирует! — сказал я, как мог, убедительно, спохватился, что Девочка шутку не поймет, а летучему змею огонь вообще не нужен. — Японская кухня, суши, роллы...

Да, стендап-комик из меня никакой. Как и повар. Рыба без соли показалась так себе, но голодный желудок обрадовался и ей. Девчонка от своей порции отказалась вовсе, Фиссаш нырнул в ручей и вытащил что-то мелкое, трепыхающееся. Принялся заглатывать.

— Слушай, ты не совсем змея, конечно, но тоже ведь будешь лежать теперь? Дремать, переваривать?

«Это недолго, двуногий. Солнце еще не закатится, а я уже буду готов».

— Шикарный вариант. Жаль, что у меня даже этого времени нет, а надо еще искать дорогу к твоим амазонкам. Сам ведь не отыщу?

«Память предков подсказывает, что путь к тому племени труден и опасен».

— Так и думал. Сколько ты весишь, вместе с проглоченной рыбой? Не отвечай, сейчас узнаем. Экспериментальным, так сказать, методом...

Не думал, что придется в этой жизни носить змей, но всё бывает впервые. Вурх на моей шее освоился моментально, обвис по обе стороны, под рубашкой зачесался орел-татуха. Взревновал, похоже. Двум хищникам на одном туловище места мало. Лишь бы не клюнул — а то ведь змеюка в ответ ударит!

«Мы долго перевариваем пищу, зато и редко в ней нуждаемся. Очень быстро растем,

набираемся сил, становимся всё опаснее!»).

— Ну, спасибо, приободрил ты меня! Когда-нибудь цапнешь и заглотишь как эту рыбку! «Тебя? Зачем мне кусать и заглатывать своего спасителя?».

Такой вот конструктивный диалог — я и мысли в моей голове. Может, вообще всё это кажется, и телепатии нет, а «Фиссаш из вурхов» — простая змеюка, хоть и летучая?! Повисит сейчас, приглядится да и укусит?!

«Не думай о глупостях, человек! Впереди настоящая угроза, слушай меня сейчас внимательно!».

Орел зачесался сильнее, мы вышли с тропы к обрыву, остановились. Пропась, висячий мостик, густая тень ущелья на той стороне. Ощущение взгляда, готового меня проткнуть.

«Здесь начинается территория того племени, но не торопись. Положи оружие и выйди на открытое место».

— С чего бы это? Я в плен сдаваться не собираюсь!

Тень на той стороне шевельнулась, от нее отделилась фигура, высокая и тонкая, будто манекен в магазине.

— Стойте там, где стоите! Сунетесь на мост — получите стрелу! Кто такие?!

Голос женский, но грубый и хриплый. Прокуренный, как сказали бы в мое время. Внешность тоже такая себе, даже отсюда видно. Женщины-воины смотрятся эротично только на постерах Бориса Вальеджо — в реале имеем широкие плечи, большие ладони и щрам от уха до подбородка. Одета во что-то темное, облегающее, на поясе меч, за спиной колчан, в руках — длинный лук с наложенной стрелой.

— Мне повторить вопрос?!

— Странники мы, что тут непонятного?! Девочка из племени «горных куропаток», все ее близкие погибли, а мы с этой чудной змейкой просто сопровождаем! Ищем храбрых воительниц, готовых принять ребенка!

— Зачем нам ребенок?! Зачем змея?! Зачем вонючий мужик?!

— Так, давай-ка без оскорблений, а то ведь я тоже могу! Мы с моим другом к вам не напрашиваемся, а девчонку ты возьмешь! Будет вам еще одна воительница! Иди, малышка, не слушай тетю. Тетя не злая, просто страшная.

Последнюю фразу сказал негромко, но за мостом меня услышали. Щелкнуло, взвилась стрела, стукнула в камень перед моей ступней.

— Ты хотел оскорбить меня, но твои слова звучат наградой, кобель! Очень многим мужчинам я выпустила кишки и отрезала яйца, очень многие плакали, моля о пощаде! Хочешь еще стрелу?!

— Спасибо, себе оставь! Девчонку не обижай, а то твоя повелительница тебе голову оторвет!

Угадал, похоже. Черный манекен опустил, наконец, оружие, глядел на ребенка, идущего по мосту.

— Она мне не просто повелительница, она... но слишком добросердечная, ты прав! Принимает вонючих мужиков, когда им плохо, потом они остаются! Все вы подлые, пакостные вруны!

— Не преувеличивай! Лучше скажи, кто там у вас пришел и остался за последнее время?! Может, молоденький такой, с татуировками?!

— Это не важно! — голос Манекена снова окреп, лук поднялся в моем направлении. — У тебя и твоей змеи так не выйдет, уж я позабочусь!

— Да не особо и хотелось! Озлобленная мужененавистница с лесбийскими наклонностями, сборище ходячих комплексов, — последнюю фразу я произнес негромко, чтобы вторую стрелу не выпросить. Девочка уже за мостом, совесть моя спокойна.

Уходим.

На равнину выбрались ближе к вечеру. Фиссаш всё висел на шее, подсказывал, я не возражал и шагал себе. Тащил этот навигатор с функциями «умной колонки». Заодно узнавал любопытные вещи из жизни вурхов: вырастать сии змейки могут до трех метров — четырех бем, по-местному — а живут почти сотню лет. Холоднокровные, но покрыты мехом, так что не очень подвержены внешней температуре. Телепаты, но не могут сканировать местность дальше собственного взгляда, потому не «слышат» даже своих сородичей, а живут друг от друга слишком далеко. Не знаю, зачем мне вся эта информация, но шагать под «колонку» легче.

«Там, впереди, плохие люди, — сообщил Фиссаш, когда Челюсть Номер Два нависла серой громадой. — Вурхи ничего о них не знают, но несколько наших сгинули там. Злые силы моря. Ты уверен, что хочешь следовать дальше?»

— Я уверен, что хочу домой, в далекие-предалекие края. Личная хата, где меня абсолютно никто не хочет сожрать, мягкий диван, холодное пиво, горячий душ. Вот нахрена бы мне все эти приключения?!

Вряд ли вурх меня понял, даже если вытащил из моей памяти зрительные образы, но самому мне полегчало. Прошелся до конца тропы, глянул из-за камня на селение «очень плохих людей». Очередная пустошь, только не болотистая, а сухая, до самого моря, очередные хижины, костер, гологрудые женщины с голозадыми детишками. Если когда-нибудь вернусь в свою эпоху, то фильмы «National Geographic» про Африку с Азией смотреть не буду — даже под угрозой расстрела! Ладно, сейчас другое важнее: тот самый храм из гигантских костей, установленных «шалашом». В храме хранится Зуб Отца Тверди, сегодня я туда залезу и стырю его, любой ценой.

Где у них, кстати, мужчины? На охоте, на рыбалке, еще на каком-нибудь промысле? Прислуживают «злым силам моря»? К ночи, сто пудов, вернутся, а потому не буду я ждать темноты, рискну сейчас.

От камней до селения пришлось ползти. Естественно, по-пластунски. В моем прошлом имелся такой бэкграунд, как армейская служба: год «срочки» в мотострелковых частях, где воевать не научили, но некоторые умения привили намертво. Преодолею метров двести, Фиссаш, наконец, стал мобильным, скользил серой лентой рядом, даже с тесаком в движении я управлялся ловко. Полежал в лучах закатного солнца, понаблюдал за очередным жрецом — никем другим этот тип в балахоне быть не мог. Жрец бродил вокруг храма, разбрасывал что-то, дети и женщины на заднем плане возились у костра, мужики по-прежнему отсутствовали. На меня наваливалась чесотка. От нервов, наверное. Мышцы начали затекать, еще немного и Кража Века будет под угрозой.

Пора!

Жрец как раз удалился к своим сородичам, других возле храма не видно.

— Лежи пока здесь, — велел я Фиссашу и сорвался с места похлеще спринтера. Это мне так показалось. Ноги вмиг стали ватными, легкие заболели — да пофигу! Добежал и укрылся за стоячей костью шириной с меня самого. Протиснулся между ней и соседней, пошел на полусогнутых к центральному сооружению. Алтарь, определенно: каменная статуя

неизвестного существа, возложившего ногу-ласту на каменный же шар. Вытесано грубо, возлагатель ласты похож на помесь рыбы с раком, но пучеглазая морда выглядит торжествующей даже в таком исполнении. Шар, кстати, тоже непрост — можно вынуть его из-под рыборачьей конечности и разделить по шву. Наверняка, шкатулка для заветного артефакта.

— Ну, готовься, орелик! — шепнул я татуировке, припомнил слова, потянул каменюку к себе.

Дзынь! Не сирена, не гром — колокольчик, но как-то сразу понятно, что сигнализация. Люди возле костра оглянулись, жрец поднял руки, а потом... оживилось вдруг всё. Реально, земля задвигалась вокруг храма, начала выпускать из себя сутулые серые фигуры.

— Ой, блин! — огорчился я уже в полный голос и дернул сильнее. Шар, наконец, поддался, выкатился, только раззять его по шву не получилось — секретка какая-то. Фигуры бредут ко мне, ждать некогда.

— Не развалишься от лишних десяти кило! — сказал я опять татухе-птице, закрыл глаза, припомнил надпись. — КУКХРА БАУПХА БДЫПТ!

Секундная пауза — и тишина. Даже зуда не чувствую — это мне, типа, вообще ничего не грозит?! Да ладно!

— Погоди-погоди, сейчас... КУХКРА БАПУХА БДЫПТ! Нет?! Может — КРУКХ БАУПХА ДБЫПТ?! Чего ж тебе надо, падла крылатая?!

Это я уже от отчаяния. Серые силуэты протиснулись между костями-колоннами, распрямились, мне от их вида захотелось орать. Вроде бы люди, но тут и там блестит чешуя, а у некоторых вместо рук то клешня, то щупальце. Пучеглазые лица, будто от «базедовой болезни», серая кожа, даже с виду липкая.

— Да что ж вы страшные такие, а?! Где, блин, эстетика, где пропорции, где «золотое сечение» и природная грация?! Нахрен пошли, уроды!

Замахнулся хопешем, но опустить не смог — серая масса ринулась отовсюду сразу, навалилась, сдавила. Будто реально жабы, только весом с меня самого. Холод, слизь, терпкий запах, совсем не человеческий. Потащили, подняли, привязали руки к очередной кости, которая вместо поперечной балки.

Вот теперь, похоже, совсем пипец.

Жрец появился позже, когда вся эта стая вытекла наружу. Человек в балахоне из чьей-то шкуры, абсолютно лысый, с татуированной по всему лицу «чешуей». Образина, короче. Зубы мелкие, смахивают на рыбы, зато глаза вполне людские и взгляд очень цепкий. Не торжествующий даже — сочувствующий.

— Ты трижды глупец, воришка, — сказал он самым обыкновенным голосом, без завываний и упыриных причмокиваний. — В первый раз, потому что поверил криворукому Пхе и согласился на него работать. Второй — потому что залез в наш храм и пытался осквернить его. В третий — потому что надеялся на помощь того, кто должен был тебя убить.

— Что?!

— А ты не знал? — улыбка шамана сделалась шире. — Благодарю за спасение магию Невыразимого, охраняющую этот храм, она не позволила твоему орлу проснуться. Такие картинки в нашем ремесле зовутся «куок», для обретения жизни им нужна чья-то смерть. Он

разодрал бы твое сердце, воришка, напился горячей кровью, а потом улетел с украденным.

— Нормальная тема! А может, ты с меня эту гадость вообще убережешь? Будет, типа, питомец, посадишь в клетку, а я домой пойду.

— Не бойся, куок уже не пробудится. Всякая магия — палка о двух концах, и Пхе ошибся, когда посмел использовать свою во владениях Невыразимого. Нарушил равновесие, и теперь «орлы» открыты для встречного удара. Я сам решу, когда его нанести. А для начала пожертвую силам моря того, кто посмел осквернить этот храм дерзкой стопой.

И почему все эти знахари так высокопарно разговаривают?! Я настолько отвлекся, что чуть не упустил главный смысл речи.

— Э-э, погоди! Ты сейчас про меня что ли?! Да я вообще ничего не делал, просто зашел! И что за варварская дикость, все эти жертвы?! Давай ты меня перекупишь, заманишь на свою сторону, отправишь с заданием обратно к «орлам», а я уж им отомщу за вероломство! Обещаю!

— Ты пустословишь от страха, но я не имею времени, чтобы слушать тебя. Силы моря ждут.

Он развернулся и вышел, а мною опять занялись «жабы». Сграбастали плотно, потащили куда-то на руках, пузом кверху. Небо, сумерки, звезды... совсем незнакомые созвездия — даже в Южном полушарии Земли таких не имеется... что за чушь опять приходит на ум?! Надо бы что-то делать, но бесполезно, а потому и нервничать смысла нет. Кому судьба быть съеденным, тот не сгорит. Пусть бросают в море, плавать я умею!

Оптимистичного настроения хватило только на время пути — до того, как увидел финальную точку. Маленькую бухту, скалу, нависающую над морем, и кожаные петли, пришиленные к камню. Крепления для фиксации жертвы. Меня поставили на ноги, сунули руки в эти самые петли, затянули. Оказался почти как в храме, буквой Y, только надежды на конструктивную беседу теперь вообще никакой.

Финальной аудиенции, удостоился, впрочем.

— Ты не бойся, воришка, раколюды не так уж и страшны, — сказал Чешуйчатый, когда его слуги отошли подальше. — Они не станут жрать твое мясо, лишь заберут духовную силу и разум, а взамен даруют нам победу над врагами.

— Помогут вам стать единственными, — просипел я горлом, сведенным от торжественности происходящего. — Где-то я такое уже слышал, шаман. По-моему, вы их просто боитесь, вот и задабриваете!

— Ты неплохо держишься на пороге смерти, — кивнул Чешуйчатый одобрительно. — Сильный дух, больше вкуса, больше одобрения от раколюдов. Жертвы, вроде тебя, достаются нечасто. Прощлый тоже был помечен орлом, только не куоком, а рисунком по коже, ничего не хотел украсть, но вел себя дерзко и достался морю.

— Что? Где у него был рисунок?!

— Хорошая жертва — помощь сил моря во всем. Раколюды будут к нам добры и не придут в селение, чтобы забрать наших жен и детей. Заступятся за нас...

— Рисунок где у него был?! На руке, до локтя?!

— ...Заступятся за нас и не призовут из глубин гигантских тварей, а если призовут, то по моей просьбе, когда я решу ответить «орлам» достойно. Гигантские твари не потревожат Невыразимого, и весь этот мир...

— Да хватит ты со своими лекциями! На вопрос мой ответь!

— ...И весь этот мир проживет еще какое-то время, пока его не смоют морские волны.

Да, воришка, тот человек был отмечен знаком орла на руке, он был молод, силен и дерзок. Раколюды забрали его, а это случается редко, значит, им показалось мало его духовной силы. Он понадобился весь, целиком.

— Значит, всё-таки съели?!

— Никто не знает, что происходит с такими жертвами, да и мне запрещено присутствовать, когда являются раколюды. Даже если он жив, то давно перестал быть человеком. Оставайся, воришка, прими свою судьбу достойно.

На этом пафос закончился. Чешуйчатый заковылял по тропинке в гору, пара «жаб» осталась поблизости — один с моим хопешем, кстати. Ветер стих, море сделалось гладким, сумерки превратились в полную темноту. Только мертвящий лунный свет и отчетливый запах песка. Полного. Петли держат крепко, не вырвешься. Вурха поблизости тоже нет, да и чем бы он в этой ситуации помог? Зубами узлы развязал, или перекусал бы героически все «жабье» стадо? Нет уж, спасся и молодец — пускай живет.

Мне самому огорчаться тоже незачем — скоро узнаю, что именно происходит при встрече с этими самыми раколюдами. Разделю судьбу человека, очень похожего по описанию на беспутного Вадика. Считай, не зря заходил в тот подвал. Нашел-таки братишку.

Вода впереди забурлила, и все мои бодрые мысли на этом закончились. Сразу в нескольких местах показались шевелящиеся отростки, потом шипы, потом всё прочее. Сутулые фигуры, вроде омаров, поднявшихся на дыбы. Выбрались из воды, побрели ко мне.

Глава 12

Это сон, наверное. Затянувшийся алкогольный трип после той вечеринки! Ну, реально, не бывает такого, чтобы сегодня ты просыпался от звонка мобильного и мечтал похмелиться, а всего через пару дней тебя ели фантастические чудища, которых словами не описать!

— Ну, и чего вы повылазили, пучеглазые?! — поперло меня на последнем кураже, когда молчать уже точно нет смысла. — Я вам что-то должен?! Я даже раков под пиво не ел, а крабы в магазине дорого стоят, и рыбу не очень люблю! Вот реально, ловил и отпускал!

Они вдруг остановились, все сразу. Может, совесть проснулась? Сейчас как проникнутся благодарностью, да как вынесут из моря сундук с сокровищами! Оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем и всё такое.

Вода опять заволновалась, наружу полез еще один раколюд — не самый здоровый, но самый значимый, похоже. Очередной вождь, шаман, еще кто-нибудь из этой братии, от которой меня уже тошнит. Прочие выстроились почтительным коридором, пропустили его ко мне, разве что не поклонились. Неудобно кланяться, если ты в хитиновом панцире.

— Может, с тобой поторгуюсь? — спросил я уже без особой надежды. — Я, собственно, вне игры в этом славном мире, у меня тут друзей нет. Могу для вас пошпионить, выполнить боевое задание, сгонять куда-нибудь, если не очень быстро. За любой хипиш, кроме голодовки!

Раколюд не ответил, даже скрипом панциря. Приблизился вплотную, оказавшись ростом с меня, обдал душным запахом тины и рыбы, суставчатые лапы в шипах потянулись к моей голове. На секунду сделалось реально жутко — слишком оно инородное, чужое, не медведь и не крокодил даже. Совсем потустороннее. Глаза на тонких стебельках уставились мне в лицо, лапы сдавили виски, не больно, но крепко.

Сперва накатил холод — убийственный как в июльской Антарктиде. Заполнил голову,

Чужая мысль вторглась в мозг ненавязчиво и тепло. Как улыбка, на которую змеи неспособны.

— Ты тоже здесь, Фиссаш! Откуда... стоп, так это ты их привел?!

«А кто же еще, двуногий?! Кому б ты еще понадобился на всем Двипамарануме?!».

Ответить я не успел, услышал голос. Ушами на этот раз. Человеческий, очень знакомый

— даже слишком:

— Оба-на, кого я вижу! Да это же наш Сашуня!

Землякам обычно радуются, но только не в этот раз.

Коллектор Паша, всё такой же здоровый, но одетый теперь по-местному: широкие штаны, туника до колен, короткий плащ даже. На поясе красуются кинжал и топор, золотые зубы блестят в унисон этому варварскому шику. Тянет веревку и вполне справляется с весом двух человек.

— А я-то башку ломал, что там за лох, который дал себя в жертву принести?! Про тебя не вспомнил, Сашуня, вообще не думал, что ты в горы свалишься и выживешь!

— Я в море свалился! И не зови меня Сашуней, говорил уже!

— А то что? — прищурился Паша и резко дернул веревку, нас с неизвестной девушкой качнуло к нему. — Ты думаешь, Сашуня, в этом мире для тебя что-то изменилось? Неа! Олени всегда остаются оленями, куда бы они ни попали, а волки — всегда волки.

— Это ты что ли волк?

— Сомневаешься? — он снова потянул к себе, но над моим плечом вдруг появилось летучее тело с нетопыриными крыльями, распахнуло зубастую пасть:

«Пошел прочь, здоровяк, пока цел! Вшшшшш!».

— Ух ты! — на секунду в Пашиных глазах мелькнул испуг, но экс-коллектор тут же справился с собой, лапища взялась нащупывать рукоятку кинжала. — Ты, вижу, времени зря не терял, Сашуня, змею себе выдрессировал. Дрищеватая, правда, зато летает! Достойная защита для обсоса, вроде тебя!

Спокойно, не беситься — он ведь этого и добивается. Узел затянут втугую, но я вспомнил, наконец, про хопеш, чиркнул лезвием по веревке. Рассек с одного удара.

— Топор у тебя красивый, — сказал почти спокойно. От злости, наверное.

— Махать им умеешь, или так, для понта повесил?

— А ты че это, Сашуня, на дуэль меня хочешь вызвать?! — вот теперь, похоже, здоровяк удивился по-настоящему. — Базару нет, становись в активную позу!

Веревка позади меня ослабла — девушка тоже избавилась от привязи, глядела теперь с любопытством. Как и Манекен и еще несколько черных фигур с луками. Поединки здесь, похоже, не редкость, но что я делаю, вообще?! Реально, намерен рубиться с этим бычарой?! Совсем рехнулся?!

Да и пофигу!

— Та-ак, а ну-ка прекратили! — женский голос пробился сквозь гул крови в ушах, и фигуры с луками вдруг вытянулись чуть ли не по стойке «смирно», даже Паша опустил топор. — Это для того мы тратили время, чтобы вы сейчас друг друга искалечили?! Кто позволил?!

— Мужское достоинство наше! — хмыкнул экс-коллектор, но не слишком задиристо. Девушка, решившая нас осадить, явно обладала чем-то покруче лука со стрелами. С виду не скажешь: невысокая, худенькая, волосы спрятаны под черной банданой, из оружия — только

кинжал, зато на запястьях переливаются в свете луны золотые браслеты. Узколицая, большеглазая, красоткой не назовешь, но есть в ней что-то эдакое.

— Я Лаэна, дочь царя Илирии, предводительница племени вольных людей. Как твоё имя?

— Удав. В смысле, Александр, но все знакомые зовут меня Удавом.

— Александр — это царское имя, — прищурилась девушка. — Ты совсем не похож на эллина, кто же мог тебя так назвать? Хотя, не важно. Поклянись, что ты не из римлян, и можешь идти с нами.

— Да какой с него римлянин?! — вмешался, наконец, Паша, не смог уже терпеть. — Мы же с этим оленем... то есть с этим Удавом из одних миров сюда свалились! Могу сам за него поклясться!

— За себя отвечай, — осадил его Лаэна, но не резко. Даже ласково, пожалуй. На меня посмотрела с каким-то новым интересом:

— Так ты, значит, тоже пришлый? Что ж, теперь я уверена, что время и силы потрачены не зря, но это мы обсудим позже. Пора уходить, пока «жабы» не начали использовать всю магию моря!

Сказано — сделано. Через пару минут мы уже шагали куда-то при свете факелов по узкой хребтине Челюсти Номер Два, очень быстро. Размышлять при таком передвижении особо некогда, но выключить голову тоже не вариант. Слишком много вопросов. Что такое эта «Илирия», например? Если там имеется царь, то, скорее всего, илирийцы живут за стеной, на другом уровне — потому им и римляне поперек горла. Не важно, зачем этих бодрых девчонок сюда занесло, но они способны вернуться обратно и взять меня с собой. Поднять на новый уровень, в прямом смысле. Тем более что я им тоже зачем-то нужен — вместе с мудацким Пашей, увы.

«Ей нравятся только воины, а тебя она хочет использовать. Я не понял, как именно».

— Мог бы и не говорить! — проворчал я вполголоса, глянул на летящего рядом змея. — И мне малину испортил, и девушке планы сломал!

«Эта злюка так тебе нравится, что ты хочешь драться за нее?».

— Не в злюке дело. Кое-кто оборзел выше крыши, а слов не понимает!

«Хочешь, я его укушу? Сегодня же ночью?».

— Предложение заманчивое, но вынужден отвергнуть. Вдобавок, подозреваю, что спать он будет не один.

Всё когда-нибудь кончается, даже бесконечные горные тропы. Очередное ущелье, очередной трясущийся мостик, очередная охранница на посту. Перед Лаэной чуть преклонила голову, прочим кивнула, нас с Пашей наградила невыразимо высокомерным взглядом. Их сюда специально отбирают по критериям мужененавистничества?

«Царь Илирии был строг со своей дочерью и собирался выгодно отдать ее замуж ради устройства своих дел. Лаэна взбунтовалась и ушла за стену, прихватив с собою лишь девушек из личной охраны. Мужчинам-воинам отец ее честь не доверял».

— Ты это тоже от предков знаешь? Крутая у вас база данных, почти интернет!

Очередная маленькая долина, залитая лунным светом. Вместо привычных хижин — шатры, очаг дымится, но голозадых детей не видно, да и женщины здесь не гологрудые, увы. Больше похоже на воинский лагерь, чем на селение. В рейд по мою душу ходили семеро, плюс Паша, а еще с десятков выстроились сейчас кружком, рассматривали меня

заинтересованно.

— Кайра, Селена, переселяетесь в другие шатры, ваше место займет этот пришлый, — распорядилась Лаэна с ходу. — Приготовьте ему лежанку и не вздумайте предлагать ночные утехы. Ты, Александр-Удав, иди за мной.

Хотелось пошутить насчет «утех» и Кайры с Селеной, но сдержался. Поймал на себе два очень недовольных взгляда — наверняка, они и есть. Какие там утехы, не прирезали бы сонного! Прошел за царской дочкой к дальнему шатру, Фиссаш попытался влететь, но Лаэна пуганула его одним взглядом. Мыслью тоже, наверное — змей все понял без слов.

— Мы бы его на мясо пустили, но слишком умным оказался! — сообщила девушка безмятежно. — Прямо в голову влез, поведал, как вы девочку спасли, да и та его узнала. Если бы не это, сами боги бы меня не заставили тебя выручать!

— Спасибо за откровенность.

— Не благодари. Твое спасение будет стоить тебе ответной услуги, а пока иди к нему и расскажи всё, что видел.

Не сразу понял, о ком речь — слишком здесь было темно. Закрыв глаза, дал привыкнуть, лишь потом разглядел сутулую фигурку в центре шатра. Очередной шаман-колдун-жрец? Как же вы все мне дороги!

— Это Гоэн, охотник из племени «куропатов». Неведомая болезнь поразила его вдали от родного селения, он почти ослеп, заблудился, но многое знает о здешних местах.

— Я почти не нуждаюсь в твоём рассказе, — подтвердила сутулая фигурка так тихо, что пришлось напрячь слух. — Скажи лишь, там совсем не осталось живых?

— Ну... там всё было трупами завалено. Зачем он такое сотворил?

— Это кирлэк, опустошенный. Тело зверя, потерявшее ум, желающее только убивать. Не знаю, отчего такое случается, но отец рассказывал мне о существах, способных делать это даже с людьми, порабощать их навечно и посылать на страшные злодеяния. Как ты сумел спастись от кирлэка?

— Друзья помогли. А ты чего в темноте сидишь?

— Я не совсем слепой, мои глаза не выносят света. Даже лунного. Болезнь, от которой мог вылечить только шаман «куропатов», а теперь есть надежда на его колдовские травы. Если сможем их найти.

— С рассветом мы идем в селение этих несчастных и попробуем вылечить Гоэна, — сказала из мрака царская дочь, и ее голос показался мне странным. — Ты помнишь туда дорогу, Удав-Александр?

— Отсюда? — я вспомнил про Фиссаша и ответил почти уверенно. — Думаю, не заблудимся!

— Вот и хорошо. Идем, я покажу тебе твой шатер.

Прозвучало романтично, да и компания скрюченного Гоэна мне изрядно надоела. Выбрались наружу, ветерок обдал ароматами дыма и вареного мяса. Лучшие запахи в моей жизни за последние сутки. Вурха поблизости не видно, но это и к лучшему сейчас — в такой-то приятной компании.

— Слушай, я так и не понял, зачем его лечить?

— Скоро Черная Луна, и я намерена отправиться в долину драконов, а этот человек знает лучший путь. Такой, на котором не понадобится... которым можно пройти без жертв.

Она кольнула быстрым взглядом, но я вопросов задавать не стал. Успею еще. Всё мутно, задницей чую подвох на подвохе, да только вокруг не лучше, а тут хоть крыша над головой.

Тряпочная. Интересно, «долина драконов» — это имя собственное, или там реально огнем пыхают?

— Еще вопрос, моя царица: кормить у вас принято, или спасенным чужестранцам еда не полагается?

— Я не царица, а дочь царя, и уж точно не твоя, — ее голос заледенел, но тут же оттаял. — Следи за языком, спасенный чужестранец, здесь очень многие пожелают отрезать его за вольности в мою сторону. Отдыхай, тебя позовут, когда похлебка сварится.

Горячая штучка, однако! Разозлили меня и слова и тон, но понравились, как ни странно, больше, чем ее же голос в шатре Гоэна. Что-то там было не так.

В шатре оказалось уютно. Мягко, сухо, запахи пряностей и даже духов, по-моему. Нормальное девичье жилище. Сразу потянуло в сон, но голод не позволил, а там и мысли поперли. Про Вадика, про себя самого — может, стоило уболтать раколюда и уйти за братом в их владения — про всю окружающую дурацкую реальность. Посоветоваться бы хоть с кем-нибудь! Асаш, который Асша, где ты есть, блин?!

— Да вот он я! — прозвучал вдруг голос в лучших традициях шизофрении. Никакой уже белой пустоши с бутылками, только внутренность шатра — и моё «альтер эго» на фоне тряпичной стенки.

— Вот он я, неугомонный ты Саня... точнее, Удав. Чего хотел-то?!

— Это что, сон такой? — я ущипнул себя за ногу сквозь штаны, но толстяк — а вернее, уже крепыш — не исчез, разглядывал меня снисходительно. — Как я могу тебя видеть в этой реальности?

— Я тебе что, Алиса из «Яндекса»? Можешь и можешь, прими это за факт. И бутылки твои разливать по ведрам не хочу, раз ты сам такой шустрый.

— Что-то ты разговаривать много стал. Не боишься? — спросил я пока без злости, но с раздражением, даже кровь в ушах опять забарабанила. — Толку от тебя ноль, подсказывать не хочешь. Я без тебя обойдусь, а вот ты без меня...

— Э, ты чего, ты чего?! Остынь, давай! Спрашивай, что нужно... хотя, я и так все твои вопросы вижу. Отвечаю коротко и по делу: да, да, нет, да.

— В смысле?

— В прямом. С племенем амазонок тебе остаться нужно, отправиться с ними в поход тоже стоит, от Паши ты по-хорошему не избавишься, а с Лаэной... тут я, пожалуй, тебе польстил. Она тебя не презирает, уже хорошо, но шансы с ней переспать, весьма туманны. Ты просто пришлый, этим и выделяешься. Очень советую заняться собой и быстрее наполнить ведра. Сила, ловкость, без этого никак!

Про Черную Луну, будь она неладна, спросить не успел — снаружи вдруг раздались уверенные шаги. Тяжелые, совсем не девичьи. Полог отдернулся, в проеме возникла Пашина сытая ряшка.

— О, Сашуня, ты тут! А ну выползай, «базар» к тебе есть!

Глава 13

«Второе я» куда-то испарилось, зато багряные оттенки ярости во мне еще играют. Очень хороший настрой для мужских разговоров. Хопеш я оставил в шатре, да и Паша пришел без топора, хотя с кинжалом.

— У меня к тебе деловое предложение, братан, — начал он с непривычным добродушием в голосе. — Мы ж с тобой земляки, так? Ну и фигли цапаемся не по делу, если

можно договориться?

— О чем?

— Да всё о том же, — он приобнял меня за плечи, дохнул в упор нечищеными зубами. — Я к этой царской соске нормально так подкатил, она готова уже, но пока понтуется перед своими. Не знает меня. Ей же надо с героями спать и прочая мишура, а тут мужикам подняться трудно, сам видишь. Давай мы с тобой сыграем, Сашуня. Типа, я господин, а ты мой... нормальный друг, который все делает, помогает.

— «Шестерка»?

— Ну, чё ты сразу такими словами?! Просто, друган-братан! Земеля! Я тебе говорю, ты по дружбе делаешь, она глядит и видит, что я тоже не из простых. Там, если все попрет, женюсь на ней и тебя потом не забуду. Лады?

— Предложение интересное, — сказал я сквозь багрянец ярости, улыбнулся даже. — Земляку помочь всегда приятно, потому предлагаю всё сделать наоборот. Я тебе отдаю приказы, а ты выполняешь. Чисто по дружбе.

— Чё? — он настолько удивился, что даже обиделся не сразу. — Ты, олень, типа мной командовать будешь? Типа, все поверят?

— А чего бы им не поверить, Пашуня? Ты тупой здоровяк, такие всегда подчиняются умным и хитрым, это же классика. Я тебя тоже потом не забуду, спасибо скажу...

Экс-коллектор зарокотал горлом, лицо потемнело, даже в лунном свете видно. Левая лапа сгребла меня за ворот туники, потянула к себе — а я и бороться не стал. Качнулся с пятки на носок, вложил в удар всю массу тела, как учили когда-то. Чпок! Кулак влетел в квадратную челюсть, она вдруг сделалась мягкой, поддалась, здоровяка качнуло. Выпустил ворот, глаза на секунду расфокусировались, но тут же поймали меня в прицел. Хороший боец, не спорю. Башка чугунная!

— Вот давно хотел это сделать! Говорил тебе, падла, не трогай меня! Говорил?!

— Ты покойник, — сообщил Паша, потрогал недоверчиво челюсть, опять на меня уставился. — Хотел по-хорошему, но ты сам так решил!

Он кинулся с неожиданной для такого тела скоростью, я хотел уйти на забытых боксерских навыках, но не получилось. Слишком уж забытые! Всё, что сумел — потянуть на себя, когда лапы опять сграбастали тунику, дать подножку и вместе свалиться. Тяжелая туша придавила сверху, воздух в груди закончился, кулак взлетел надо мной для сокрушительного удара. Завис.

— Может, вас обоих стрелами утыкать? — спросил знакомый хриплый голос, а тихий звон тетивы дополнил угрозу. — Или одной стрелой, но насквозь? Раз уж посмели нарушить приказ повелительницы и стали калечить друг друга?

— Да успокойся ты! — проворчал здоровяк, глядя куда-то в сторону. — Нормальная мужская разборка, никаких там этих самых... Вы, типа, никогда не бьетесь между собой?!

— Мы воительницы, применяем силу, лишь, когда она нужна. Бить друг друга попусту — удел вонючих мужиков!

— Нормальные мы! Подтверди, Сашуня, который Удав!

— Вот в этом согласен, — прокряхтел я под чужим весом, вдохнул, наконец, поглубже. — Встань с меня, бычара опоенный!

— Да без проблем! — хмыкнул Паша, поднялся одним движением. — Тебе, может, помощь нужна?! Искусственное дыхание рот в рот, гы?!

— Он обойдется, — ответила Манекен и спрятала, наконец, лук за спину. — Идем со

мною, который поменьше, займемся делом. Приказ повелительницы.

— Сочувствую, Сашуня! — улыбка экс-коллектора сделалась шире, даже яростный взгляд Манекена ее не стер. — погоди минуту, добазарим. А ты иди, злая женщина, он тебя потом догонит!

— Мы разве что-то еще не обсудили?! — спросил я на остатках ярости, даже приблизился к Паше вплотную. — Если снова прежняя тема...

— Да ладно, не кипишись, чё такой заводной?! Я тебя сегодня прям зауважал, потому и хочу по-людски растолковать. Без ножей и топоров. На Лаэну не пялься, она уже занята, понял?

— А сама она в курсе, что ты ее купил?

— Не хочешь, значит, нормально, — пару секунд казалось, что здоровяк опять набросится, но он лишь ухмыльнулся во весь золотозубый рот. — Дурак ты, Сашуня, ой дурак! Думаешь, ты ей понравился, или я? Да ей «отмычки» нужны, кровянка наша, чтобы в эту сраную Долину Драконов попасть! Туда без жертвы не пройдешь, а кровь пришлых любые проходы открывает, потому мы ей оба к месту. Оба! Только со мной еще потрахаться можно, а с тебя, оленя, никакого толку, потому судьба твоя заранее решена. Иди, занимайся делом, тебя там ждут, гы-гы!

Дзынь-дзынь! Дзынь-дзынь! Бронза о бронзу, пока еще медленно, но по нарастающей. Мой хопеш о чужой искривленный меч. Пока еще слабо, но всё сильнее.

— Лаэна велела мне проверить твои умения в схватке, и сейчас я вижу, что ты никчем, как все мужики!

— Как все вонючие?

— Как все вы абсолютно! Ваши излишества ниже пояса заставляют вас действовать грубой силой, потому искусная женщина побеждает вас без труда!

Манекен по имени Аканта сделала обманный выпад, ее меч нырнул под хопешем, коснулся моего плеча — ошутимо так кольнул.

— Чуть сильнее, и ты не смог бы держать оружие. Никакая сила и сами боги не помогли бы тебе. Ты слишком медленный!

— Так на то и Удав! Это ты как кобра кидаешься!

— Нет времени учиться с деревянными мечами, да и негде их взять. Привыкай к своему оружию. Щита для тебя не найдется, потому учись защищаться клинком. Вот так, так, так!

Шаг вперед — шаг назад, выпад — отход, удар — защита. Руки уже немеют, а чертова Аканта будто сделана из сухожилий. Лошадиное лицо с уродливым шрамом выглядит пугающе, а вот зубы белоснежные, как в рекламе.

— Если отбиваешь удар, не трать силы зря. Старайся тем же движением еще и меня зацепить, когда отвела клинок. По руке, по плечу, куда угодно. Пальцы не подставляй, отваяются. Ну!

— Я ж тебя зарублю так!

— Не мечтай, вонючий мужик! Даже лучшие воительницы, гибкие как тростник и быстрые как сама смерть не сумели меня задеть! Давай, не бойся! Ну! Ну! Ну!

Сперва я ее жалел, потом захотелось вломить по-полной. Не получалось, но я старался. Руки и ноги сделались деревянными, хопеш превратился в чугунную гирю. Да чтоб тебя!

— Прости, что спрашиваю... уф-ф... но кто тебе так личико распахал?! Очередная

гибкая воительница?!

Дзын-н-нь! Кривой клинок крутнулся вокруг моего, кольнул меня в другое плечо. Больно, блин!

— Кто распахал, того уже нет в живых! Будешь спрашивать дальше?!

— Буду! Что за Долина Драконов и зачем нам туда?!

Дзынь-дзынь! Дзынь-дзынь! Тело не хочет новой боли, само пытается уклониться, закрыться, ударить в ответ посильнее. Пробить невидимую броню, рожденную быстрым чужим клинком. Где-то слышал, что фехтование придумали только в Средневековье — а что же такое мне демонстрируют сейчас?! Марлезонский балет в двух частях?!

— Эта долина закрыта для смертных, с моря и с суши! Лишь раз в сотню варсов, ночью Черной Луны человек способен войти туда, чтобы лицезреть рождение нового дракона из вулканического огня и лавы! Великая честь и великая опасность!

— Звучит сомнительно! Хорошо, что ты не торговка, я бы с такой рекламой товар не купил!

Дзынь-дзынь-дзынь! Не атака, скорее добродушный упрек.

— Я бы убила любого, кто предложит мне опуститься до торговли! Если зов чести не влечет тебя, то зачем продолжать разговор?! Дерись!

— Да я уже! Что там за жертва нужна для входа в Долину?!

Меч на секунду замер, Аканта прищурилась, изучила мое лицо, будто сканером. Фыркнула презрительно:

— Ты боишься, пришлый?! Твой соплеменник успел напугать тебя до икоты?! Он не ведает, что жертва должна быть добровольной, а незримую печать снимет лишь кровь героев. Вам опасаться нечего!

— Дерево Свободы нужно время от времени поливать кровью патриотов и тиранов, это для него естественное удобрение.

— Что ты сказал?!

— Мысли вслух! Цитата, от человека, который родится через несколько тысяч варсов, не обращай внимания! У него есть еще, как раз в твоём вкусе: для корыстного духа коммерции не существует ни родины, ни чувств, ни принципов — одна нажива!

— Ты так и будешь вещать чужими речами, пришлый?! Свое породить не в силах?!

Ух, как она меня достала! Вот и веди с такими интеллектуальные беседы!

— Мои собственные мысли примитивны, как у всех вонючих мужиков! Не бросить ли нам оружие и не перейти ли к утехам, которые ваша повелительница запретила Кайре с Селеной?! Ты не смотри так злобно, ты клинком защищайся! Понимаю, что ни разу не пробовала... утех, в смысле, но тебе бы понравилось! Гораздо лучше клинка! Даже самого твердого и самого длинного!

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь-дзынь!!!

Спалось в эту ночь плохо. Болело всё туловище. От попаданий мечом плашмя и просто, от непривычных нагрузок. Снились бутылки, которые надо вылить в ведра, но руки всё никак не могли их сцапать, а «второе я» в лице Асси так и не появилось.

Проснулся всё еще больной, долго стонал и кряхтел, будто дед-пердед, но заставил себя выбраться из шатра с улыбкой. Стыдно показывать слабость перед женщинами. Тем более — перед амазонками.

Лаэна про нашу с Акантой беседу, определенно, узнала, но до серьезного разговора дошло не сразу. После завтрака уже, когда отряд принялся разбирать шатры, и даже Паша куда-то исчез в деловых хлопотах.

— Ты действительно напуган и не веришь нам? — спросила с характерной для нее прямоотой. При свете дня ее глазищи оказались не черными, как раньше, а карими с зеленью, очень ехидными.

— Не напуган, а возмущен. Тут герои в очереди стоят за право стать жертвой, а мне и не предлагает никто!

— Долина Драконов закрыта, Александр-Удав, но туда ведет много разных путей. Дороги, тропинки, вовсе безлюдные скалы, с которых придется спускаться по веревкам. Если Гоэн не обманул и действительно знает тайный ход, то пройдем безо всякой платы, а если нет... взгляни на моих воительниц. Любая из них сочтет за честь поделиться своей кровью ради общего дела. Их так воспитывали. Вы, пришлые, нужны мне совсем для другого.

— И для чего же? — спросил я, стараясь держать лицо. Неприятно, когда красивая девчонка подозревает тебя в трусости, надо что-то с этим делать, блин!

— В ночь Черной Луны из огня родится не просто дракон, а существо со взглядом василиска, обращающим людей в камень. Никто, кроме пришлых, не выдержит этот взгляд, да и вас он изменит необратимо, но вы останетесь живы. Возможно, обретете чудесные способности. Легенды гласят, что триста варсов назад один пришлый сделался неуязвимым для всякого оружия и завоевал себе царство Ликурия, победив его лучших воинов. Другой обрел себе славу великого колдуна, ибо мог летать без крыльев и ходить по морскому дну без воздуха.

— Звучит заманчиво. А вам какая выгода от этого?

Лаэна чуть помедлила. Глядела, как из крайнего шатра две амазонки выводят Гоэна в черном бесформенном балахоне. Чистый девичий лоб на секунду перечеркнула морщина, но тут же исчезла.

— Мы просто хотим разбогатеть, Александр-Удав. Разбогатеть и выжить. Я в ссоре с отцом, а недра под той долиной наполнены самоцветами и золотом, они раскроются в Черную Луну, совсем ненадолго. Кроме нас там будет много других охотников. Они постараются убить нас, пока мы будем прятаться от драконьего взгляда, потому вся надежда на тебя и на твоего соплеменника. Выстоим вместе, или навеки останемся там!

В дорогу вышли без промедления, всем отрядом-племенем. Растянулись по горной тропе на пару стадий: первой шагала неутомимая Манекен-Аканта, следом я, как проводник, дальше несколько амазонок с луками наготове. Лаэна двигалась в центре цепочки, под неусыпной охраной Паши. Определенно, здоровяк ей понравился, а лесбийских наклонностей у здешних дам я не заметил. За единственным исключением. Гоэн в балахоне шел наощупь, держался за руку одной из воительниц — другая страховала сзади, но он и сам пока не падал. Шатры и прочую хозяйственную утварь развесили по спинам, даже царская дочь от ноши не отказалась, даже девочка-найденыш, которая Девочка. Демократия в действии, так сказать.

Дорогу в «куропаточий» лагерь я не запомнил, но Фиссаш мне ее неутомимо подсказывал, на каждой развилке, или повороте тропы. В остальное время летал туда-сюда, нервировал девушек, у которых отвращение к змеям явно пересиливало воинский дух.

Хорошо хоть за оружие не хватались.

— Потерпи, скоро ты станешь белый и пушистый, тогда тебя все любят. За неимением здесь кошек с собаками, которых можно гладить.

«Я обойдусь без их любви, двуногий, мне важнее другое. Этот закутанный человек совсем не думает».

— Что ты имеешь в виду?

«Я не слышу его мыслей, даже самых простых. Так не бывает».

— Бывает, как видишь. Он охотник, может, у них свои хитрости есть.

Прозвучало неубедительно, даже я сам не поверил. Чуть ускорился, догнал Аканту, чтобы не орать на всё ущелье.

— погоди, злая женщина! У меня к тебе важное поручение!

— У тебя?! Кто дал право вонючему мужику?..

— ...Приказывать лучшей воительнице здешних гор, ага. Ты не думай о половых различиях, думай о Лаэне, она в опасности. Слишком уж доверяет этому Гоэну. Ты к нему присмотришься, а если что...

— Хочешь, чтобы я нарушила волю повелительницы ради твоих глупых страхов?! Этот человек — ее гость, он под нашей защитой, а ты сейчас...

— Я сейчас тоже ваш гость, а вдобавок — проводник. Не надо тебе ничего нарушать, деревянная голова, просто, приглядывайся к нему.

Манекен на это лишь фыркнула, продолжила путь мягким шагом волчицы, я постарался не отставать. Так оно проще. Особенно если думать про ведра с «силой» и «ловкостью», которые от всех этих переходов скоро будут через край, а от рубки на мечах вообще зашкалят. В голове у меня начнет играть торжественный музончик, унылая пустыня сменится чем-то покрасивее — как в «игрушке», когда поднялся левелом выше. Наверное. Амазонки начнут относиться с почтением, сами будут упрашивать, чтобы перешел с ними через стену из Дикости в Древний Мир. А Паша тут останется, он же лентяй. Его если заберут, то только рабом — большим, туповатым и достойным плетки от царя этой самой... Илирии. Еще помыться бы неплохо, да и щетину сбрить — хотя, фиг с ней, пускай уже в бороду оформляется.

«Какие глупые мысли в твой голове! Все двуногие думают об этом?».

— А про что мы должны думать, змеище мохнатое? Про лягушек, или чем вы там питаетесь?!

Ответа я не дождался — Аканта свернула за поворот тропы и остановилась, подняла руку. Похоже, пришли.

— Что за предосторожности? Боишься, что мертвецы устроят засаду?

— Я ничего не боюсь в этой жизни, да и гнев богов за ее пределом меня не пугает, но лишь безмозглый осел способен сунуться в долину без разведки!

— Хорошо, что мы с тобой не такие, — плеснул я бальзама на суровую Манекенскую душу, а заодно дал время подготовиться собственному обонянию. Мертвечиной от «куропаточьего» селения тянуло теперь вовсе невыносимо.

— А как этот Гоэн собирается лечиться? Наощупь?

Аканта не ответила. Глянула назад, дождалась условного жеста своей повелительницы и первой взялась спускаться к хижинам. Амазонка, шедшая сзади, придержала меня за плечо, Фиссаш перестал, наконец, хлопать крыльями и свернулся кольцом на камнях. Тоже ждал. Показалось, что гул мушиного роя доносится даже сюда.

— Там безопасно, вперед! — приказала, наконец, Лаэна, и проворные воительницы потекли мимо меня ручьем. Пускай текут, мне спешить некуда. И вниз не хочется.

Выдохнул, вдохнул, лишь тогда заставил себя начать спускаться.

Глава 14

Внизу оказалось поганенько. Разложение и тлен, усугубленные жарким солнцем. Амазонки вмиг замотали лица тряпками, у меня для этих целей ничего не нашлось, решил дышать через раз.

— Где нам искать твоё снадобье? — обернулась Лаэна к фигурке в черном балахоне, та отпустила плечо сопровождающей, сделала несколько осторожных шагов.

— Хижина здешнего шамана... над ней был череп на шесте. Подведите меня туда, дальше сам!

Показалось, или его голос стал резче, увереннее? Почти повелительный тон. Лаэна, напротив, изменилась: уголки рта поплыли книзу, встряхнула головой, будто сон отгоняла:

— Во-он этот шест. Идем, я сама провожу. Вы пока ждите.

Опять эта странная, тягучая интонация, но амазонки послушно остались на месте, позволили Гоэну взять их повелительницу под локоть. Одна заступила мне дорогу с самым решительным видом:

— Ты слышал ее слова? Все ожидаем здесь!

— Вообще, оно вам приказано было, на меня ее власть не распространяется. Вы реально поверили этому типу в балахоне?!

— Ты слышал ее слова. Ты не пройдешь.

Захотелось вдруг плюнуть и самоустраниться, но в висках уже заухала яростная кровь. Что-то частенько она там ухаты взялась. Глянул на Пашу, тот ответил ухмылкой — давай, мол, покажи себя. Помощи тут не дождешься, вся надежда на змея с крыльями.

«Фиссаш, ты мне нужен! Как слышишь, прием?».

Вурх, успевший разлечься на горячих камушках, вскинул голову, нашел меня взглядом.

«Что случилось, двуногий? Твой язык изменил тебе?».

«Это не важно! Займи-ка чем-нибудь эту боевую даму, чтобы не мешала пройти к той хижине!».

Фиссаш ответил вспышкой эмоций, но с камней соскользнул и стремительно потек к амазонке-охраннице. Та, вдруг, ойкнула, принялась оглядываться, даже про лук свой забыла, да и прочие девушки забеспокоились. Не до меня им стало — самое время ускориться. Тропинка между хижин к той самой, с шестом и черепом, дверь завешана, как у прочих, но полог и тут разорван тигриными когтями. Такая же трупная вонь изнутри, но сквозь гул мушиной стаи доносится что-то еще.

Песнопение, определено.

Гоэн, уже без балахона, перед ним, на коленях, Лаэна, будто интим-услугу оказывает, но всё гораздо хуже. Лицо царевны застыло маской, руки опущены вдоль тела, на полу валяются какие-то горшочки, кости, амулеты. Что за хрень тут происходит, вообще?!

Озвучить эту мысль не успел — Гоэн поднял голову. Худой, сутулый человечек с необычайно большими глазами.

— А-а, спаситель девочек. Ты думал, что творишь добро, но лишь добавил овцу к моему стаду. Благодарю.

— Нормально ты выздоровел! — вылетело у меня, как обычно, несвоевременное и

задорное. — Мы тебя за этим сюда вели?!

— Люди глупы и жалостливы, иначе убили бы сразу, — охотник улыбнулся зубастым ртом... слишком зубастым и слишком большим, глаза вдруг начали светиться желтизной. — Я попросил у них приюта, чтобы взять это стадо себе, но их жрец слишком рано почуял. Он ослепил меня заклятием, но не посмел умертвить, просто выгнал. За это я прислал к ним своего кирлэка. С вами выйдет проще, вы совсем не владеете волшебной силой, потому что я смогу кормиться вами очень долго, выпивать вашу жизнь по малой капельке. Встань на колени, прими мою волю.

Хотел ответить, но горло вдруг перестало слушаться, и язык отсох. Ноги сами сделали шаг, второй, третий. Почуял резкую вонь от разбитых кувшинчиков, увидел опять безвольное лицо Лаэны. Сейчас я стану таким же, потом мы вместе выйдем к племени, и они покорятся своей повелительнице. Будут идти сюда по одной, послушно... стадо... овцы...

Фьюи-ить!

Гоэн зашипел, схватился за древко, торчащее из груди, но вторая стрела уже пробилась шею. Шипение превратилось в скрежет, худая фигурка вдруг стала похожей на помесь крысы с жуком, замахала конечностями, просела. Расплылась по полу ворохом пустой одежды.

— Ну, ни хрена себе фокусы! — сказал я просто, зато от души. — Что это было, Малдер?!

Лаэна отсылку к «Икс-файлам» не оценила. Стояла всё так же, на коленях, трясла головой, даже лицо Аканты в дверном проеме оставило царскую дочку индифферентной.

— Что за дерзкие гадости здесь творятся?!

— Они уже кончились, — заверил я Манекена, начал с кряхтением вставать. Ноги всё еще ватные, тело болит, но рвется куда-то идти, ползти, выражать покорность, не советуясь с мозгом.

— Дерзкие гадости кончились, начинаются кроткие радости. Здорово ты его! И прекрасно, что меня послушалась!

— Тебя?! Я лишь увидела повелительницу на коленях и поняла, что творится зло! — процедила Аканта сквозь зубы, взялась откапывать свои стрелы в ворохе Гоэновой одежды. — Железо его не взяло, но у меня всегда есть одна с серебряным наконечником!

— Ты не только меткая, но еще и предусмотрительная. Что это была за тварь?

— Никто не знает, — ответила за Аканту ее повелительница, начала подниматься с колен. Застонала, присела обратно. Явно, чувствует то же, что и я сейчас. На лице, кроме боли, дичайшее смущение.

— Перед Черной Луной появляется много неведомых тварей, поэтому нужно спешить. Помогите же мне, в конце-то концов!

Сразу уходить не стали — после прошлого рейда отдых нужен. Хоть и среди пропастины. Небрезгливые амазонки взялись таскать тела в единую кучу, готовить погребальный костер, я бы в другое время от эдакой радости «закошил», но сейчас никак. Глянул на Девочку, белую как окрестные скалы, ощутил вдруг себя скотом. Представил маму и Вадика в виде таких же ошметков, желудок стремительно поднялся к горлу.

— Твои родители... они тоже здесь?

— Они уплыли по ветру, — ответила Девочка с улыбкой, показавшейся страшнее любого плача. — Тот человек был очень злой, но ветер унес моих братьев, сестренку, всех... туда, где звери не могут их съесть.

Может, с ума сошла? Или, просто, придумала себе сказку, в которой жить не очень напряжно?

— Не парься, Удав! — ответил невидимый и незванный Асша так громко, что я оглянулся. — Это совсем другие дети, они видят смерть с рождения, воспринимают проще и привычнее. Скорее, тебе самому психотерапевт понадобится.

— Спасибо, обойдусь! — ответил я машинально, и на этот раз оглянулись многие. Вдобавок, подошла Лаэна, поманила за собой красноречивым жестом.

— Не вздумай меня упрекать Александр-Удав! — сказала жестко, когда удалились от всех на край селения. — Есть твари, которым не может противостоять даже самый могучий герой, даже дочь царя, осененная милостью богов! Если ты, вдруг, решил...

— Ничего я не решил, не-моя-не-царица. Зато понимаю, что проводника в Долину Драконов у нас больше нет.

— Без него справимся. Я уже говорила, что туда ведут разные пути, но сейчас они будут для нас труднее. Ты с нами?

— А чё, ему кто-то выбор давал? — послышался голос, вызывающий у меня рвотный рефлекс. И как этот здоровяк умудряется столь бесшумно передвигаться?!

— Во-первых, Сашуня без нас пропадет, потому я над ним беру шефство, по-землячески! Во-вторых, мы оба вам нужны! Ты меня знаешь, принцесса, я ведь ради тебя...

В мозгу вдруг вспыхнуло алым, будто светофор. Сигнал от Фиссаша! Крылатый змей завис в полусотне метров от нас — что-то увидел оттуда, пытался теперь предупредить всеми силами.

Уао-о-о-онг!!!

Громадное тело перемахнуло ближайшую хижину, приземлилось с кошачьей мягкостью, припало к земле для нового прыжка. Паша метнулся в сторону, Лаэна попятилась, но запнулась, а мне даже пятиться поздно. Всего пара метров до оскаленной пасти и желтых безумных глаз.

Время остановилось.

Выставил хопещ, хоть и толку мало — полтонны костей и мускулов сметут меня как ураган, вместе с железякой. Будто в замедленной съемке увидел прижатые уши, влажный блеск клыков, вертикальные зрачки... что-то еще за ними туманное, серое...

...Грязный подвал, затянутый паутиной, не пройдешь. Руки и ноги вязнут, дышать уже нечем, засасывает, путает... паутина боится огня... надо вспыхнуть... пф-ф-ф... белое пламя рвется в стороны, выжигает всё до стен, камень трескается, рушится, отпускает на волю живое и розовое...

Агр-р-р-уи-и-и!!!

Картинка лопнула, остался только звук — смесь рычания с плачем. Только глаза громадного зверя — зрачки стремительно округлились, взгляд метнулся по сторонам, наполнился осознанием. Зверюга вдруг понял, что стоит перед кучей вооруженных людей. Еще один рык, угрожающе опасливый, тигр прыгнул на крышу ближайшей хижины, оттуда махнул через все постройки к выходу из долины.

У меня, наконец, подкосились ноги. В последний момент удержался, присел «на корты» вместо бесславного приземления пятой точкой. Взглянул на Лаэну — сидит на земле за моей спиной, разминает подвернутую ступню — на Пашу, застывшего позади нас всех. Немая сцена, как сказал бы Гоголь.

— Ну, ни... кр-кх... ну, ни хрена же себе, — сообщил здоровяк без эмоций, почти

задумчиво. — Надо ж это... типа того...

Спохватился вдруг, выдернул из-за пояса топор, попытался даже принять боевую стойку.

— Расслабься, Пашуня, он уже свалил, а тебе бояться нечего. Тебя даже саблезубый не догонит.

— Чё ты сказал?!

— Александр-Удав очень верно выразился, — улыбнулась царская дочка и поднялась, наконец, с земли. — Он завидует, что не способен бегать так же быстро, поэтому вынужден был остаться и защитить меня. Ты иди... займись там чем-нибудь.

Сделала короткий жест, будто отбросила здоровяка со всеми его килограммами мышц, на меня не взглянула тоже, ушла командовать. Из Паши будто воздух выпустили. Ссутулился, побрел куда-то с топором в руке, я ему даже посочувствовал. Молча.

«Как ты это сумел, двуногий?».

— Спроси, чего полегче. Ты ведь сам эту зверюгу прогнал в тот раз.

«Я закричал ему в голову, сделал больно, но ты так не можешь».

— Я теперь сам не знаю, чего могу! Тот земноводный — он что-то в моей башке изменил, когда разум выкачивал. Что-то свое оставил. Надеюсь, хотя бы людей не начну после этого жрать!

Диалог из дурдома, но амазонки уже привыкли. Шагаю по тропе, общаюсь, будто сам с собой, рядом порхает над пропастью меховая змея. Растянулись мы снова на мило, не меньше. Лаэна идет где-то в центре, а Пашу поставили в арьергард. Тылы охранять. Дело нужное, но по здешним понятиям смахивает на ссылку, не особо почетную. Кстати, не факт что моя позиция в голове колонны — признак доверия.

— И сколько нам топтать до этой Долины? К вечеру успеем?

«Память моих предков не простирается так далеко. Двуногие сами знают путь».

Капитан Очевидность, в общем. Ночка Черной Луны придет уже сегодня, татуха деактивирована — надеюсь — и рвать меня когтями не станет. Можно послать этих ласковых девушек и пуститься опять в свободное странствие, только ведь некуда. Двипамаранум одиночек не любит. Даже если для нас с земляком реально замыслили плохое — здесь оно имеет какие-то четкие контуры, а не абстракцию с щупальцами.

Тут наш долгий подъем закончился, вышли на перевал. Манекен-Аканта присвистнула громко, не по-женски, да и мне открывшееся зрелище показалось очень достойным.

Облака: ниже нас, клубящиеся, повсюду. Не сразу понял, что это пар от сотен гейзеров, на километры-мили вокруг. Тропа с перевала уходит вниз, теряется в тумане, а далеко впереди, за хребтами и облаками протянулась блестящая лента воды.

— Это Сита, великая река, — сказала Лаэна, оказавшись бесшумно за моей спиной. — Никто из мудрецов моего отца не знает, где ее истоки, но море делается пресным, когда принимает ее в себя.

— Эротичное сравнение, — оценил я, потом спохватился. — В смысле, очень красивое, возвышенное!

— Не подбирай слова, мне и так понятно, — улыбка царской дочери сделалась вдруг очень откровенной, взгляд прошелся по мне снизу доверху, будто впервые. — Удивлена, что ты знаешь имя Эроса, пришлый, но сейчас надо думать о другом. Взгляни-ка туда.

Указала пальцем, по-простому, а дальше я сам увидел. Неприметная долина, милях в

десяти от нас, если зрение не обманывает. Окружена скальным гребнем, но в одном единственном месте ограда разомкнута — со стороны моря.

— Это то, о чем я думаю?

— Оно самое! Видишь, там тоже всё дымится, но это не пар, а горячая кровь земли. Новый дракон уже рвется наружу!

— Весьма вдохновляюще, — оценил я известие, потом спохватился. Второй уже раз подряд. Менять надо стиль поведения, общаясь с такими персонами! Я ведь теперь не «мешок» диванный, а дрессировщик тигров, контактер с негуманоидными цивилизациями, спаситель детишек и многое другое! Соответствовать надо высокому образу!

— Мы туда прямо сейчас идем?

— Всему свое время, — усмехнулась царская дочка, приложила ладонь козырьком ко лбу. — Видишь, вон там и там? Мои глаза меня не подводят?

— Не-а! Люди какие-то, к Долине топают!

— Им тоже хочется могущества, но не многие сумеют туда спуститься. Силы Долины очень капризны, я помню это по рассказам няnek в отцовском дворце. Надо подготовиться.

Снова эта улыбка, от которой в моем организме всё зашевелилось, несмотря на усталость. Даже если обманывает и пытается заманить — будь, что будет.

Спуск оказался тяжелее подъема. Очередная щербнистая тропа, хороший уклон, держаться не за что, но и бежать чревато. Не остановишься потом. Организм с этой гонкой смирился, даже ноги болеть перестали, хоть и налились свинцом. На это я уже внимания не обращал. Считал шаги, пытался их перевести в содержимое бутылей, ведер, еще какой-нибудь тары моего развития. Так оно проще.

Привал устроили в долине — только не драконьей, а с теми самыми гейзерами. Одной из десятков, разбросанных тут повсюду. Район с высокой сейсмоактивностью, выражаясь научным языком. Помимо фонтанов здесь обнаружилось множество естественных ванн, на что девицы среагировали восторженно. Одни взялись устанавливать шатры, другие занялись обедом, но про караул не забыли — три лучницы и с ними Паша полезли на окрестные возвышенности. Здоровяк, определенно, места себе не находит теперь.

— Нападения ждем? Звериный оскал конкуренции?

— При чем тут звери? — наморщила лоб Манекен-Аканта. — Сейчас людей опасаться нужно, они куда страшнее саблезубого!

Похоже, с афоризмами и шутками здесь перегибать не стоит. Проще надо быть. Для начала, выбрать впадину с горячей водицей и смыть в ней всё, что накопилось. Ни мыла, ни шампуней, но в полевых условиях и это рай!

Сказано — сделано. Отошел подальше, и клубящийся пар прикрыл меня от девичьих взглядов. Такой уж я старомодный в вопросах гигиены. Яму выбрал просторную, да чтобы водица не совсем кипятком, да чтобы не прыгнуло на голову что-нибудь зубасто-когтистое. Забрался, наконец, по шее, расслабился, а бурлящие пузырьки принялись ласкать моё тулово похлеще любой джакузи. Задремал даже — и дернулся как ошпаренный от звонкого девичьего смешка.

— Ты неосторожен, Александр-Удав! Можешь и смерть свою проспаться!

Не знаю, как она меня нашла в этом большом хамаме, но факт остается фактом. Дочь царя неведомой мне Илирии стояла сейчас надо мной и разглядывала с таким выражением лица, что мое тело начало реагировать совсем уж бурно и по-мужски однозначно.

— Смерть во сне — нормальная тема! А ты и сейчас не отдыхаешь, повелительница,

контролируешь помывку подданных?

Хотел состричь, но вышло как-то натужно — нормальная реакция голого мужчины на одетую девушку. Вооруженную, вдобавок, и облеченную властью. Поплачусь когда-нибудь за длинный свой язык, но явно не сегодня: кинжал Лаэны лег на землю вместе с поясом, развязалась бандана, распустились завязки черных одежд. При девушке осталась только власть... ну, ладно, еще золотые браслеты. Совершенно голая, тонкая, тугая, будто лук с натянутой тетивой. Такая же красивая и опасная.

— Нравлюсь?

— Очень! — признался я обалдело. — У меня тут не золотая ванна, но если тебе не в напряг... если сочтешь достойной себя...

— Царские дочери выше любых условностей. Особенно с теми, кому обязаны жизнью.

Она скользнула в горячую воду, а дальше мое терпение лопнуло. Шагнул навстречу, притянул к себе.

— Подожди! — она кинула меня за ухо, будто дикая кошка, руки обвили шею, а тонкие сильные ноги обняли меня под водой. — Подожди, я сама... да, вот так... еще...

Мир кружился вокруг, и вода бурлила, и не было ни вчера, ни завтра, только сегодня. Только сейчас и здесь. В долине гейзеров, в импровизированной ванне, в неведомой и невозможной земле по имени Двипамаранум. В страшной сказке, ставшей вдруг упоительным сном, совсем ненадолго.

Дальше — все равно!

Глава 15

Не знаю, сколько это длилось, но и оно прошло. Разгоряченная девушка отстранилась, превращаясь обратно в здешнюю супер-леди, словно маску надела. Или наоборот, сняла. Голос, впрочем, остался томным, да и взгляд до конца не сфокусировался.

— Кто так разрисовал твою кожу, Александр-Удав? В твоих землях это принято?

— Не у всех. Бывают с ног до головы расписаны, а бывают...

— Тс-с! Это уже не важно. Ты был хорош, Александр-Удав.

— Ты тоже... царица моя.

— Долго ждал, чтобы так меня назвать! — она рассмеялась тихо, не отводя взгляда. — Храбрец и спаситель... ты совсем не похож на Геркулеса, хоть вы с ним из одних земель.

— На кого? — пару секунд в голове крутились греческие мифы, потом догадался. — Это Паша тебе так представился? Ай, молодец!

— Он напорист и нагл, а ты притворяешься скромником, но женщины чувствуют правду. Внутреннюю силу, подобную лаве вулкана. Любопытно, что он тебе подарит?

— Кто именно? Вулкан, или Паша?

— Дракон, который скоро родится, — теперь она глядела с напористым, хищным интересом. — Ты не сразу почувствуешь перемены в себе, но они обязательно будут. Сегодня способен взглядом прогнать саблезубого, а что же потом? Кем ты станешь?!

— Кем мы оба станем, так оно правильной. С Геркулесом!

Хотелось сказать иронично, но как уж вышло. Расслабился, идиотина, поверил комплинтам, ласкающим мужицкое самолюбие — от реальной царской дочки, вдобавок! Не въехал, что ей по-прежнему нужен не мужик, а рабочая единица, которую надо «прокачать» по максимуму. Чтобы пахала с отдачей. Государственное мышление, далеко пойдет наша девочка!

— Я, кстати, добрые дела могу и бесплатно делать. Если ты только ради этого...

— Что? — ее тело в моих руках напряглось, глазищи налились яростью. — Ты всерьез возомнил, что Лаэна, дочь повелителя Илирии способна платить мужчинам собой, будто шлюха?!

— Ну, шлюхи, как раз, мужчинам не платят, даже наоборот...

Секунду казалось, что она попытается мне врезать. Не пощечину дать по-девичьи, а конкретно влепить кулаком. Я, конечно, отобью, на былых боксерских навыках, но получится несолидно и смешно — драка двух голых, по пояс в воде.

Царская дочка это тоже поняла: отступила резким движением, а вторым оказалась на краю «ванны». Всё такая же упругая и гибкая, но теперь на этот лук наложена стрела со стальным наконечником. Подхватила свою одежду — Лаэна, не стрела — канула в окрестный пар.

— Ох, какие мы нервные, — пробурчал я вдогонку, и тут же захотелось язык себе откусить. Ну, какого лешего, в самом-то деле?!

К коллективу вернулся распаренным и красным, будто после хорошей бани. Абсолютно трезвым, вопреки традициям, зато предельно удовлетворенным, а потому, в хорошем настроении. Пробовал скрыть самодовольство от окружающих, но все каким-то образом почуяли. Или знали уже. Девицы глядели теперь с любопытством, переходящим в искренний интерес, Аканта покосилась хмуро, но комментировать не посмела. Самый тяжелый взгляд я поймал от Паши. Перед выходом уже, когда поднялись из долины на очередную возвышенность, и караульные, наконец, примкнули к отряду. Не знаю, что именно здоровяк увидел, а что додумал собственной башкой, но теперь я, похоже, обзавелся не просто троллем-хамом, а врагом. Придется глаза на затылке держать.

«Не бойся, двуногий, я буду рядом. Почему ты, кстати, так огорчен ссорой с этой женщиной? Ты ведь уже получил от нее желаемое».

— Чего б ты понимал, глупый змей! Это вам лишь бы свиться в клубок и яйца потом отложить, а тут другое!

Фиссаш не обиделся, зато на тропе впереди и сзади раздались смешки. Опять увлекся общением, растяпа! Девчонки, кстати, не просто улыбчивы, а надушены после «хамама» какими-то маслами, так и витает всё это в воздухе — хотелось бы думать, что ради меня, но вряд ли. Скорее, какое-нибудь ритуальное «омовение и умашение» перед волшебной Долиной. Чтобы расслабилась и впустила в себя... эк меня тянет сегодня на эротические сравнения! Не о том думаю!

Первый труп мы увидели ближе к вечеру. Человека, не впущенного Долиной на самых дальних подступах. Молодого и крепкого парня, повисшего в воздухе головою вниз — просто так, без фиксации. Лицо от прилива крови сделалось черным, но мухи еще не слетелись.

— В сторону, никому не лезть! — скомандовала Аканта, и все, как ни странно, послушались. Даже царская дочка прижалась к скальной стене. Манекен набрала горсть щебенки, метнула три камня подряд — все зависли в воздухе рядом с телом.

— Без сталкера явно не обойтись! — выдал я фразу, которую никто здесь не понял. — Может, другая дорога есть?

Аканта вместо ответа принялась вынимать из наплечного мешка какие-то крохотные

кувшинчики. Содержимое трех из них смешала в глиняной плошке, пошептала, распылила всё это в направлении трупа.

Пыхнуло — будто магний загорелся. Огненная дорожка пробежала по воздуху до конца тропы, висящий упал, но живее от этого не сделался.

— Уф-ф! — выдохнула Манекен, смахнула ладонью пот со лба. Кинула снова пару камней — в этот раз долетели беспрепятственно.

— Дальше так просто идти не получится, Долина себя защищает! Хочешь прокладывать дорогу, пришлый?

— Неожиданное предложение. Меня эта магия не возьмет, что ли?

— Возьмет. Но тебя не очень жалко.

— Слушай, красотка, я понимаю, что ты лучница и шаман, но надо меру знать!

— Не злись, воню... Александр-Удав, я пошутила. У тебя хорошее чутье, ты показал это, разглядев того оборотня. Сейчас оно пригодилось бы нам всем!

— Ладно, красноречивая, уболтала! Рассказывай, как тут ходить, чтобы не сразу загнуться?

«Что ты творишь, вообще?! Повелся на „слабо“, стал жертвой психологической манипуляции, выглядишь полным лошарой сейчас! Остановись! Одумайся!».

Это мне не крылатый змей внушил, и даже не «альтер эго» в лице Асши. Собственные мысли переполняли череп, когда я двинулся-таки по тропке первым. Прекрасно помнил Пашины слова насчет «отмычки», но такой пофигизм навалился, хоть в пропасть сигай. Вадик исчез, ловить здесь особо нечего. Осталось жить одним днем. Особенно в присутствии красивых девочек, которые ценят в мужчинах, по старинке, силу и отвагу. Восхищенные взгляды, они ж как наркотик — очень легко «подсесть».

«Дурак ты, Саня! Брата ругал, а сам похлеще малолетки! Не стыдно?!».

— Да пошел ты! — сказал я вслух, и снова не Асше, а себе самому. Благоразумному прежнему Сашуне, любителю обходить конфликты. Асша, думаю, поддержит — когда будет время с ним пообщаться. Точно не сейчас!

Очередной препон поджидал нас уже за поворотом тропы. Угадало его не мое расхваленное чутье, а интуиция Фиссаша — крылатый змей вдруг метнулся назад, будто ветром отбросило, зашипел, приземлился передо мной.

«Туда нельзя!».

— Снова какая-то бяка? И что с ней делать?

«Зови эту женщину, а за угол не суйтесь, сдует!».

Я глянул в пропасть. Высота с половину стадию — метров сто — но внизу отчетливо различимы людские останки, там и тут. Сдуло, наверное. Аканта протиснулась мимо меня, поднимая лук, щелкнула тетива — стрела пролетела десятков шагов над пропастью, потом ее завертело, понесло куда-то.

— Какие снадобья ты смешаешь на этот раз, красотка?

— Не дерзи мне, Удав! — шрам на лице Манекена сделался красным, хотела добавить что-то еще, но передумала. — Нам придется спуститься туда и продолжить путь по дну ущелья. Ты рад?

— Мне глубочайше всё равно.

Соврал, разумеется. Никто не останется безразличным, спускаясь на сотню метров, если держит тебя над пропастью лишь тонкая веревка. А ее, в свою очередь, держит человек, мечтающий тебе башку свернуть. Это я про Пашу — девчонкам мою тяжесть не доверили, да

и вообще... похоже, Лаэна решила устроить очередной эксперимент. Поглядеть, как двое мужиков будут цапаться из-за нее. Если ждала интересного зрелища, то просчиталась: экс-коллектор приземлил меня аккуратно, будто хрустальную вазу. У него на меня оказались другие планы, но озвучил их Паша гораздо позже.

Перед самой Долиной озвучил, через несколько часов после спуска в пропасть. Позади к тому времени остался еще десяток миль пути. Смертельных магических ловушек нам больше не встретилось, я вовсю поигрался в сталкера, перекидал бессчетные горсти камушков, наслаждался взглядами амазонок и их повелительницы. В одном из ущелий ждали конкуренты с луками, но стрелять не стали — издалека разглядели, сколько нас. Потом тропа вдруг закончилась, и спешить стало некуда.

Финиш.

Прогалина в горной гряде, затянутая маревом — как-то сразу понятно, что лезть туда, сломя голову, не стоит. Аканта, впрочем, попыталась, снова щелкнула тетивой, но стрела от этой преграды элементарно отскочила.

— Жертва нужна, — озвучила Манекен мои худшие подозрения и выразительно на меня уставилась. Ждала, похоже, что я и тут подпрыгну от счастья.

— Жертва, кровь, особые заклинания, отворяющие Долину.

— Где-то я всё это уже слышал. И сколько же моей горячей кровушки понадобится в этот раз? Хватит кувшинчика, или вся целиком уйдет?

Амазонки уже собирались вокруг, сбрасывали поклажу, прислушивались с интересом. Желания пожертвовать собою я на их лицах не увидел, но Лаэна решила иначе:

— Заклятье Долины снимается кровью героев, — повторила прежнюю истину. — Этот пришлый показал свою смелость, но вы, мои сестры, проявляли ее несравнимо чаще! Пусть самая храбрая из вас порежет свою ладонь и коснется незримой преграды, и пусть сами боги увидят, какие сердца бьются в груди дочерей Илирии! Если не хватит пореза, мы кинем жребий, и тогда...

— Красиво сказано, аж слезы потекли! — раздался вдруг знакомый голос. — Сердца у вас, конечно, храбрые, да и сами вы — красотки, поэтому нефиг вам страдать?! У меня есть предложение получше!

Экс-коллектор протиснулся сквозь толпу, вышел вразвалочку, на видное место, подбоченился. Нашел меня взглядом и подмигнул.

— Мы с Сашуней-Удавом сейчас на топорах сойдемся, вот и будет вам кровь! Реальная, героическая, вся, что есть в человеке! Согласен, Сашуня?! Хотя... у тебя и выбора-то нет!

Сказать, что я испугался? Не буду, пожалуй. Месяц назад перспектива сойтись с таким бугаем привела бы в состояние шока, а сейчас лишь затикал сухой, разумный счетчик: у Паши топор и кинжал, против хопеша имеет явное преимущество. Паша выше, тяжелее, спортивнее — меряться силой тоже не вариант. Боец, вроде Вадика, рассчитывал бы на скорость, но и с этим не ко мне. Обречен я, короче. Идеальная «груша», на которой экс-коллектор проявит свою крутизну, а девчонки простят ему всё. Благодарны будут, что не нужно им резать собственные ладони.

— Чего застыл-то, Сашуня?! Защищайся!

— Без проблем, Пашуня! Только шнурки поглажу!

Помирать — так с музыкой. Амазонки уже расступились, образовали просторный круг,

Лаэна губы поджала. За кого из нас двоих болеет, интересно? Как бы то ни было, а запретить поединок чести не может даже она. Щебенка под ногами скрипит, хопеш вдруг сделался тяжеленным, будто гирию подвесили, цвета и запахи обострились. Паша движется по часовой стрелке, рука с топором опущена, на губах все та же улыбочка. Будто шутит.

— Ты чего такой хмурый, Сашуня? Жизнь прекрасна, выше голову!

Может, реально решил приколоться? Он ведь не местный, он тоже не привык рубить людей топором! Проверяет «на вшивость», надеется, что сдам назад, опозорюсь...

Экс-коллектор вдруг сделал быстрый шаг, махнул наотмашь — ффффух! Прямо передо мной! Не шутит, однако! Отскочил я на неведомых рефлексах, рукоять тесака вдруг сделалась скользкой.

— Я ведь не тороплюсь, Сашуня, — подмигнул здоровяк. — Нам с тобой торопиться некуда, правда?

Снова движется по кругу, вкрадчиво, мягко. Мне надо так же. Будто на ринге — только удары здесь пропускать нельзя совсем. Нельзя разворачиваться к солнцу, а Паша того и добивается, кружит меня! Слишком скованно двигаюсь, слишком много дум в башке, слишком привык размышлять, когда надо действовать. У древних римлян солдата оценивали по реакции на испуг: если краснеет, то станет воином, а бледнеющих браковали сразу. Интересно, какое лицо у меня сейчас?

Фш-ш-ш-ух! Снова удар, по горизонтали, почти лениво. Я опять уклонился чудом, но закатное солнце теперь в глаза. Очень мешает. Долго так не набегаюсь, надо что-то менять: разозлить эту тушу, отвлечь хотя бы!

— А где твой Леша, если не секрет? Вы же вместе держались!

— Без понятия, Сашуня. Говорил он много, совсем как ты, а толку-то?

— Тоже умным был? В каждой паре кто-то умный, это закономерно.

Фш-ш-ш-ух! От этого удара я просто отступил. Паша еще не зол, но улыбка погасла, глядит по сторонам — не смеются ли. Вот оно где, твое слабое место!? Ну, ладно!

— Кто-то умный и смелый, а кто-то вроде тебя, Пашуня. Кроме мускулов ничего тебе не досталось!

Аканта хихикнула — ее хрипоту ни с кем не спутаешь — следом охотно поддержали несколько девичьих голосков. Здоровяк вдруг пошел на меня, замахнулся по-молодецки — а я навстречу кинулся. Присел, пропуская удар, маханул по выставленной ноге. Попал!

— Епта! — удивился Паша, глянул на рассеченную штанину. — Ты чё творишь, олень?!

— Я не олень, я Удав. Я тебе все конечности отрублю, если не сдашься!

— Ну, ты покойник!

— Многие так говорили, но нет их теперь! — у меня поперло отчаянное красноречие, зато вся скованность пропала. — Многие пугали, многие силой пытались давить! Сила есть — ума не надо, Пашуня? В вашей парочке Леша старшим был? Вы с ним как нитка с иголкой, как бык с тореадором, как Дон Кихот с Санчо Пансой...

Последнее сравнение экс-коллектора почему-то задело — топор замелькал с удвоенной частотой, лицо покраснело, даже сопеть начал. Такого бы римляне точно приняли. Штанина намокла кровью, но не чувствует, слишком зол.

— ...Как сосиска со сдобной булочкой, да? Как Земля с Луной, как штепсель с розеткой, как кот с Куклачевым...

Фш-ш-ш-ух, фшух, фшух, фшух!!!

— ...Как Энгельс с Марксом, как «камаз» с прицепом, как муж и жена...

Вот это я зря сказал! Не по «понятиям», в нарушение всех пацанских традиций, из которых Паша так и не вырос. Амазонки захохотали, здоровяк втянул со свистом воздух — не поверил ушам, наверное. Выдохнул и прыгнул. С места.

Снес меня как ураган — пушинку. Как Тайсон — боксера-перворазрядника, как бордосский дог — эрдельтерьера... да нафиг эти сравнения! Тем более что, шутки кончились. Упал я крайне жестко, на спину, а Паша удержался на ногах. Спортсмен, однако! Прижал меня ступней сорок шестого размера и весом в полтора центнера, вдохнул опять поглубже, замахнулся топором...

...Время снова остановилось. Как с тигром. Возле Пашиной фигуры возникла вторая картинка: белоснежная пустыня и ведра. Красное — чуть в стороне, дотянуться трудно, но если захотеть... схватить невидимыми руками, наклонить над ведром с надписью «сила»... Есть! Содержимое полилось, переполнило тару, а остаток я опрокинул в «ловкость». Отпустил ведро, и вторая картинка исчезла.

Остались здоровяк и падающий топор — плюс неведомая, распирающая меня энергия. Заорал и вскинул хопеш навстречу смерти.

Хр-р-р-р-р-рясь!!!

Слабенький блок, тут и не фехтовальщику ясно: тесаком, с одной руки против тяжелой секиры. Топор был просто обязан его снести — но не снес. Завис надо мной, оперевшись в бронзовый серп.

— Епта! — снова удивился экс-коллектор, размахнулся заново.

Ждать я не стал — толкнул противника в колено, что-то хрустнуло, тот попятился, вытаращил глаза, а хопеш полоснул его по второй ноге. Разрубил штанину и плоть на бедре. Вскочил я одним движением, будто подбросило, махнул тесаком, еще раз, еще. Паша всё пятился, собирався с силами, рубанул, наконец, с обеих рук.

Уклоняться я тоже не стал — ударил сбоку и отсек противнику кисть.

Выпал топор. Экс-коллектор рухнул на задницу, кровь захлестала пульсирующими толчками — очень темная, ненатуральная с виду. Залила моментально щебенку и всё вокруг.

Кровь пришлого, кровь героя.

— Ну, вот и всё, — сообщил я Паше и взялся за рукоять тесака покрепче. — Как ты хотел, братан, так и вышло. Теперь умри.

Глава 16

Умолять он не стал — или просто, одурел от боли. Глядел, как кровавый серп возносится над головой, пальцы левой руки сдавили правое запястье, пытались удержать сбегающую жизнь.

Может, это меня и остановило. Добивание врага — отдельный навык, с рождения не дается, если ты не псих. Злость уже схлынула, горячка боя превратилась в усталое торжество. Хопеш опустился без удара.

— перевяжите его кто-нибудь, — сказал я тихо, но услышали, засуетились. Лицо Лаэны всё еще каменное, сердитое, не простила меня до сих пор.

Ну и фиг с ней.

Полсотни метров до входа в Долину показались вечностью — непонятный выброс энергии измотал меня, будто марафонский забег. Кровь на хопеше уже загустела, собрал ее пальцами, прикоснулся багряной ладонью к туманному мареву.

П-ф-ф! Короткое шипение, будто коту на хвост наступили. Никаких больше

спецэффектов — исчезла преграда. Открылась Долина во всем великолепии: с полсотни гектаров каменистой пустоши, тут и там торчат невиданной формы холмы, похожие на динозавров — чем дальше от моря, тем более корявые, изъеденные ветрами за сотни лет. У самого берега светит алым громадная трещина, дымится, запах сероводорода даже сюда дотягивает. А там ведь сдохнуть можно, безо всякой магии. Если тяжелые газы висят у земли, и ветра нет.

«Надо выбрать правильное место, двуногий. Многие спустятся туда, но немногие выживут. Память предков...».

— Я доверяю их памяти, Фиссаш. Можешь что-то конкретное сделать?

«Попробую».

Где-то слышал, что в шахтах использовали канареек вместо детекторов угарного газа. Птички от него элементарно дохли, а люди спешили наружу, пока еще ноги двигались. Насчет пригодности змей в этом качестве сомневаюсь, но выбора нет. Солнце почти закатилось. Скоро начнется!

— Не будем спешить, — сказал я в ответ на нетерпеливые взгляды. — Этот замечательный крылатый друг спускается первым, я за ним, вы держитесь хорошо позади. Если свалюсь, подходить не надо, там смерть. Ты с нами?

Последнюю фразу я адресовал Паше. Всё еще живому, с перевязанной натуго культей и явно напичканному снадобьями от боли. Может, даже незабвенными крокотами. Лицо, конечно, белое, но шансы есть. Если заражение не начнется.

— Глянешь там на дракона, попросишь. Может, он тебе новую руку вырастит.

— Да пошел ты, — сморщился экс-коллектор. — Добренького корчишь, падла? Руби уже сразу по башке!

— Ну, и дурак.

Ни азарта, ни желания с ним дискутировать. Идти пора.

Первые метры дались с трудом — чисто психологически. Будто в громадную могилу спускаешься. Сверху видно, что мы не одни: тут и там на гряде суетливое движение, будто муравьи копошатся. Конкуренты, сумевшие избежать ловушек, тоже принесли жертву, пробившиеся, наконец, к цели. Насчитал их десяток-другой, потом это дело бросил. Нам до трещины ближе всех и прекрасный путь туда ведет — водораздел между мрачными, подозрительными низинами. Завершается очень удобной площадкой для наблюдения, никакая магма не дотечет. Закатное солнце облило Долину красным, площадка в лучах отблескивает как рубин, натурально манит к себе.

— Пошли, чего ждешь?!

«Не торопись, двуногий! Я роюсь в залежах памяти, ищу хоть что-то, связанное с этим местом. Следуй за мной».

— Ты уверен? Гляди, какая тропа хорошая, а в этих ямах весь газ накапливается! Ты хоть в курсе, что такое газ? Сероводород, метан, углекислый? Да откуда тебе знать, рептилия!

Вурх не дослушал, заструился между камнями, а следом и я пошел. Прямоком в ближайшую низину. Задержал невольно дыхание, постоял минутку, вдохнул разок. Голова не кружится, судорог нет, идем дальше.

— Зачем ты туда полез, Удав?! — голос Лаэны прозвучал взволновано. За меня

опасается, или за собственную царскую жизнь?

— Спускайся, амазонка! Здесь безопаснее, чем на тропе! — я замолк на секунду, прислушался к мысленным речам Фиссаша. — В этой Долине всё наоборот, здесь законы физики действуют иначе, а газ течет поверху!

Последние два аргумента добавил от себя, конечно же — девушка их не поняла, но поверила. Спрыгнула первой, отстранив Аканту, догнала меня в несколько шагов.

— Высоко — это низко, далеко — это близко... ты прав, Александр, я такое тоже слышала в отцовском дворце! Мы пойдем рядом!

— И вместе загнемся? А куда твое племя без повелительницы?! — хотелось добавить что-то еще, но поймал ее упрямый взгляд и махнул рукой. Так оно даже приятней. Девчонки уже спускаются следом, багряное зарево гаснет понемногу, в небе зависла местная Луна — непривычно огромная, но пока не черная. Надо ускориться!

— Рад, что становишься мужиком! — пробудился в мозгу знакомый голос. — Переставешь тратить время на заботы о тех, кому оно не надо! И не разводишь интеллигентских соплей по поводу отрубленной руки врага.

— Асша, ты, что ли?! — постарался спросить, не разжимая губ, и получилось, вроде. Лаэна, идущая рядом, не услышала.

— Продолжаем общаться офлайн?

— Во-первых, уже не Асша, а Саша. Мы теперь одно целое, да и ты привыкаешь к новому имени, не запутаешься. Во-вторых, твои новые возможности я сам не ведаю. Как ты сумел, вообще, дотянуться до красного ведра?

— Меня спрашиваешь?! Кто из нас умная, всезнающая нейросеть?! Жить хотелось, вот и дотянулся! Опять грешу на того земноводного — не успел он со мной корректно расконнектиться, скажем так. Оставил кусок своих умений.

— Так, может, они и Вадику твоему талантов добавили? Уверен, что стоит его искать?

— А зачем я сюда явился, в таком случае?!

Главное — не перепутать собеседников с собственными мыслями! Как в этом мире относятся к людям, общающимся вслух неизвестно с кем? Хорошо, если принимают за колдунов и пророков, а не камнями побивают.

— Насчет Вадика ты вовремя вспомнил. Переживем сейчас эту Черную Луну, потом уболтаю амазонок всерьез наведаться к «жабам». Девчонки мне малость должны, согласятся. Устроим погром, допросим «жабьего» шамана, выясним, куда могли утащить братишку.

— Он ведь тебе уже говорил, что не знает.

— Мало ли, что он квакал, когда был хозяином положения! С раскаленной железкой в заднице запоем по-другому!

— Какой-то ты злобный стал, Удав. Меняешься на ходу.

— Это плохо?

— Мне ты нравился добродушным умником. Теперь тебя труднее стება, но я найду возможность, не сомневайся. Кстати, ведра твои изрядно расплескались, а красное совсем пустое. За стену тебе по-прежнему нельзя.

— После «жаб» опять наполнятся, все сразу! Закроем этот гештальт уже!

Камни под нашими ногами вдруг начали светиться, пока еще тускло. «Идеальная наблюдательная площадка» осталась в стороне, но причину ее блеска даже отсюда видно — костями усыпана. Белоснежным порошком как пустыня в моих снах. Останками многих поколений, наверное, приходивших сюда каждый век и не знавших законов Долины.

«Высоко, но низко, далеко, но близко...», или как там наша амазонка говорила? Напомнила мне, кстати, другую фразу: «Нельзя открыть открытое и отпереть незапертое». Батя именно здесь нахватался этой зауми, не отпускала она его, тянула обратно. А может... может, он и есть теперь — царь Илирии? Реально, чем черт не шутит?! Лаэна, с виду, чуть старше Вадика, вполне могла родиться после отцовского возвращения в этот мир. Соответственно, пикантейшая ситуация вырисовывается — с учетом нашей горячей ванны!

— Ты и сейчас про распутство думаешь? В жизненно-важный, почти исторический момент, способный развернуть твою жизнь на сто восемьдесят градусов и пустить ее совершенно в другую сторону? Ну, что ты за раздолбай?!

— Не хуже тебя, «альтер эго» хренов! Всегда таким был!

— Да уж, психотип личности не меняется, хотя... сумел же ты взять себя в руки и жестко поставить здесь. Сопли жевать перестал, извини уж. Двипамаранум — особый мир, остров перерождений, отсюда и название такое. Из тех времен и религий, где верили в эти перерождения.

— Ни фига не понятно, но звучит красиво!

Последнюю фразу сказал вслух, но Лаэна ее не заметила — на другое сейчас глядела. На серебряный лунный диск, медленно чернеющий: не с краю, как при затмениях, а с середины. Сзади кто-то вскрикнул, кто-то забормотал молитвы, царская дочка схватила меня за руку, не отрывая взгляда от небес. Нервы у всех не железные, ага.

«Поторопись, двуногий! Нам надо выйти вон в ту ложбину!».

Вопросы кончились — остался бег по пересеченной местности, к морю. К багряному зареву и гулу, к вони сероводорода, к нарастающему жару.

— Уверен, что мы тут не сваримся?!

«Скоро сам всё узнаешь! Быстрее!».

Лунный диск окончательно почернел, но темно не стало. Земля под ногами светилась теперь ярче электролампочки, сквозь серый фон бульжников проступали тут и там разноцветные нити — жилы драгоценных камней и металлов, похоже. Всех тех, что нигде в природе не залегают рядом, но тут ведь свои законы.

«Всё, мы на месте! Склони же голову перед величием рождающегося дракона, двуногий!».

— Даже не подумаю! Это вам, змеюкам, он родственник, а мне...

Лаэна вдруг снова стиснула мое запястье, прижалась всем телом — расселина впереди начала закипать. Дым повалил сильнее, хлынули в стороны алые ручьи, земля под ними лопалась и раскрывалась угловатыми ртами. Обнажала блеск сокровищ. Вслед за алым из трещины полезло зеленое, густое, принялось вздыматься и громоздиться с невероятной скоростью.

Поднялось высоченной корявой горой.

— Наземь! Все ниц! — голос Лаэны пробился сквозь грохот и жар, амазонки послушно упали, закрыли руками головы. Суеверные люди, поржать бы над ними!

Только вот не смешно!

Зеленая гора задвигалась. Шевельнула исполинской шеей, повернула туда-сюда невероятных размеров драконью башку.

Взглянула на меня светящимися пятнами глаз.

Дыхание остановилось. Я попробовал вдохнуть, но не смог, попробовал зажмуриться — не получилось тоже. Весь превратился в лед и камень, тело исчезло, перестало ощущаться,

осталось вращение звезд и нарастающий непостижимый ужас.

Дракон закончил оглядываться — направился к морю, сотрясая берег, вошел с разбегу. Шипение, облако пара, трубный рев, будто сотня слонов устроила концерт по заявкам.

Это я так шутить пытаюсь.

Чтобы не думать о тысячах литров воды, испарившихся разом, оголивших морское дно на несколько миль от берега. Прекрасно все рассмотрел в зеленом свечении горы-дракона.

Увидел громадную волну, идущую с моря обратно к нам. Цунами до самого неба.

Помолился бы, если б умел, как следует — а сейчас получилось только орать.

Пока не нахлынуло и не снесло.

Вода кругом, темнота и смерть. Заполняет горло, уносит со страшной силой, вращает, крутит...

...Удар головой обо что-то, руки вцепились, сдавили широкое, твердое...

...Очнулся. Держусь за обломок деревяшки, вокруг ночной океан, только светятся вдали зеленые огоньки. Грудь разрывает кашлем, тело судорогой свело.

Всё это уже было. И ночь, и море. Может, остров Двипамаранум мне привиделся — последние конвульсии сознания, пока мозги не отключились? Не было ни чудищ, ни амазонок, совсем ничего, только эта бесконечная вода вокруг?

Волна хлестнула в лицо, опять закашлялся. Увидел громадину, наплывающую из мрака. Корабль!!!

«Дежа вю» продолжается! Приподняться на деревяшке, завопить из последних сил, пока не накрыли длинные весла, не втоптали в воду, не утопили окончательно!

Снова темнота...

Полумрак и неясный шум. Чьё-то лицо надо мной — определенно, мужское, совсем незнакомое. Всё еще хочется кашлять, но уже терпимо. В спину давит жесткая палуба, откуда-то тянет крепким потом, доносятся ритмичные команды.

— Кто ты?

Громкий, уверенный голос, суровый взгляд из-под бровей. Белая, длинная одежда, черная борода и кудри, меч на поясе. Будто картинка из учебника про Древний мир, только радости узнавания не чувствую. Недружелюбная какая-то картинка.

— Мне повторить свой вопрос, презренный варвар?! Кто ты такой и как оказался в море?!

— Крк-кх! Уда... кркх-кха!

Закашлялся вовремя — похоже, кличка моя тут совсем не к месту. Не способствует, скажем так, установлению теплых и доверительных отношений.

— Твоя речь невнятна, варвар! Может быть, плетка сделает твой язык красноречивей?!

— Я... кркх-кха... я не варвар. Я — Вар! Тит Клавдий Вар, патриций, сын сенатора Гая Квинтилия Вара!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

ПРИЛОЖЕНИЕ

Летоисчисление и меры времени мира Двипамаранум

в сравнении с нашим миром

— вздох = 1 секунде нашего времени;

— сата (минута) = 100 вздохам = около 1,5 минут нашего времени;

— гант (час) = 100 сат = 10000 вздохов = около 1,5 часов нашего времени;

— трама (сутки) = 15 гантов = 1500 сат = около 22,5 часов нашего времени. Разделяются на 7 дневных гантов и 7 ночных, между которыми находится 1 «мертвый» гант, считающийся недобрым временем для любых занятий;

— септа (неделя) = 10 трам = 1500 гантов = 9 с небольшим суток нашего времени;

— мас (месяц) = 3 септы = 30 трам = 28 с небольшим суток нашего времени;

— варс (год) = 10 масов = 30 септ = 300 трам = 281 сутки нашего времени.

Меры длины

в сравнении с метрической системой

— дактиль (палец) = 1,9 сантиметра;

— палестра (ладонь) = 4 дактиля = около 7,7 сантиметров;

— пехис (локоть) = 6 палестр = около 46,2 сантиметров;

— бема (шаг) = около 1,5 пехисов = около 77,1 сантиметров;

— стадий = около 240 бем = около 185,1 метров;

— миля = около 7,5 стадий = около 1,4 километра.